

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВА,

инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, члена-корреспондента Финляндскаго
Общества Археологіи въ Гельсингфорсѣ и друг. общества.

Выпускъ VI:

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛѢ ЕРМАКА И СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИИ ЗАВОДОВЪ

ПЕРМЬ.

Типографія Н-новъ П. Ф. Каменскаго.

1895.

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВА,

инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, члена-корреспондента Финляндскаго Общества Археологій въ Гельсингфорсѣ и друг. обществъ.

Выпускъ VI:

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛѢ ЕРМАКА И СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.

Типографія Н-ковъ П. Ф. Каменскаго.

1895.

Дозволено цензурою. Г. Казань. 8-го мая 1895 года.

Отъ автора-издателя.

Въ настоящемъ выпускѣ «Пермской Старины» мы закончили исторію отношеній Московскаго правительства къ Кучуму, въ связи съ колонизаціонной дѣятельностью Русскихъ въ Сибири и бывшихъ странахъ Угорскихъ, съ основанія Тобольска до начала XVII вѣка. Чтобы показать участіе Пермскаго края въ сибирскихъ событіяхъ за это время, мы опять должны были выступить за предѣлы собственно Пермской губерніи, современныя границы которой имѣютъ мало значенія для столь отдаленнаго времени. Говоря о дѣятельности тогдашнихъ Великопермскихъ воеводъ, мы и здѣсь не могли забывать одновременной роли Строгановыхъ какъ въ дѣлахъ Сибири, такъ и остальной Россіи, ибо они изъяты были изъ вѣдѣнія воеводъ. Политическія событія того времени дѣлаютъ эту роль настолько замѣтною, что умалчивать о ней было нельзя, когда на очереди явился вопросъ о причинахъ кореннаго измѣненія въ отношеніяхъ къ нимъ верховной власти вскорѣ же послѣ постигшей ихъ опалы Іоанна Грознаго. Это же соображеніе въ свою очередь побудило насъ, со вступленіемъ въ Смутное время, параллельно указать и роль Великопермскихъ воеводъ за это время, т. е. возвратиться къ Перми Великой. Хотя исторію ея мы довели до конца XVII вѣка, но раньше мы слѣдили преимущественно за поземельными отношеніями въ этой странѣ, почему и не считали удобнымъ дѣлать большого отступленія отъ прямой цѣли. Теперь же подробности событій Смутаго времени на русскомъ сѣверо-востокѣ удобно было очер-

тить въ общемъ обзорѣ этой исключительной по своему характеру эпохи, наступившей вскорѣ послѣ покоренія Сибири. Отложить до VI-го выпуска подробности Смутнаго времени насъ побуждало еще то соображеніе, что до окончанія изслѣдованія «сибирскаго вопроса» было бы трудно выяснитъ тѣ особенности отношеній Перми къ Сибири, которыя въ значительной степени препятствовали широкому участию порубежнаго Пермскаго края въ тогдашнихъ событіяхъ остальной Россіи. Таково научное оправданіе намѣренно допущеннаго нами раньше пробѣла въ исторіи Перми Великой. Позволимъ себѣ при этомъ напомнить читателю, что наше изданіе носить на себѣ названіе «сборника».

Въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску мы помѣщаемъ рядъ неизданныхъ царскихъ грамотъ, современныхъ изслѣдуемому здѣсь времени, жалованныхъ Строгановымъ. Содержаніе ихъ можетъ наглядно показать читателямъ роль Строгановыхъ при Іоаннѣ Грозномъ и его преемникахъ до воцаренія дома Романовыхъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полныхъ списковъ этихъ грамотъ и предлагаемъ лишь существенныя извлеченія ихъ нихъ. *Feci, quod potui; faciant meliora potentes!*

Александръ Дмитриевъ.

Пермь.

Октябрь 1894 года.

Къ исторіи Сибирскаго вопроса*).

Въ IV и V выпускахъ предпринятаго мною изданія „Пермской Старины“, имѣющаго цѣлью изложеніе исторіи всего Пермскаго края съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго, мнѣ неизбежно пришлось снова поднять спорный и старый вопросъ о покореніи Сибири, со времени 300-лѣтняго юбилея присоединенія ея къ Русской державѣ сданный какъ-бы въ архивъ. При этомъ снова возникъ и старый споръ какъ о степени достовѣрности главныхъ сибирскихъ лѣтописей, такъ и объ исторической роли Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири. На основаніи многолѣтняго изученія мѣстной исторіи Пермскаго края и странъ сопредѣльныхъ, я примкнулъ къ сторонникамъ такъ назыв. Строгановской лѣтописи собственно въ вопросѣ о появленіи Ермака въ Пермскомъ краѣ. Противъ нашихъ выводовъ, какъ и слѣдовало ожидать, вооружились, пожалуй даже чрезъ мѣру, послѣдователи Есиповской лѣтописи изъ школы Небольсина. Одинъ изъ нихъ, г. Адриановъ, высказалъ уже дважды свой отрицательный взглядъ на значеніе Строгановыхъ въ покореніи Сибири въ своихъ рецензіяхъ на мою „Пермскую Старину“, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“**). Высказанные въ первой рецензіи взгляды г. Адрианова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще послѣдователей школы Небольсина, я долженъ былъ вновь разобрать въ деталяхъ и, пересмотрѣвъ снова всѣ источники по сибирскому вопросу,

*) Эта статья предварительно была помѣщена въ III томѣ мѣстнаго изданія «Пермскій Край».

***) См. 1893 г. апрѣль—рецензію на IV выпускъ и 1894 г. іюль—реценз. на V выпускъ,—собственно на одну 3-ю главу о покореніи Сибири, которая предварительно была помѣщена мною въ журналѣ того же Министерства за 1894 годъ, въ первыхъ двухъ книгахъ, и затѣмъ вышла оттисками.

счелъ себя въ правѣ высказать свое окончательное убѣжденіе въ V выпускѣ моего труда. По поводу этихъ-то окончательныхъ заключеній моихъ въ сибирскомъ вопросѣ г. Адриановъ опять выступилъ противъ меня съ рецензіей, къ сожалѣнію, забывъ на этотъ разъ всякую мѣру безпристрастія и критическаго такта. Не придавая какого-либо значенія личному негодованію моего антагониста, я считаю однако необходимымъ въ интересахъ истины, составляющей основную цѣль всѣхъ моихъ научныхъ занятій, сказать нѣсколько словъ по поводу вновь высказанныхъ въ печати соображеній.

Главный пунктъ, въ которомъ мы расходимся, составляетъ предпочтеніе послѣдователями Небольсина Есиповской лѣтописи прочимъ сибирскимъ лѣтописямъ и особенно Строгановской. Въ частности г. Адриановъ больше другихъ ученыхъ увлекается Есиповской лѣтописью и предъ ея авторитетомъ даже отвергаетъ достовѣрность показаній такихъ источниковъ, каковы царскія грамоты, съ чѣмъ мы рѣшительно не можемъ согласиться, близко зная мѣстную исторію Пермскаго края и въ частности Строгановыхъ. Вся совокупность источниковъ мѣстной исторіи, взаимно сопоставленныхъ, положительно убѣждаетъ въ томъ, что по степени достовѣрности царскія грамоты являются весьма надежными показателями тѣхъ или иныхъ фактовъ своего времени. Это — азбучная истина, но намъ въ свою очередь приходится напомнить о ней новому представителю „научнаго метода“, г. Адрианову. Случаи разнорѣчія царскихъ грамотъ съ другими источниками составляютъ крайне рѣдкія исключенія. Мы знаемъ собственно одинъ такой случай среди массы мѣстныхъ грамотъ, жалованныхъ Строгановымъ и близко знакомыхъ намъ. Это — ссылка на свидѣтельство пермяка Кодаула въ первой грамотѣ Строгановымъ на земли въ Перми Великой отъ 4 апрѣля 1558 г. о полной незаселенности яко-бы прикамскихъ земель южнѣ Чердыни. Справедливость показаній

Кодаула, вѣроятно, подкупленнаго деньгами Строгановыхъ, опровергается многими челобитными Чердынцевъ и Усольцевъ, раньше Строгановыхъ заселившихъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, берега р. Камы, и борьбой этихъ болѣе раннихъ насельниковъ со Строгановыми *). Берега же рѣки Чусовой и ея притоковъ, отданные вскорѣ послѣ 1558 г. тѣмъ же Строгановымъ, дѣйствительно составляли мѣстныя пустыни, среди которыхъ лишь кое-гдѣ попадались кочевые инородцы, которые въ глазахъ тогдашняго русскаго правительства не шли въ счетъ постоянныхъ обитателей края.

Но обстоятельства, при которыхъ явилась достопамятная гнѣвная грамота Іоанна Строгановымъ отъ 16 ноября 1582 года, и которыя подробно указаны нами въ статьѣ о покореніи Сибири на основаніи всей совокупности данныхъ мѣстной исторіи, — эти обстоятельства были таковы, что рѣшительно не даютъ безпристрастному, непредубѣжденному историку никакого права заподозривать правильность донесеній въ Москву Чердынскаго воеводы Пелепелицына и, слѣдовательно, показаній самой царской грамоты. Новый представитель „научнаго метода“ ни однимъ документомъ не опровергнулъ того, что сказано нами объ этихъ обстоятельствахъ, и не вѣритъ имъ только потому, что ихъ повѣдалъ намъ Строгановскій лѣтописецъ и совсѣмъ не зналъ Есиповъ. Упомянутую выше неправильность показаній царю пермяка Кодаула, попавшую въ царскую грамоту 1558 г., мы доказали документами XVI вѣка**). Пусть же и нашъ антагонистъ докажетъ намъ неправоту царской грамоты 1582 года при помощи документовъ, а не голословно, какъ онъ дѣлаетъ это вопреки научнаго метода изслѣдованія. Точно также пусть съ документами въ рукахъ разрѣшитъ онъ намъ тѣ три дилеммы, которыя поставлены нами крайнимъ послѣдова-

*) См. «Пермскую Старину». вып. I, стр. 98—100 и вып. IV, стр. 100—101.

***) См. приложенія къ I, II и III выпускамъ «Пермской Старины».

телямъ Есипова, какъ альфа и омега въ вопросѣ объ участіи Строгановыхъ въ покореніи Сибири. Чердынцы и Усольцы честно боролись со Строгановыми, не смотря на неравенство силъ и положенія; смѣло подавали челобитныя царю, какъ протестъ противъ его же грамоты 1558 г., данной Строгановымъ *). Докажите намъ такъ же документально, что Строгановы боролись съ дружиной Ермака, если она, по Есипову, самовольно явилась въ ихъ Великопермскія вотчины; докажите, что они жаловались царю на Пелепелицына, который будто-бы наклеветалъ на нихъ; наконецъ убѣдите насъ документами того-же XVI вѣка, что Строгановы и послѣ взятія Ермакомъ столицы Кучума добивались обладанія зауральскими землями, на основаніи данной имъ на эти земли грамоты 1574 года, коль скоро Ермакъ помимо всякаго ихъ участія завоевалъ эти земли. Въ этомъ случаѣ ссылки на позднѣйшіе документы XVIII вѣка, когда кореннымъ образомъ измѣнились уже всѣ отношенія Строгановыхъ къ верховной власти, ничуть не выясняютъ вопроса о способѣ *первоначальнаго* занятія русскими зауральскихъ земель. Г. Адриановъ воображаетъ, правда, что онъ рѣшилъ уже эти дилеммы, по его мнѣнію, пустыя и не требующія пересмотра всей совокупности источниковъ **). Но для насъ, послѣдователей *старого метода* изслѣдованія, не убѣдительно еще такіе способы рѣшенія спорныхъ вопросовъ исторіи, которые обыкновенно съ успѣхомъ практикуются гимназистами трехъ послѣднихъ классовъ въ ихъ историческихъ „сочиненіяхъ“ и ничуть не могутъ быть приняты за нѣчто серьезное.

Отвергая всякое значеніе грамоты 1582 г. и послѣдующихъ, сходныхъ съ нею въ извѣстіи о призывѣ Ермака, г. Адриановъ тѣмъ самымъ искажаетъ въ своихъ писаніяхъ, полныхъ личнаго пристрастія, дѣйствительные факты мѣстной исторіи, съ которыми онъ знакомъ слишкомъ мало, поверх-

*) См. то же изданіе, вып. II, 181—183.

**) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1894 г., июль, стр. 201—203.

ностно. Увѣряя читателя, что онъ стремится „единственно“ къ разрѣшенію сибирскаго вопроса, „независимо отъ того, совпадетъ или нѣтъ истина съ защищаемымъ имъ мнѣніемъ“, онъ на самомъ дѣлѣ попираетъ эту истину пристрастнымъ отношеніемъ къ источникамъ и подтасовкой фактовъ искажаетъ былую дѣйствительность. Изъ его писаній пока мы видимъ только искреннее желаніе такъ перетасовать факты мѣстной исторіи Пермскаго края, чтобы они оказались въ полномъ согласіи со свидѣтельствами „Осипова“. Хороши же современныя требованія „научнаго метода“, которыя онъ рекомендуетъ и намъ для руководства въ будущемъ! Указанный способъ пользованія лѣтописями не только не приведетъ къ соглашенію представителей разныхъ ученыхъ воззрѣній, но дѣлаетъ таковое уже совершенно невозможнымъ. Ревниво защищая каждое свидѣтельство Есипова, хотя бы оно опровергалось другими источниками еще большей достовѣрности, г. Адриановъ удивляется, что я не вѣрю показаніямъ Строгановской лѣтописи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и даже многимъ показаніямъ впервые сообщаемого мною „Сказанія Сибирской земли“. Да, я вижу ошибочность нѣкоторыхъ сообщеній въ каждой лѣтописи и ниодну не считаю вполне достовѣрной съ перваго до послѣдняго слова. Такихъ лѣтописей нѣтъ и не могло быть. Для меня каждое лѣтописное извѣстіе настолько цѣнно, насколько оно подтверждается другими источниками меньшей достовѣрности и общимъ ходомъ исторической жизни края въ каждый данный моментъ. Я не слѣпо слѣдую за лѣтописцемъ, а стараюсь каждое его сообщеніе сопоставить съ другими источниками.—Это опять азбучное правило, но приходится напомнить о немъ, кому слѣдуетъ. При такомъ пользованіи лѣтописями не факты подводятся подъ извѣстную предвзятую идею, какъ видимъ это въ разсужденіяхъ г. Адрианова, а сама идея слагается, опредѣляется изъ этихъ фактовъ. Только этотъ путь историческаго изслѣдованія мы признаемъ единственно правиль-

нымъ—путь сравнительно-критическаго отношенія ко всѣмъ источникамъ по данному вопросу, вмѣстѣ взятымъ, а не къ одному ряду источниковъ—лѣтописямъ. Такъ работали въ сибирскомъ вопросѣ всѣ мои предшественники, кромѣ крайнихъ послѣдователей Есипова, и мы находимъ болѣе убѣдительными и правильными выводы Карамзина, Соловьева, Л. Н. Майкова и другихъ изслѣдователей и болѣе согласными съ тѣми, вновь принятыми во вниманіе, источниками, которыхъ они еще не знали, когда занимались тѣмъ же вопросомъ. Мы вовсе не претендуемъ на предполагаемую нашимъ противникомъ незыблемость нашихъ основныхъ положеній, но желаемъ, что бы насъ разубѣждали не пустыми фразами, а свидѣтельствами достовѣрныхъ документовъ того времени, какое изучается нами. „До сихъ поръ, пишетъ г. Адриановъ въ послѣдней рецензій, сибирскій вопросъ оставался спорнымъ и не подвигался ни на шагъ впередъ именно потому, что *всѣ ученые*, касавшіеся его, очень мало удѣляли вниманія критической оцѣнѣ источниковъ, на которые опирались. При такомъ положеніи вещей споръ могъ длиться до безконечности, и единственнымъ выходомъ изъ этого заколдованнаго круга . мнѣ казалось розысканіе о достовѣрности сибирскихъ лѣтописей. Такъ какъ г. Дмитріевъ, подобно прочимъ своимъ предшественникамъ, весьма поверхностно отнесся къ этой задачѣ, очевидно, не понимая всей ея важности (?), то я счелъ долгомъ хотя-бы отчасти пополнить пробѣлъ въ его трудѣ и указать тотъ путь, который одинъ только можетъ привести къ прочнымъ выводамъ“ *). Отдавая должное благому намѣренію автора этихъ строкъ, мы не можемъ признать справедливымъ упрекъ *всѣмъ* прежнимъ изслѣдователямъ сибирскаго вопроса и намъ за невнимательное будто-бы отношеніе къ источникамъ и считаемъ слишкомъ одностороннимъ, узкимъ взглядъ на источники самого

*) «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1894 г., июль, стр. 197.

г. Адрианова. На основаніи однѣхъ только лѣтописей сибирскихъ, безъ помощи другихъ источниковъ и безъ близкаго знакомства съ мѣстной исторіей Пермскаго края, откуда началось все движеніе прочивъ Кучума, сибирскій вопросъ не можетъ быть окончательно рѣшенъ. Никто не отрицаетъ всей важности лѣтописей, какъ источниковъ, но однѣхъ ихъ для рѣшенія вопроса все таки мало. Для повѣрки лѣтописныхъ извѣстій и для установленія хронологіи событій близкое знакомство съ царскими грамотами положительно необходимо. Въ вопросѣ же о появленіи Ермака на Камѣ и его пребываніи въ вотчинахъ Строгановыхъ въ такой же мѣрѣ необходимо еще близкое знаніе вообще источниковъ исторіи Перми Великой, на что особенно мало доселѣ обращается вниманія. Давно извѣстно, что мѣстная исторія у насъ находится въ какомъ-то пренебреженіи, а между тѣмъ она незамѣтно оказываетъ немалую услугу общей исторіи государства.

Г. Адриановъ относится къ „Осиповой“ лѣтописи Сибири такъ, какъ всѣмъ намъ положено относиться къ священной лѣтописи Ветхаго и Новаго Завѣта. Поэтому для него было большой неприятностью, что мы нашли еще одну, доселѣ извѣстную только по ссылкамъ, сибирскую лѣтопись, не вполне согласную съ Осиповымъ во взглядѣ на отношеніе Ермака къ Строгановымъ. Тутъ уже оказался виноватъ не только я, но и самое „Сказаніе Сибирской земли“. Зачѣмъ всплыло оно на свѣтъ Божій изъ мрака забвенія столь несвоевременно? Мы не могли безъ улыбки читать „доказательства“ *позднѣйшаго* происхожденія этой сибирской лѣтописи и ея малой научной цѣнности. Намъ прежде всего брошенъ упрекъ, что мы не открыли вмѣстѣ со „Сказаніемъ“ имени этого сказателя сибирской старины, современной Ермаку. Выходить, что я напрасно обнародовалъ этотъ памятникъ Сибирскаго лѣтописанія. Сторонникамъ Строгановской лѣтописи слѣдуетъ, значить, тѣмъ болѣе поспѣшить

открытіемъ имени ея составителя. Болѣе всего моему сказателю досталось за его языкъ, „который представляетъ неуѣдную и подчасъ нелѣпую поддѣлку подѣ славянскій“ (стр. 195). На бѣду сказателя и мою отчасти, отъ одной его фразы „пахнетъ даже и не второй половиной XVII вѣка, а эпохой болѣе поздней“ (стр. та же). Скажите, есть-ли тутъ, въ подобныхъ разсужденіяхъ, хотя умѣренная доля научнаго безпристрастія? На главное же достоинство лѣтописи, на ея сказаніе о происхожденіи Ермака, г. Адриановъ не изволилъ обратить своего вниманія и вообще въ пользу ея не сказалъ ни одного слова. Точно все дѣло и состоитъ исключительно въ степени древности лѣтописи, а сообщаемые источникомъ нѣкоторые, неизвѣстные доселѣ, факты не достойны вниманія, разъ они засвидѣтельствованы позднѣйшей лѣтописью, но опущены въ древнѣйшихъ. „Сказаніе Сибирской земли“ написано языкомъ, похожимъ на языкъ Ремезова. Къ этому послѣднему лѣтописцу, давно оцѣненному достойнымъ образомъ еще исторіографомъ Г. Ф. Миллеромъ, нашъ критикъ относится съ должной осторожностью; на „Сказаніе“ же неизвѣстнаго составителя, по языку близкое къ лѣтописи Ремезова, онъ обрушился, словно на какого-то непріятеля „махметова закону“, Золотой Орды Сибирскаго Царства“. Право, такое отношеніе къ вновь открытымъ источникамъ, независимо отъ ихъ научныхъ качествъ, намъ представляется болѣе чѣмъ страннымъ!

Если г. Адриановъ очень внимательно занялся изученіемъ сибирскихъ лѣтописей, изъ коихъ на Строгановскую и „Осиповскую“ уже установилъ свой взглядъ, то мы затрудняемся объяснить въ такомъ случаѣ слѣдующее его замалчиваніе относительно древности Есиповской и Строгановской лѣтописей, допущенное въ первой рецензіи.

Приведя въ ней въ параллель выписки изъ обѣихъ лѣтописей, онъ приходитъ къ убѣжденію, что „авторъ Строгановской лѣтописи пользовался очень широко Осиповской“

(стр. 539) и даже говорить: „Итакъ, третьимъ источникомъ Строгановской лѣтописи*) былъ трудъ Саввы Осипова. Но мы знаемъ, что текстъ Осиповской лѣтописи существовалъ въ двухъ редакціяхъ. Которою же пользовался авторъ Строгановской лѣтописи? Несомнѣнно, древнѣйшею“ (стр. 540). Эта древнѣйшая редакція считается утерянною, но слѣды ея можно видѣть въ предисловіи къ первому изданію Строгановской лѣтописи 1821 г.; въ 1824 г. В. Н. Берхъ издалъ Осипову лѣтопись въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ по другой, позднѣйшей редакціи, по крайней мѣрѣ половины XVII в., такъ какъ въ ней упоминается о пріѣздѣ въ Тобольскъ архіепископа Герасима въ 1641 г., а между тѣмъ Осиповъ самъ же заявляетъ въ послѣсловіи, что онъ кончилъ свой трудъ 1 сентября 1636 г. Отсюда рецензентъ заключаетъ, что приписка о Герасимѣ сдѣлана была послѣ.

На это мы замѣтимъ, что Карамзинъ, Соловьевъ и другіе сторонники Строгановской лѣтописи по такому же точно праву считаютъ позднѣйшею припиской упоминаніе въ самомъ заглавіи этой лѣтописи сибирской архіепископіи. И Строгановская лѣтопись, несомнѣнно, существовала въ нѣсколькихъ вариантахъ, одинъ изъ которыхъ напечаталъ еще Небольсинъ въ приложеніи къ своей книгѣ: „Покореніе Сибири“ (СПб. 1849 г.) подъ названіемъ „неизвѣстной рукописи XIX столѣтія“, своимъ началомъ восходящей однако „къ концу первой, или къ началу второй половины XVII вѣка“**). Этотъ вариантъ въ списокъ нашего вѣка, но въ оригиналѣ XVII-го, самъ Небольсинъ считаетъ *первообразомъ* Строгановской лѣтописи, въ параллель съ которой онъ и напечаталъ его въ приложеніяхъ къ своей книгѣ. Въ свою очередь, такимъ же *первообразомъ* Осиповской лѣтописи Небольсинъ считаетъ

*) Послѣ царскихъ грамотъ и неизвѣстнаго источника, изъ котораго взяты подробности борьбы Строгановыхъ съ иностранцами и отношеній ихъ къ Ермаку.

**) Небольсинъ, стр. 5—6. Онъ напечаталъ ее по экземпляру, означенному въ каталогѣ лѣтописей Румянцевскаго Музеума подлѣ № 259.

лѣтопись: „О Сибири“, текстъ которой напечатанъ у него рядомъ съ таковымъ же Есипова, — по рукописи второй четверти XVII вѣки*). Въ этомъ-то первообразѣ лѣтописи Есипова, несомнѣнно еще болѣе древнемъ, нежели утраченный списокъ Есипова, нѣкогда извѣстный издателю Строгановской лѣтописи Г. И. Спасскому, мы находимъ между прочимъ слѣдующую оговорку: „*Ини же повѣдаютъ лѣтописицы, яко призваша ихъ (казаковъ Ермака) съ Воли Строгановы и даша имъ имѣнїя и одежды добрыя и оружїя, пищали и пушки полковыя и своихъ людей. даша имъ Нѣмецъ и Литвы 300 человекъ*“**). Возможность такой оговорки въ первообразѣ Есиповской лѣтописи дѣлаетъ несомнѣннымъ одновременное существованіе и первообраза Строгановской лѣтописи, а можетъ быть и этой послѣдней — доказательство если не болѣе древняго, то одновременнаго происхожденїя какъ Строгановской, такъ и Есиповской лѣтописи. Составитель лѣтописи „О Сибири“, по мнѣнію Небольсина, ссылается въ этомъ случаѣ на „неизвѣстную рукопись“, т. е. на первообразъ Строгановской лѣтописи. Однако это только предположеніе Небольсина, и очень возможно, что указанная ссылка дѣлается на самую Строгановскую лѣтопись, существовавшую еще до составленїя лѣтописи „О Сибири“, т. е. до написанїя первообраза лѣтописи Есипова, въ сравненїи съ коимъ послѣдняя, даже по мнѣнію Небольсина, есть, „не что иное, какъ риторическое распространенїе предъидущей краткой лѣтописи „О Сибири“.“

Указанныя бібліографическія соображенїя положительно убѣждаютъ насъ въ меньшей древности Строгановской лѣтописи, по сравненїю ея съ лѣтописью Есипова, и служатъ опроверженїемъ слишкомъ самоувѣренныхъ заключенїй какъ самого Небольсина, такъ и нынѣшняго противника

*) Онъ нашелъ ее въ «Историческомъ Сборникѣ» скорописи XVII вѣка, по каталогу того же Румянцевскаго Музеума № 379.

***) См. приложенїя къ книгѣ Небольсина, стр. 26.

Строгановской лѣтописи, г. Адрианова, который, понимая всю важность изслѣдованія первоисточниковъ (какъ онъ заявляетъ объ этомъ самъ, укоряя другихъ въ непониманіи), не изволилъ обратить на это своего вниманія.

Теперь г. Адрианову предстоитъ заняться анализомъ Ремезовской лѣтописи, къ которой, какъ мы замѣтили, онъ относится съ должной осторожностью. Еще въ первой рецензійи онъ писалъ: „Если ни Миллеръ, ни Иловайскій не привели доказательствъ достовѣрности Ремезовской лѣтописи, то изъ этого еще нельзя вывести, что названный источникъ не заслуживаетъ довѣрія. Нѣтъ, но онъ еще не оцѣненъ, какъ слѣдуетъ. Хотя Ремезовъ и писалъ въ Петровскую эпоху, онъ могъ однако пользоваться для своего труда хорошими источниками. Л. Н. Майковъ, тщательно изучившій сибирскія лѣтописи, утверждаетъ, что въ рукахъ Ремезова были какіе-то „особые источники, неизвѣстные другимъ лѣтописцамъ“. Надо, слѣдовательно, отыскать эти „неизвѣстные источники“, и только тогда возможна будетъ правильная оцѣнка Ремезовской лѣтописи и мнѣнія, основаннаго на ней“ *). Вотъ съ такимъ разсужденіемъ рецензента мы вполне соглашаемся, въ силу его безпристрастія. Но оно совершенно не вяжется съ дальнѣйшими его же разсужденіями во второй рецензійи, гдѣ онъ уже огульно обвиняетъ *всѣхъ* ученыхъ, раньше касавшихся сибирскаго вопроса, а слѣдовательно и Л. Н. Майкова, „тщательно изучившаго сибирскія лѣтописи“,—въ томъ, что „они очень мало удѣляли вниманія критической оцѣнкѣ источниковъ, на которые опирались“ (стр. 197). Удѣлять очень мало вниманія предмету и въ тоже время тщательно изучить его—это положеніе можетъ понять развѣ только самъ г. Адриановъ, а намъ оно кажется логическимъ абсурдомъ.

*) Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., апрѣль, стр. 523.

Такое же противорѣчіе усматриваемъ мы въ сужденіяхъ г. Адріанова съ одной стороны о Ремезовской лѣтописи, съ другой—о „Сказаніи Сибирской земли“. Ремезовъ, по его словамъ, писалъ въ Петровскую эпоху, однако могъ пользоваться для своего труда хорошими источниками; а въ при-мѣненіи къ „Сказанію“ тотъ же ученый разсуждаетъ иначе, хотя самъ же готовъ приурочить его къ эпохѣ Петра Великаго, т. е. считаетъ его сверстникомъ лѣтописи Ремезова. Тутъ онъ уже пишетъ: „все Сказаніе написано.... смѣшаннымъ языкомъ, который заставляетъ видѣть въ немъ неискусную поддѣлку книжника прошлаго вѣка подъ языкъ XVII столѣтія. А если это такъ, то напрасно г. Дмитріевъ придалъ такое важное значеніе своей находкѣ: она должна отступить на задній планъ предъ болѣе древними лѣтописями“ *). Да, я придалъ важное значеніе свидѣтельству „Сказанія“ о происхожденіи Ермака, которое, полагаю, не оставятъ безъ вниманія другіе, болѣе безпристрастные сравнительно съ г. Адріановымъ, ученые. Вѣдь и составитель „Сказанія“, хотя бы и жившій въ Петровское время, могъ пользоваться для своего труда хорошими источниками въ смыслѣ ихъ древности и достовѣрности, чего г. Адріановъ не отрицаетъ въ принципѣ. Всѣ нападки его на „Сказаніе“, откровенно сказать, вытекаютъ изъ *личныхъ* отношеній его ко мнѣ, какъ къ противнику „Осиповской“ теоріи, которую я считаю несостоятельной въ научномъ отношеніи.

Оканчивая пока полемику по сибирскому вопросу и оставаясь при всѣхъ научныхъ положеніяхъ, высказанныхъ мною ранѣе, я считаю необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки въ статьѣ о завоеваніи Сибири, касающіяся хронологіи сибирскихъ событій. Я самъ нашелъ нѣкоторыя невольныя ошибки въ моей работѣ, обусловленныя ея слож-

*) Журн. Мин. Нар. Пр. 1894 г., июль, 195.

ностью и еще не указанные другими. Полагаю, что исправлять собственные недосмотры, свойственные всякому, никогда не поздно и не постыдно, въ интересахъ научной истины.

Въ отношеніи хронологіи сибирскихъ событій я впервые основывался на датахъ грамотъ предпочтительно предъ датами сибирскихъ лѣтописей, тогда какъ всѣ мои предшественники въ томъ же вопросѣ поступали наоборотъ. Отъ этого общаго хронологическаго приѣма я не отступаю и теперь. Въ опредѣленіи послѣдовательности сибирскихъ событій большую услугу мнѣ оказали лѣтописи: Строгановская для пермскаго періода Ермакова предпріятія и Ремезовская—для зауральскаго его похода. Однако и всѣ другіе источники по сибирскому вопросу, мнѣ извѣстные, и въ томъ числѣ Есиповская лѣтопись, имѣли каждый свою долю значенія въ изложеніи фактовъ и опредѣленіи ихъ взаимодѣйствія. На основаніи всей совокупности данныхъ я расположилъ событія въ слѣдующемъ порядкѣ:

ПОРЯДОКЪ СОБЫТІЙ.	Январское времячисленіе.	Сентябрь- ские годы.
Черемисскій бунтъ на Камѣ и грамота Строгановымъ («Пермск. Стар.» V, стр. 121).	1572 г. августа 6.	тож
Маметкуль убилъ на Чусовой Третьяка Чебукова (тамъ же, стр. 123)	1573 г. іюля 20.	—
Грамота Строгановымъ на мѣста за Ураломъ (стр. 123—126)	1574 г. мая 30.	—
Призывъ Ермака съ Волги Строгановыми (стр. 135 и 137—139)	1578 г. апрѣля 6.	—
Прибытіе его въ Пермь къ Строгановымъ (стр. 140 и 165)	тоже іюня 28.	—
Нашествіе Бегбелія на Чусовую (стр. 142)	1580 г. іюля 22.	—
Въ Перми Великой казаки прожили 2 года и 2 мѣсяца, по Строгановск. лѣтописи, т. е. до	1580 г. сентября 1.	1581 с. г.

ПОРЯДОКЪ СОБЫТІЙ.	Январское времячисленіе.	Сентябрь- ские годы.
Выступление Ермака въ походъ и наше- ствие Кихека на Пермь Великую, по Есипову, записи Кипріана и „Сказанію“ (стр. 145— 148).	1580 г. сентября 1.	1581 сентябрьскій годъ.
Первая зимовка въ Кокуфъ—городкѣ на- чалась (стр. 168) съ	тоже сентября 9.	
Дальнѣйшее движеніе казаковъ началось (стр. 176) съ	1581 г. мая 1.	1582 сентябрьскій годъ.
Взятіе Ермакомъ Чинги-Туры (Тюмени)— стр. 176	1581 г. августа 1	
Грамоты Никитѣ Строганову и кн. Елец- кому (стр. 149, 152—155)	1581 г. ноября 6.	1583 сентябрьскій годъ.
Грамота въ Пермь Великую и въ Усолье Камское (стр. 156—157)	1581 г. декабря 20.	
Грамота на имя одного Пелепелицына (стр. 157)	1581 г. декабря 30.	1584 сентябрьскій годъ.
Выступление Ермака изъ Тюмени въ даль- нѣйшій походъ (стр. 176)	1582 г. мая 9.	
Челобитная Пелепелицына на Строгановыхъ (стр. 160)	лѣтомъ тогоже года	1585 сентябрьскій годъ.
Взятіе Ермакомъ столицы Кучума (стр. 184).	1582 г. октября 26.	
Опальная грамота Іоанна Строгановымъ (стр. 160—162).	1582 г. ноября 16.	1586 сентябрьскій годъ.
Отправка посольства Ивана Кольца въ Москву (стр. 185)	1582 г. декабря 22.	
Возвращеніе посольства въ Сибирь (стр. 186).	1583 г. марта 1.	1587 сентябрьскій годъ.
Экспедиція Богдана Брязги на нижнюю Обь (стр. 189—190).	1583 г. мартъ-май.	

ПОРЯДОКЪ СОБЫТІЙ.	Январское времячисленіе.	Сентябрь- скіе годъ.
Экспедиція Ермака въ тѣже мѣста (стр. 191).	1583 г., іюнь.	1583 сент. годъ.
Тавдинскій его походъ (стр. 192).	1583 г., іюль-окт.	
Отправка изъ Москвы кн. Семена Болховскаго (стр. 193)	1583 г. мая 3.	
Зимовка его въ Чердыни и грамота Іоанна (стр. 193—194)	1584 г. января 7.	1584 сент. годъ.
Выступленіе его изъ Чердыни въ Сибирь (стр. 195—196)	1584 г. весною.	
Смерть Іоанна Грознаго	1584 г. марта 18.	
Походъ Ермака вверхъ Иртыша (198—199)	1584 г. августъ.	1584 сент. годъ.
Смерть атамана Ив. Кольцо (199—200).	1584 г. сентябрь.	
Прибытіе кн. Болховскаго въ г. Сибирь (196)	1584 г. ноября 1.	
Отправка плѣннаго Маметкула въ Москву (стр. 197)	1584 г. ноября 21.	1585 сентябрьскій годъ.
Голодная зима въ Сибири и смерть кн. Болховскаго (196—197)	1584—1585 г.г.	
Карача обложилъ г. Сибирь (стр. 200)	1585 г. марта 12.	
Пораженіе его казаками (стр. 200)	1585 г. іюня 12.	1585 сент. г.
Смерть Ермака Тимофеевича (стр. 200—201).	1585 г. август. 5-6	
Прибытіе воеводы Мансурова въ Сибирь (стр. 204)	1585 г. осенью.	
Посылка въ Сибирь воеводы Сукина (205).	1586 г. весною.	1586 сент. г.
Основаніе русскаго города Тюмени (206).	1586 г. іюля 29.	
Основаніе Тобольска (стр. 207)	1587 г. весною.	

Эта хронологическая таблица показывает последовательность событий *въ полномъ согласіи съ датами всѣхъ царскихъ грамотъ*, дошедшихъ до насъ отъ второй половины XVI вѣка, и въ такомъ же согласіи съ мѣсячными и числовыми датами Ремезовской лѣтописи, при чемъ, согласно послѣдней, устанавливаетъ двѣ зимовки Ермака на его пути отъ границы Перми Великой до столицы Кучума. Въмѣстѣ съ тѣмъ она согласуется съ показаніемъ Есипова и „Сказанія“ относительно времени выступленія Ермака въ сибирскій походъ, начало котораго съ *фактической* стороны совершенно правильно описываетъ Строгановская лѣтопись. Однако въ текстѣ послѣдней главы V выпуска „Пермской Старины“ и еще раньше въ статьѣ: „Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири“ (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., январь и февраль) мы не досмотрѣли слѣдующихъ ошибокъ: на стр. 168-й пятого выпуска сказано: „весною 1582 г., а по сентябрьскому счисленію того же 1581 г., Ермакъ“... и т. д. Тутъ слова „весною 1582 года“ слѣдуетъ замѣнить 1581-мъ годомъ—безразлично январскимъ или сентябрьскимъ. На стр. 161-й сказано: „въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1582 г., ничего не знали о предпріятіяхъ казаковъ, которые (были уже за Ураломъ въ Тюмени“. Въ этомъ случаѣ я разумѣю ноябрь 1582 г. *сентябрьскаго* года, равно какъ и годомъ выступленія Ермака въ походъ и нашествія Кихека мы принимаемъ 1-е сентября тогдашняго *сентябрьскаго* года (см. стр. 146-ю въ V вып. *). На стр. 202-й неправильно замѣчено: „..... самъ Ермакъ отправилъ Ив. Кольцо съ 40 казаками къ Карачѣ, а это событіе въ свою очередь было почти чрезъ годъ по отправленіи плѣннаго царевича (Маметкула) въ Москву“. Вслѣдствіе смѣшенія январскаго года съ сентябрьскимъ, допущеннаго въ силу простаго недосмотра при слож-

*) Строгановская лѣтопись и ружейный стволъ, о коемъ сказано на стр. 144—145, для насъ дороги не хронологіей, а правильнымъ показаніемъ взаимныхъ отношеній Ермака къ Строгановымъ. Оружіе было послано Ермаку изъ Кергедана.

ной работѣ, фактъ послыки Маметкула въ Москву приуроченъ здѣсь неправильно къ концу 1584 года вмѣсто начала 1585-го сентябрьскаго: событіе это было чрезъ два мѣсяца съ небольшимъ по смерти Ивана Кольцо. Приведенная хронологическая таблица яснѣе можетъ показать послѣдовательность событій и убѣдить читателя, что самый годъ смерти Ермака доселѣ указывался неправильно (1584) на основаніи сбивчивой хронологіи сибирскихъ лѣтописей.

Теперь считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о памяти, какую доселѣ хранить народъ на Уралѣ о славномъ атаманѣ Ермакѣ и его боевыхъ товарищахъ и о союзѣ ихъ со Строгановыми въ началѣ сибирскаго похода. Въ своемъ мѣстѣ мы привели цѣлый рядъ урочищъ на Чусовой, Сылвѣ и Тагилѣ, несомнѣнно получившихъ названія отъ завоевателя Сибири*). Приведемъ нѣсколько доказательствъ. Въ старинной: „Исторіи о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ Строгановыхъ“, составленной во второй половинѣ прошлаго вѣка *Икосовымъ* и имѣющейся у меня въ рукописи, между прочимъ приводятся преданія о пребываніи Ермака на р. Сылвѣ, согласныя съ показаніемъ Ремезова, который, какъ достовѣрно извѣстно, нѣкоторое время жилъ въ гор. Кунгурѣ на р. Сылвѣ, гдѣ и могъ еще лично слышать преданія о Ермакѣ. Не даромъ онъ назвалъ свою лѣтопись *Кунгурскою*. Икосовъ въ 1761 г. писалъ слѣдующее: „Ермакъ, простившись со Строгановыми (въ Орлѣ-городкѣ на Камѣ), въ намѣренной путь отправился внизъ Камою рѣкою и до устья рѣки Чусовой благополучно прибылъ, и вступя въ Чусовую, только едва одинъ день по Чусовой вверхъ ушедши, не зная же совершенно по рѣкѣ Чусовой ходу,—въ правую сторону, въ рѣку Сылву, которая въ ту рѣку Чусовую впала, поворотили; и шолъ по той рѣкѣ Сылвѣ до вершинъ мимо пустыхъ ненаселенныхъ

*) «Пермск. Стар.» V, 166—167. О соответственныхъ названіяхъ на Волгѣ см. тамъ же стр. 136.

мѣсть, пока наступившая зима его не удержала. Ермакъ, досадуя на ту свою ошибку, что столько времени потерялъ напрасно, къ тому же разсуждая, ежели идти изъ вершины рѣки Сылвы вверхъ по Чусовой до построеннаго Строгановыми городка, за наступающимъ заморозомъ сдѣлать того не возможно, а какъ уже наступилъ совершенный зимній холодъ, и рѣка Сылва льдомъ покрылась,—то немедленно Ермакъ приказалъ дѣлать казармы и землянки, обнесъ оныя для предосторожности тыномъ, и такъ въ такомъ мѣстѣ и зимовать положили^{*)}. Это извѣстіе, подтверждаемое и Ремезовымъ по преданіямъ Кунгурскихъ жителей, отвергать нельзя, потому что и доселѣ на р. Сылвѣ у села Тохтарева есть деревня „Хуторы Ермаковы“, нынѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. Икосовъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильно относитъ зимовку Ермака на Сылвѣ къ 1578—1579 годамъ, а *призваніе* его Строгановыми съ Волги въ Орель на Каму и самый приходъ Ермака—къ лѣту 1578 года. Въ этомъ случаѣ Икосовъ правильнѣе опредѣляетъ время событій, нежели Строгановская лѣтопись (см. въ его трудѣ часть I-ю, §§ 46 и 57).

Имѣетъ значеніе слѣдующая оговорка Икосова, основанная на мѣстныхъ же преданіяхъ (см. ч. I, § 55): „Изъ пришедшихъ съ Ермакомъ много съ Сылвенскаго зимовья бѣжало и померло, а друіе на томъ зимовьѣ при рѣкѣ Сылвѣ жить остались—и сіе было первымъ начаткомъ Кунгурскаго поселенія“. Здѣсь нужно разумѣть *русское* первоначальное поселеніе на берегахъ р. Сылвы и, можетъ быть, самое основаніе нынѣшней деревни „Хуторовъ Ермаковыхъ“. Туземные

*) Объ *Икосовѣ* и его трудѣ см. «Пермск. Стар.» IV, стран. 3-я. Сравнить приведенныя слова съ Ремезовымъ (тамъ же, стр. 36). Сравнить также со статьею *Золотова*: «Матеріалы для исторіи Кунгура и его уѣзда» въ «Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммисіи» .вып. II, 41—42; еще въ «Пермской Лѣтописи», *Шишонко*, I, 78; въ «Сибирской исторіи» *Фишера*, стр. 116. О посылкѣ *Ремезова* въ Кунгуръ см. грамоту отъ 11 февраля 1703 г. въ «Памятникахъ Сибирской исторіи XVIII в.», т. I, № 47.

же Остяки и Татары несомнѣнно жили здѣсь еще до прихода казаковъ, какъ убѣждаютъ въ томъ другіе мѣстные источники XVI вѣка. Указанное извѣстіе Икосова, хотя-бы и основанное на преданіяхъ (и Есиповъ писалъ по преданіямъ!), важно еще въ томъ отношеніи, что убѣждаетъ въ необходимости для Ермака восполнить свою дружину новыми мѣстными охотчими людьми, замѣнивъ выбывшихъ изъ его рядовъ на Сылвѣ людей. А такими охотниками стать подъ знамя казачье могли быть только люди Строгановыхъ, такъ какъ Ермакъ въ ихъ владѣніяхъ, сперва въ Орлѣ на Камѣ, потомъ на Чусовой, провелъ 2 года и 2 мѣсяца. О второй зимовкѣ Ермака у Строгановыхъ 1579—1580 г.г., упоминаемой у Ремезова, Икосовъ не даетъ извѣстій. Приведенное извѣстіе Икосова подтверждаетъ и Ремезовъ въ статьѣ 6-й своей „Кунгурской“ лѣтописи. Припомнимъ вкратцѣ важную оговорку того же Ремезова въ статьѣ 8-й: *„И книги ихъ писарей и память жилищъ ихъ (казаковъ), кто имены и отечествомъ домовъ, и доннынъ у Строганова въ казнѣ взыскуется“*. Жаль, что эти книги съ именами всѣхъ казаковъ оказались утраченными какъ въ Пермскомъ краѣ, такъ и въ Сибири.

Въ предѣлахъ Перми Великой или, точнѣе, вотчинъ Строгановыхъ, Ермакъ имѣлъ двѣ зимовки. По выходѣ Ермака изъ этихъ вотчинъ въ походъ на Кучума, онъ несомнѣнно имѣлъ еще двѣ зимовки до взятія Искера на Иртышѣ: одну въ Кокуѣ-городкѣ и другую въ Тюмени*). О Кокуйскомъ зимовкѣ Ермаковой дружины опять сохранились преданія, которыми пренебрегать нельзя. На основаніи ихъ Икосовъ еще въ 1761 году писалъ (см. ч. I, § 58): «Струги Ермаковы въ коемъ мѣстѣ оставлены—и понынѣ суть многимъ лѣсникамъ и ловцамъ извѣстны, ибо гдѣ оныя на берегахъ оставлены, выросъ на нихъ кустарникъ не малой. Той рѣчки Серебрянки пошли вверхъ пѣшіе и намѣрены были

*) Подробности объ этомъ см. въ «Пермск. Стар.» V, 183—184 и выше на стран. 168.

дойти рѣки Тагилю...., но за наступившимъ осеннимъ временемъ и весьма труднымъ путемъ, *только дошли до рѣчки Кокуя*, которая выпала въ ту жь Серебрянку. *При той рѣчкѣ Ермакъ и зимоватъ остановился*, ибо за выпавшимъ въ тѣхъ каменистыхъ мѣстахъ глубокимъ снѣгомъ далѣе идти было не возможно*)). Почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Икосова извѣстный знатокъ древностей Пермскаго Зауралья И. М. Рябовъ писалъ о тѣхъ же мѣстахъ: «Ермакъ пытался сперва, слѣдующимъ указаніямъ проводниковъ, пробраться въ рѣку Тагилъ рѣкою Межевою Уткою, но по неудобности судоходства принужденъ былъ возвратиться. Прошедъ Серебрянкою до рѣки Кокуя, онъ остановился тутъ для зимовки; *остатки сдѣланнаго имъ на этомъ мѣстѣ укрѣпленія видны и нынѣ*. Въ теченіе зимы казаки посѣщали окрестныхъ Вогуличей для добычи съѣстныхъ припасовъ; они доходили даже, какъ сказывали Миллеру (историку Сибири), рѣкою Тагиломъ до Нейвы, но тутъ не посчастливилось посланному отряду казаковъ: они были разбиты множествомъ Вогуличей и Татаръ, собравшихся подъ предводительствомъ какого-то мурзы. Нынѣшняя Мурзинская слобода, по преданію, построена на мѣстѣ жилища этого мурзы**). Чтобъ избѣгнуть постройки судовъ на Тагилѣ, Ермакъ хотѣлъ перетащить свои суда въ р. Баранчу, но по причинѣ затрудненій они оставлены были на дорогѣ, между этой рѣкой и Серебрянкой. Съ наступленіемъ же весны, въ вершинѣ рѣки Баранчи, построены имъ небольшіе плоты, на которыхъ казаки и плыли до Тагила, а по этой рѣкѣ, въ четырехъ верстахъ ниже впаденія Баранчи, при устьѣ рѣки Медвѣдки, опять построили другіе плоты и затѣмъ пробыли тутъ нѣсколько недѣль. Означенное мѣсто для предосторожности было такъ же нѣсколько

*) Ср. Пермск. Стар.» V, 168.

**) Нынѣ Мурзинское село находится въ Верхотурскомъ уѣздѣ на правомъ берегу Нейвы. До построения русской слободы въ 1640 г., урочище это называлось *Мурзинскою сланью*. См. «Словарь Пермск. губ.» Чупина, стр. 270.

укрѣплено; остатки сего укрѣпленія извѣстны подъ именемъ *Ермакова городище*. Ермаково городище, эта первая пядень земли, укрѣпленной Россією за Рифеями, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Тагила, въ 16 верстахъ отъ Нижнетагильскаго завода, на возвышенномъ холмѣ. Тутъ тянется ровъ параллельно съ рѣкою на 36 аршинъ, а потомъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ на 24 аршина, внутри находится 5 ямъ*). Лѣтомъ 1894 г. мнѣ сообщилъ въ Нижн. Тагилѣ другой любитель мѣстной старины, Д. П. Шоринъ, что въ послѣднее время ему случалось бывать на этомъ Ермаковомъ городищѣ, впервые описанномъ въ „Путешествіи“ Палласа (кн. I, часть 2-я, стр. 260—261). По его словамъ, мѣстность, описываемая Палласомъ, въ теченіе столѣтія измѣнилась очень много, да и описаніе И. М. Рябова уже не соответствуетъ тому, что осталось въ наше время. Упомянутый имъ ровъ засыпался настолько, что его трудно найти у городища, да и берегъ еще нѣсколько видоизмѣнился отъ дѣйствія быстротекущей воды. Городище находится въ самой извилистой части Тагила, гдѣ теченіе рѣки особенно быстро, не при самомъ устьѣ рѣчки Медвѣдки, а недалеко отъ него, въ крутомъ поворотѣ Тагила, почти насупротивъ устья Медвѣдки. Но память о Ермаковой стоянкѣ на этомъ мѣстѣ и доселѣ существуетъ среди окрестныхъ жителей.

Описывая дальнѣйшій путь Ермака по рѣкѣ Тагилу, И. М. Рябовъ въ той же статьѣ говоритъ: „четвертый утесъ съ надписями (на р. Тагилѣ)—въ 5 верстахъ ниже деревни Новожиловой. Онъ называется *Караульнымъ*. Есть преданіе, что названіе это получилъ онъ отъ бывшаго на этомъ мѣстѣ караула прежнихъ обитателей, стерегшихъ здѣсь Ермака съ казаками, и что р. Тагилъ тогда преграждена была цѣ-

*) И. М. Рябовъ: «Нѣсколько словъ о древностяхъ, находящихся Верхотурскаго уѣзда въ округѣ Нижнетагильскихъ заводовъ» въ «Пермск. губериск. вѣдом.», 1855 г. № 28. Ср. «Пермск. Стар.» V, 166. Слова: «при устьѣ рѣчки Медвѣдки» надо замѣнить: «недалеко отъ устья Медвѣдки».

пью, чтобы остановить героя съ отважною его дружиною; но Ермакъ военною хитростью избѣгнулъ пораженія, разогналъ непріятеля и напоромъ судовъ разорвалъ цѣпь. Замѣчательно, что тоже самое рассказываютъ и о мѣстѣ, называемомъ «Караульный Яръ» на р. Тоболѣ», гдѣ дѣйствительно была битва Ермака съ Татарами („Перм. Стар.“ V, 177).

Ремезовъ, собиравшій преданія объ Ермакѣ въ бытность въ Кунгурѣ, присоединилъ къ нимъ и нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, вписавъ тѣ и другія въ свою хронику под-рядъ, не смотря на нѣкоторыя ихъ противорѣчія. Многія изъ его со-общеній мы уже приняли во вниманіе въ V вып. „Пермской Старины“ и здѣсь считаемъ лишнимъ повторять. Скажемъ только, что многія изъ записанныхъ имъ преданій имѣютъ несомнѣнно историческую основу и подтверждаются болѣе положительными источниками. Только призваніе Ермака съ Волги у него варьируется въ преданіяхъ несогласно съ по-слѣдними; однако дальнѣйшія отношенія Ермака къ Строгановымъ изображаются довольно правдиво. Такъ, помощь казакамъ отъ Строгановыхъ, указанная столь подробно Ремезовымъ по преданіямъ, имѣетъ фактическую основу. Но она не могла быть щедрою, если бы казаки самовольно вторгну-лись въ ихъ вотчины. Всѣ взаимныя отношенія Ермака и Строгановыхъ основывались на добровольномъ союзѣ, а не на чувствѣ страха, какъ говорятъ другія преданія. Такимъ образомъ сообщаемыя Ремезовымъ преданія противорѣчатъ одно другому, но во многихъ случаяхъ имѣютъ историческую канву. Только сопоставленные между собою и съ болѣе достовѣрными источниками, они получаютъ извѣстную на-учную цѣнность.

Есть еще рядъ источниковъ, близкій по своему значенію къ народнымъ преданіямъ, это — народныя пѣсни. Въ нихъ на историческую основу ложатся обыкновенно несогласныя съ дѣйствительностью подробности разныхъ наслоеній, коли-чество которыхъ обуславливается той или иной древностью

основы. Мы приведемъ здѣсь извлеченія изъ одной старинной пѣсни объ Ермакѣ, записанной уже давно, но кажется позабытой. Она напечатана была въ полномъ видѣ въ весьма рѣдкой теперь книгѣ: „Древнія Русскія Стихотворенія“, изданной въ Москвѣ въ 1804 году. Пѣсня озаглавлена: „Ермакъ взялъ Сибирь“. Въ ней, какъ и въ преданіяхъ, фактъ унизанъ баснословными подробностями, въ коихъ указывается на союзъ Ермака со Строгановыми, а нѣкоторымъ атаманамъ приданы вымышленныя имена*).

„Во славномъ городѣ во Астрахани,
Противъ пристани Волги матушки,
Сходилися тутъ удалы молодцы
Донскіе атаманы казачіе:
Ермакъ Тимоеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
И третій атаманъ Анофрій Степановичъ.
И стали они всѣ во единый кругъ,
Какъ думати думушку за-единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
А началъ говорить Ермакъ Тимоеевичъ:
„Гой, вы, братцы, атаманы козачіе!
„Не корыстна у насъ шутка зашучена:
„Гуляли мы по морю по синему,
„И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
„Убили мы посла Персидскаго
„Со всѣми его солдаты и матрозами,
„И всѣмъ животомъ его покорыстовались.
„И какъ намъ на то будетъ отвѣтъ давать?
„Во Астрахани намъ нельзя больше жить,
„А на Волгѣ жить—ворами слыть!
„На Яикъ идти? Переходъ великъ!
„Во Казань идти? Грозенъ царь стоитъ!
„А грозенъ царь Иванъ Васильевичъ!
„Во Москву идти? Быть перехватаннымъ,
„По разнымъ городамъ разосланнымъ

*) Вторично эта пѣсня издана была К. О. Калайдовичемъ въ «Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ», М. 1816 и 1818 г.г. Вѣроятно, Кирша Даниловъ, служа въ Сибири при Петрѣ Вел., и записалъ пѣсню. См. «Библиографію Ермака» Е. В. Кузнецова. Тобольскъ 1891 г., стр. 7.

„И по тайнымъ тюрьмамъ разсажаннымъ.
„Пойдемте въ Усолья ко Строгановымъ,
„Ко тому Григорью Григорьевичу,
„Ко тѣмъ господамъ ко Вороновымъ!
„Возьмемъ мы много свинцу, пороху,
„И возьмемъ у нихъ запасу хлѣбнаго!»
И будутъ они въ Усольѣ у Строганова,
И взяли запасу хлѣбнаго, свинцу, пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они пещеру каменну
На висащемъ большомъ каменю,
И зашли они сверхъ того каменю,
Опускалися въ ту пещеру каменну
Ни много, ни мало—двѣсти человѣкъ;
А которые остались похужея,
Въ другую пещеру убиралися—
Котора была на другой сторонѣ.
И тутъ было хорошо зимовать.
Проходить зима, весна настаеть.
Гдѣ Ермаку та путя искать?
Путя искать по Серебрянной рѣкѣ,
А и сталь Ермакъ убиратися
Со своими онъ товарищи.
По Серебрянной пошли, до Жаравля дошли,
Оставили тутъ лодки—коломенки
На той Баранчинской переволокѣ,
Одну тащили да надѣлися
И тамъ они ее и покинули.
Тутъ увидѣли они Баранчу рѣку,
Подѣлали боты сосновые,
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ
И скоро выплыли на Тагиль рѣку,
У того Медвѣдя у камня,
У Магнитной горы становилися
И дѣлали большія коломенки,
Чтобъ имъ можно всѣмъ обратися.
Жили они тутъ до дни Троицына,
И были у нихъ промыслы рыбные,
И тѣмъ они и кормилися.

А какъ имъ путь уже надлежалъ,
 Совсѣмъ убиралися въ коломенки,
 И поплыли по Тагиль рѣкѣ,
 А и выплыли въ Туру рѣку,
 И поплыли по Турѣ въ Епанчу рѣку,
 И тутъ они жили до Петрова дни.
 Еще они тутъ управлялися:
 Подѣлали людей соломенныхъ
 И нашили на нихъ платье цвѣтное:
 Было у Ермака триста человекъ,
 А стало уже съ тѣми больше тысячи *).
 Поплыли по Тоболъ рѣкѣ до юрты Мѣдянскія,
 Полонили князька небольшого тутъ.....

Всей пѣсни мы не приводимъ, такъ какъ она была напечатана. Далѣе она говоритъ о борьбѣ съ Кучумомъ, который будто-бы былъ взятъ въ плѣнъ Ермакомъ и т. д. Пѣсня кончается оригинальнымъ описаніемъ смерти Ермака въ рѣкѣ *Енисей* (?): Ермакъ хотѣлъ перескочить по сходнѣ съ одной коломенки на другую, чтобы помочь товарищамъ въ битвѣ. И вотъ—

Ступилъ на переходню обманчиву,
 Правую ногой поскользнулся онъ,
 И та переходня съ конца верхняго
 Подымалася—на него опускалася
 И расшибла ему буйну голову
 И бросила его въ Енисей рѣку:
 Тутъ Ермаку смерть случилася.

Этими словами и заканчивается пѣсня, въ своей первой части, выше выписанной, представляющая столь близкое сходство съ народными преданіями, собранными Ремезовымъ въ Кунгурскомъ краѣ. Не сами-ли казаки или ихъ ближайшіе свидѣтели, оставшіеся въ Пермскомъ краѣ, на берегахъ Чусовой и Сылвы, первоначально сложили эту замѣчательную пѣсню—быль?

*) Лѣтомъ 1894 г., въ бытность мою въ Тобольскѣ, учитель мѣстной гимназіи И. П. Львовъ сообщилъ мнѣ это самое преданіе объ обманѣ казаками непріятелей. Въ свою очередь онъ слышалъ его отъ Тобольскихъ Татаръ. *Авт.*

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛѢ ЕРМАКА и СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

I.

Участіе Чердыни въ построеніи новыхъ русскихъ городовъ въ Сибири послѣ Тобольска.

Прочное водвореніе русской власти въ бывшемъ царствѣ Кучума и сопредѣльныхъ съ нимъ Угорскихъ странахъ относится къ послѣднимъ годамъ XVI столѣтія. Мы видѣли уже, какихъ трудовъ стоило первое завоеваніе Сибири славной дружинѣ Ермака Тимофеевича. Пошатнувшись съ его смертію на нѣкоторое время, русская власть вторично и прочно утверждается въ этомъ обширномъ краѣ съ основанія Тюмени и Тобольска въ 1586 и 1587 годахъ. Вторичное завоеваніе края воеводами Сукинымъ и Чулковымъ досталось однако цѣною гораздо меньшихъ усилій и жертвъ со стороны Русскихъ, нежели какія понесли въ 1581—1585 г.г. первые побѣдители Кучума, добровольно взявшіе на себя эту трудную миссію и стяжавшіе себѣ за то вѣчную признательность Русскаго народа.

Въ послѣдней главѣ V выпуска нашего изданія мы подробно выяснили значеніе старой Московской дороги въ Сибирь, шедшей чрезъ городъ Чердынъ вверхъ по рѣкѣ Вишерѣ, чрезъ Уралъ, на рѣки Лозву и Тавду. Пролегая по малонаселеннымъ мѣстностямъ, искони занятымъ Вогулами и отчасти Остяками, этотъ путь неотложно требовалъ построения новыхъ русскихъ городовъ, съ переходомъ всей

страны отъ Тюмени до Тобольска въ русскія руки. Необходимость скорѣйшей постройки укрѣпленныхъ русскихъ городовъ на этомъ пути обуславливалась еще и тѣмъ, что именно здѣсь, въ старомъ вогульскомъ Пелымѣ, въ сосѣдствѣ Тахчей, все еще оставалось безпокойное гнѣздо старыхъ враговъ нашихъ во главѣ съ непокорнымъ княземъ Аблегиримомъ*). До того времени главныя усилія Русскихъ были обращены противъ Татаръ; Вогулы и Остяки оставались какъ-то въ сторонѣ. Но когда татарское могущество было наконецъ сломлено, и вблизи двухъ главныхъ оплотовъ его—Чинги-Туры и Искера появились еще болѣе сильныя охранители новой русской власти—Тюмень и Тобольскъ,—наступила очередь и болѣе сѣверныхъ Вогуловъ и отчасти Остяковъ, дотолѣ находившихъ главную поддержку въ князьяхъ Пелымскихъ, бывшихъ сподручникахъ царя Кучума. Пермь Великая, конечно, живо еще помнила страшный разгромъ ея Пелымскимъ княземъ Кихекомъ и должна была предупредить всякую возможность подобныхъ бѣдствій въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что Кучумъ былъ еще живъ.

До 1590 года главнымъ городомъ бывшей татарской Сибири по административному значенію считался Тюмень, основанный въ 1586 году. Черезъ 4 года это главенство перешло къ Тобольску, какъ болѣе центральному пункту новыхъ русскихъ владѣній на востокъ**). Но болѣе сѣверная угорская часть новопокореннаго края продолжала оставаться въ вѣдѣніи воеводъ Великопермскихъ, жившихъ въ Чердыни, что слѣдуетъ объяснить отдаленностью сѣверной части Пелымскаго и всего Березовскаго края отъ Тобольска. Вслѣдствіе этого древнѣйшій городъ Перми Великой долженъ былъ получить важное значеніе при построеніи новыхъ русскихъ

*) О немъ уже была рѣчь въ V выпускѣ изданія на стр. 101—102. О походѣ Ермака на Тавду см. тамъ же, стр. 191—192.

**) *Буцинскій*: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея пасельниковъ». Харьковъ. 1889 г., стр. 105.

укрѣпленій на старой Московской дорогѣ изъ Руси въ Сибирь; его воеводы были главными распорядителями въ этомъ дѣлѣ, принимали личное участіе въ построеніи новыхъ городовъ въ Сибири, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ и остались затѣмъ первыми воеводами.

Послѣ Тобольска первый русскій городъ на старомъ Московскомъ пути въ Сибирь былъ основанъ при самомъ выходѣ его изъ ущельевъ Уральскихъ горъ, при впаденіи рѣчки Ивделя въ Лозву, по которой и названъ былъ *Лозвою*. Первые свѣдѣнія о немъ сообщилъ Миллеръ, который совершенно правильно объяснялъ выборъ мѣста для этого города направленіемъ старой дороги изъ Руси, «чего ради весьма нужно было, писалъ онъ, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ по Лозвѣ судовой ходъ начинается, имѣть пристань, гдѣ-бы въ вешнее время можно было суда строить и въ охраненіи держать съѣстные припасы и прочія путевыя потребности, а потомъ бы по вскрытіи воды первымъ водянымъ путемъ оттуда отправляться, и притомъ, чтобъ въ тамошнихъ мѣстахъ съ живущихъ *Волуничей*, которые по то время къ городу *Чердынню* присудны были, съ большею исправностію и способностію ясакъ собирать» *). Скудныя свѣдѣнія о началѣ Лозвы Миллеръ нашель въ Пелымскомъ архивѣ, въ документѣ 7102 (1594) года, „по которому явствуетъ, что городъ при рѣкѣ Лозвѣ въ 7098 (1590) году уже былъ, и что тогда нѣкто *Иванъ Григорьевъ сынъ Нагой* былъ тамъ воеводою“ (стр. 221). Тоже самое видно изъ наказа строителю города Пелыма, князю Петру Ив. Горчакову, 1592 г., гдѣ упоминается «новой городъ на Лозвѣ» **). Миллеръ полагаетъ, что строителемъ Лозвы и былъ упомянутый выше Ив. Григ. Нагой.

*) Миллеръ: «Описаніе Сибирск. Царства». СПб. 1750 г., гл. IV, § 16, стр. 221.

**) Тамъ же, § 26, стр. 228—235. Наказъ князю Петру Горчакову 1592 г. см. еще во II т. «Русск. Историч. Библіотеки», № 56, гдѣ онъ неправильно отнесенъ къ 1594 году.

Новѣйшій историкъ Сибири, г. Буцинскій, на основаніи неизвѣстнаго намъ источника, относитъ основаніе Лозвы къ 1589 году. „На р. Лозвѣ, пишетъ онъ, при впаденіи въ нее рѣчки Ивли, въ 1589 г. построенъ былъ городъ Лозва: отъ него-то^{ри} начинался Лозвинскій путь, ведшій въ Тавду, а по этой рѣкѣ въ Тоболъ и по Тоболу въ Иртышъ къ городу Тобольску“ *).

Если и допустить, что строителемъ города Лозвы былъ Иванъ Нагой, многократно упоминаемый въ наказѣ князю Петру Ивановичу Горчакову 1592 г., то въ этомъ строеніи во всякомъ случаѣ нельзя отрицать и участія тогдашняго Чердынскаго воеводы, какимъ, вѣроятно, былъ уже Никифоръ Васильевичъ Троханіатовъ. Это доказываетъ весь ходъ строенія другихъ русскихъ городовъ на старой Московской дорогѣ въ Сибирь, который мы укажемъ ниже, а также и тотъ фактъ, что вторымъ и послѣднимъ воеводою города Лозвы съ 1595 до 1598 года былъ братъ упомянутаго Троханіатова Иванъ Васильевичъ и съ нимъ письменный голова Иванъ Нефловъ **).

Въ V выпускѣ нашего изданія (стран. 193—196) подробно сказано о пути, которымъ въ 1583—1584 годахъ слѣдоваль въ Сибирь чрезъ Пермь Великую первый, посланный изъ Москвы, воевода князь Семень Дмитр. Болховскій, при чемъ особою грамотою Строгановымъ отъ 7 января 1584 г. отъ царя Іоанна IV повелѣвалось имъ дать 15 струговъ для сплава въ нихъ весною въ Сибирь слѣдовавшей съ кн. Болховскимъ рати. Подобную же грамоту получили Строгановы 5 іюля 1592 г. отъ царя Ѳедора Іоанно-

*) «Заселеніе Сибири», стр. 16.

** Упоминаются въ росписи хлѣбныхъ и другихъ запасовъ 1596 г. («Русск. Истор. Библіот.», т. II, № 60); въ наказѣ 1595 г. Тарскому воеводѣ князю Ѳедор. Борис. Елецкому (напечатанъ у Миллера въ гл. IV при § 69, на стр. 281—285) и въ «Отпискѣ» Ивана Троханіотова въ Пелымъ отъ 17 января 1598 г., которую см. тамъ же, въ гл. V, § 17, стран. 334 и во II томѣ «Русск. Историч. Библіотеки» подъ № 65.

вича. Она дана была „на Орель и въ Чусовую Максиму да Никитѣ съ братьею Строгановымъ“, уже по основаніи города Лозвы. «По нашему указу, гласила грамота, велѣли есмь взяти съ вашего съ соленаго промыслу съ Орла и Чусовой въ Пермь Великую (т. е. въ городъ Чердынь), для Сибирскихъ Татаръ приходу, *сто человекъ ратныхъ людей съ рушницами и съ луки, съ кремли и съ рогатинами и со всякимъ ратнымъ боемъ; и для тѣхъ ратныхъ людей посланъ къ вамъ Михайло Шокуровъ; а велѣно ему тѣхъ ратныхъ людей, взявъ у васъ, отвезти въ Пермь Великую (въ Чердынь) и отдать воеводу Микифору Троханіотову* *). Далѣе предписывалось: 50 человекъ пѣшихъ людей съ оружіемъ дать Михайлу Шокурову тотчасъ по полученіи грамоты. «А нынѣ бы есте однолично 50 человекъ пѣшихъ съ пищальми въ судѣхъ легкихъ отпустили въ Пермь (т. е. Чердынь) и на Лозву съ Михайломъ, а не отпустите тѣхъ 50 чел. вскорѣ, тотъ часъ и замѣшкаете—и вамъ отъ насъ быти въ великой опаль и въ продажъ». «А другую (половину) 50 человекъ съ вашихъ городовъ готовили бы есте съ пищальми *конныхъ къ перевозимью въ войну на Пелымскаго* (т. е. князя Аблегирима), а о томъ къ вамъ указъ свой пришлемъ, кому съ ними итти». Продовольствіе людямъ Строгановы должны были дать свое «на всю осень и на всю зиму и до весны» (1593 года). Угроза опалю показываетъ, что въ это время Строгановы все еще были въ нѣкоторой немилости у царя. За прежде дарованныя отъ Іоанна IV льготы по владѣнію землями и за самовольный призывъ казаковъ съ Волги Строгановы обязывались царскимъ указомъ помогать правительству своими средствами подъ угрозою опалы за неисполненіе указа. Какъ близко по формѣ и характеру выраженій подходитъ эта грамота къ той, которую получили Строгановы

*) Грамоту см. у Миллера въ «Опис. Сиб. Ц.» гл. IV, § 25, стран. 227 въ сноскѣ и у Шишонко въ «Пермск. Лѣтописи» т. I, стр. 115.

7 января 1584 года! Въ общемъ ихъ положеніе предъ царемъ къ 1592 г. почти не измѣнилось.

Точно также положеніе Чердыни на главной Московской дорогѣ въ Сибирь и значеніе Великопермскихъ воеводъ въ сношеніяхъ съ нею правительства было одинаково въ 1584 и 1592 г.г., судя по грамотамъ этихъ годовъ. Въ обоихъ случаяхъ Чердынь является главнымъ сборнымъ пунктомъ людей и мѣстомъ приготовленія къ дальнѣйшему слѣдованію въ Сибирь. Чердынскій воевода снаряжаетъ рать въ походъ, снабжаетъ ее необходимымъ продовольствіемъ на все время похода и, какъ увидимъ далѣе, иногда самъ сопровождаетъ ее за Ураль. На него возлагалась главная забота о всѣхъ служилыхъ людяхъ, слѣдовавшихъ въ Сибирь, ихъ обезпеченіи всѣмъ необходимымъ и о личной безопасности въ дальнѣйшемъ пути. Нагляднѣе всего это значеніе Великопермскихъ воеводъ для Сибири, въ первое время по ея завоеваніи, обрисовываетъ первый наказъ или инструкція, данная въ 1592 г. отправленному изъ Москвы въ Сибирь для строенія новыхъ городовъ князю Петру Ивановичу Горчакову, о которомъ мы выше упомянули*). Кромѣ постройки новаго города въ Таборахъ на р. Тавдѣ, кн. Горчакову правительствомъ дано было еще болѣе важное и трудноисполнимое порученіе «приманить Пелымскаго князя Аблегирима, да сына его большаго Тагая, да племянниковъ его, да внучатъ Пелымскаго—*тѣхъ всѣхъ приманивъ, извести*», и тѣмъ положить конецъ смутѣ среди сибирскихъ инородцевъ. Все это предписывалось сдѣлать князю Горчакову *въ сообществѣ съ Великопермскимъ воеводою Никифоромъ Васильевичемъ Троханитовымъ*, жившимъ въ Чердыни и потому близко знавшимъ положеніе дѣлъ въ сѣверо-западной Сибири. Для этого-то похода противъ Пелымскаго князя правительство потребовало

*) Въ «Русской Исторической Библіотекѣ», т. II, стран. 103—120 этотъ наказъ напечатанъ въ болѣе полномъ видѣ, нежели у Миллера (стр. 228—235), но неправильно отнесенъ къ 1594 г.

отъ Строгановыхъ 100 челов. ратныхъ людей особою грамотою.

Такъ какъ наказъ князю Горчакову былъ дважды напечатанъ, то нѣтъ надобности подробно излагать его содержаніе. Мы укажемъ только общій планъ дѣйствій, предпринятый кн. Петру Ив. Горчакову и Н. В. Троханіотову при построении новыхъ городовъ и поимкѣ Пелымскаго князя.

Наказъ предписывалъ кн. Горчакову съ дѣтьми боярскими слѣдовать изъ Москвы до Чердыни, гдѣ они имѣли явиться къ воеводѣ Никифору Вас. Троханіотову. «А въ Пермь (т. е. Чердынь) пришедъ, послать князю Петру (Горчакову) дѣтей боярскихъ, которые съ нимъ съ Москвы посланы, въ *Лелинскіе Вогуличи да въ Вишерскіе Вогуличи, которые бы умѣли по вогульски говорить*» *). Тѣхъ и другихъ Вогуличей велѣно было собрать по 25 человекъ, послѣ чего дѣти боярскіе должны были отправиться съ 50-ю Вогулами въ городъ Лозву. Знающіе вогульскій языкъ люди нужны были кн. Горчакову для войны съ Пелымскимъ княземъ или для поимки его. Оговорка наказа: «которые бы умѣли по вогульски говорить» ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что уже въ концѣ XVI в. обрусѣніе Вогуль дѣлало большіе успѣхи, о чемъ была рѣчь въ V выпускѣ „Пермской Старины“ (стр. 98—99).

Тѣмъ временемъ, «разославъ дѣтей боярскихъ (для сбора Вогуль на Лялѣ и Вишерѣ), самому князю Петру (Горчакову велѣно было) итти изъ Перми съ Микифоромъ (Троханіотовымъ) вмѣстѣ, взявъ съ собою нарядъ (орудія и боевые снаряды), въ новой городъ на Лозву». Лозвинскому воеводѣ Ивану Григорьевичу Нагому заблаговременно посланъ былъ особый указъ о постройкѣ легкихъ судовъ «подъ государевъ зацасъ и подъ воеводъ и ратныхъ людей и подъ жилицкихъ

*) *Лелинскіе Вогуль* жили по рѣкѣ Лялѣ, правому притоку южной Сосвы, а *Вишерскіе*—сѣверяте ихъ и ближе къ Чердыни, на верховьяхъ р. Вишеры. Сравнить «Пермс. Стар.» вып. V, 102.

и подѣ ихъ запасы». Изъ Перми князь Горчаковъ долженъ былъ взять съ собою на Лозву деньги и запасы для наемныхъ Вогуличей: денегъ «рядовымъ по рублю человѣку, а сотникомъ по два рубли человѣку» — всего 54 рубля, а хлѣба по чети муки — итого 52 чети. Наказъ особенно настойчиво требовалъ, что бы къ веснѣ 1593 года всѣ суда для войска и прочихъ людей и подѣ нарядъ и всякіе запасы были непремѣнно готовы, чтобы съ первою весеннею водою, тотчасъ по вскрытіи рѣкъ, можно было двинуться въ походъ. Всѣ другія приготовленія къ походу также надлежало исполнить зимою 1592—1593 г. и къ веснѣ обязательно покончить. Поэтому прежде выступленія на Лозву воеводамъ предстояло въ Чердыни еще много спѣшныхъ хлопотъ. Пока Лозвинскій воевода Ив. Нагой хлопоталъ о заготовкѣ лѣса для постройки судовъ, кн. Горчаковъ и Троханіотовъ и прочіе военачальники, а именно князь Михаилъ Волконскій, князь Матвѣй Львовъ, голова Богданъ Воейковъ и Иванъ Змѣевъ заняты были въ Чердыни приготовленіемъ для предстоящаго похода боевыхъ орудій, хлѣбныхъ запасовъ и всего необходимаго, а также наймомъ плотниковъ для судовой работы. Пропустивъ на Лозву впередъ себя ратныхъ людей и хлѣбные запасы, всѣ означенныя лица имѣли выѣхать изъ Перми (Чердыни) туда же, въ Лозву, избранную сборнымъ пунктомъ для всѣхъ участниковъ предстоявшаго похода.

По вскрытіи сибирскихъ рѣкъ весною 1593 г., предписывалось „устроися князю Петру, вмѣстѣ съ воеводами съ Микифоромъ Васильевичемъ съ товарищи *итти съ Лозвы въ Сибирь въ Таборы* по сему государеву наказу“, при чемъ воеводѣ Троханіотову данъ былъ о томъ *особый наказъ* за приписью дьяка Андрея Щелкалова. На Тавдѣ воеводамъ самимъ предоставлялось избрать удобнѣйшее мѣсто для постройки укрѣпленія, гдѣ велѣно было сперва построить острогъ и въ немъ укрѣпиться. При постройкѣ его велѣно было «вызвать на рать на всю на служилые казаки по

пяти бревенъ на человѣка, и на *Пермичъ* и на *Вымичъ* и на *Усолцовъ* по 15 бревенъ или по 10, какъ будетъ пригоже». «А побыть Микифору съ товарищи туто съ недѣлю, покамѣсть острогъ укрѣпять и лѣсу выронять».

Далѣе наказъ указывалъ образъ дѣйствій воеводѣ по отношенію къ Аблегириму, рекомендуя сначала заманить его въ Табары хитростью и, въ случаѣ успѣха, *извести его*; если же Пелымскій князь не поддастся на обманъ, то пойти на него войною, «а жены и дѣти ихъ и люди воевать и побивать, и городокъ его жечи (старый Пелымъ), а итти въ походъ князю Петру (Горчакову) самому».

Покончивъ такъ или иначе съ Пелымскимъ княземъ и его семействомъ*), воеводы должны были устроить въ Таборахъ служилыхъ и пашенныхъ людей по примѣру другихъ русскихъ городовъ, служилымъ людямъ, стрѣльцамъ и казакамъ назначить денежное жалованье, а прочихъ надѣлать пашней. «А воеводѣ князю Петру Ивановичю (Горчакову) послѣ Микифора (Троханіотова) быти въ новомъ городѣ въ Таборахъ». *„А которые посланы изъ Перми и съ Вятки на житье для пашни—и у тѣхъ бы хотя у четырехъ человѣкъ была одна лошадь, а животина бы съ ними была, и сохи бы были съ ними, . . . да и ржи взяти на заводъ 10 четви изъ Перми, и велѣти жилецымъ людямъ дворы себѣ ставить. . . . А лучіе мѣста пашенные выбравъ, оставить про государевъ обиходъ до 300 четви; а впередъ та земля пахать на государя жилецымъ людямъ, которыхъ устроить на житье“*.

Къ наказу 1592 г. приложено нѣсколько «памятей», касающихся устройства новыхъ городовъ въ Сибири и писанныхъ на имя того же князя Петра Иванов. Гор-

*) Наказъ предписывалъ казнить, «извести» самого Аблегирима, его старшаго сына Тагая, племянниковъ, внучать и 5—6 знатнѣйшихъ людей; младшаго же сына Таугія съ его дѣтьми и женою велѣно было отправить съ Н. Троханіотовымъ въ Тобольскъ, къ воеводѣ Ѳедору Лобанову—Ростовскому.

чакова *). Въ нихъ встрѣчаемъ новыя указанія на значеніе Чердыни въ дѣлѣ устройства новыхъ русскихъ городовъ въ Сибири. Такъ, для предположенной къ строенію въ новомъ городѣ на Таборахъ церкви Рождества Христова съ придѣломъ Николая Чудотворца кн. Горчакову велѣно было взять въ Чердыни (Перми) попа «Углецкого», а въ Ростовѣ взять дьякона для той же церкви. Тамъ же, въ Перми, кн. Горчакову велѣно было взять для Сибирскихъ городовъ «5 человекъ казаковъ Пермскихъ Еустратова приказу, которые прїѣзжали къ Москвѣ съ государевою казною», да для Тюмени взять въ Перми 10 пудъ зелья (пороху) и 10 пудъ свинцу (пуль свинцовыхъ). Отпущеннымъ въ Сибирь съ князьями Петромъ Горчаковымъ и Михаиломъ Волконскимъ десяти дѣтямъ боярскимъ велѣно было дать въ Перми хлѣбнаго жалованья по двѣ чети муки ржаной человекъ— всего 20 четей, «и отпустить ихъ изъ Перми съ нарядомъ, не издержавъ, тотчасъ». Кромѣ того «велѣно воеводѣ Микифору Васильевичю Трохоніотову отпустить со княземъ Петромъ въ Сибирь, въ новой городъ (Табары), *взявъ съ Пермской земли, 20 человекъ веденцовъ, безъ женъ и безъ дѣтей, и подмога имъ велѣно дать, а жены имъ велѣно взять на веснѣ во 102 (1594) году, какъ они устроятся, дворы себѣ поставятъ...* А нынѣ бы они (1593 г.) взяли съ собою одни лошади да сѣмена на пашню, чѣмъ имъ пашни позавести, сперва хотя не отъ велика». Впрочемъ и съ Вятской земли было взято столько же веденцовъ.

Отмѣтимъ одну характерную особенность правительственной колонизаціи въ Сибири: какъ было при строеніи Тюмени и Тобольска, новый городъ на Таборахъ велѣно было поставить обязательно вновь, *„а старой городокъ разорити, чтобъ у Таборовскихъ людей города не было“*. Изъ старыхъ

*) *Миллеръ* приводитъ только одну память о построеніи въ новомъ городѣ на Таборахъ церкви Рождества Христова. Во II томѣ «Русской Историческ. Вибліотеки» напечатано одиннадцать памятней князю П. И. Горчакову.

Таборовъ и изъ Кошуковъ велѣно взять «съ трехъ луковъ по человѣку (изъ числа туземныхъ жителей) съ топоры городъ дѣлать». . . . „А въ городъ (новый) ихъ и Пелымскихъ Вогуличъ не пускать, чтобъ имъ людей государевыхъ не смѣчати, и имъ дати мѣсто возмъ острогу, а съ Рускими людьми бы имъ не быть“. Такъ же точно поступили Рускіе раньше, изъ стратегическихъ соображеній, и съ старѣйшими татарскими городами Чинги-Турою и Сибирью или Искеромъ, преданными разоренію.

Навазъ 1592 г. и относящіяся къ нему дополнительныя памяти показываютъ ясно, какимъ исключительнымъ значеніемъ пользовались Великопермскіе воеводы въ дѣлѣ колонизаціи новопокореннаго края. Лозвинскій воевода игралъ при этомъ подчиненную роль и состоялъ въ такихъ же отношеніяхъ къ Чердынскому воеводѣ, въ какихъ былъ до 1590 года Тобольскій воевода къ Тюменскому. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не измѣнилось направленіе старой Московской дороги въ Сибирь, т. е. до 1598 года.

Построеніе новаго русскаго города Таборъ на р. Тавдѣ, казалось, было дѣломъ рѣшеннымъ. Сохранились даже поручныя записи тѣхъ стрѣльцовъ, коихъ предполагалось поселить здѣсь*). Эти записи Миллеръ нашелъ въ Пелымскомъ архивѣ вмѣстѣ съ наказомъ кн. Горчакову. Одна изъ нихъ писана въ Чердыни 21 февраля 1593 г., другая въ Пелымѣ 14 іюня 1594 г. Чердынская записка показываетъ, что многіе изъ стрѣльцовъ для новаго города Таборъ были жители Перми Великой—Пермитяне. Словомъ, для основанія новаго города Таборъ къ веснѣ 1593 г. все было готово. И однако же правительство отказалось отъ своихъ первоначальныхъ предположеній относительно основанія этого города по при-

*) Двѣ такія записи, писанныя одна въ Чердыни и другая въ Пелымѣ 1593—1594 г.г., напечатаны у Миллера гл. IV, § 29, стран. 237 и затѣмъ въ «Русской Историч. Библиот.» т. II, № 53.

чинамъ, которыя за отсутствіемъ документовъ остаются доселѣ неизвѣстными историкамъ Сибири. Судя по тому, что имени Пелымскаго князя Аблегирима мы болѣе не встрѣчаемъ въ документахъ послѣ 1593 г., а младшаго его сына Таутія и внука Учота видимъ потомъ въ Москвѣ подъ стражею *), надобно думать, что кн. Горчаковъ и Никифоръ Троханіотовъ скоро исполнили въ точности предписаніе наказа и покончили съ Пелымскимъ княземъ и его старшимъ сыномъ. Но не извѣстно, почему вмѣсто Таборъ на р. Тавдѣ воеводы избрали мѣсто для новаго города сѣвернѣе, пониже устьевъ рѣки Пелыма, почему и назвали этотъ новый городъ *Пелымомъ*. Такимъ образомъ возникъ въ 1593 г. новый русскій Пелымъ вмѣсто стараго вогульскаго, вѣроятно, разрушеннаго Русскими по смерти князя Аблегирима, согласно предписанія наказа. За исключеніемъ выбора мѣста для новаго города на Тавдѣ, воеводы, повидимому, довольно точно исполнили предписанія наказа 1592 г. Это показываетъ намъ и взаимное сопоставленіе упомянутыхъ выше двухъ поручныхъ стрѣleckихъ записей, дошедшихъ до нашего времени. Пелымская запись 1594 г. называетъ нѣкоторыхъ тѣхъ самыхъ лицъ, кои раньше упоминаются въ Чердынской записи 1593 г.: предназначенные сначала для Таборъ, они переписались чрезъ годъ въ Пелымъ.

Во первыхъ, самъ *сотникъ стрѣleckій*, т. е. ихъ голова, въ обѣихъ поручныхъ указахъ одинъ: въ записи 1593 г. Клима Шокуровъ, въ таковой же 1594 г. Клементій Никитинъ сынъ Шокуровъ. Во вторыхъ, *стрѣleckій десятникъ* упомянуть опять одинъ и тотъ же: въ записи 1593 г. Тимоѣй Евтихѣевъ Пермитинъ, въ записи 1594 г. Тимоѣй Евтифѣевъ сынъ Евтюгинъ. Затѣмъ въ обѣихъ записяхъ упоминаются одни и тѣ же стрѣльцы: Андрѣй Дмитріѣвъ сынъ Галичанинъ, Володимеръ Калининъ сынъ Роговъ и Михайло

*) См. «Пермс. Стар.» вып. V, стр. 102.

Никитинъ сынъ—прозвище Пятко Опалихинъ Пермитинъ съ Покча (по записи 93 г.), иначе Пятюня Никитинъ сынъ Опалихинъ (запись 94 г.). Изъ этихъ сопоставленій очевидно, что стрѣльцы Чердынскаго прибора 1593 г. оказались на службѣ въ юнѣ 1594 г. не въ Таборахъ, а въ Пелымѣ, и что, слѣдовательно, самое основаніе города въ Таборахъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, не состоялось. Въ концѣ второй записи помѣчено: «запись писалъ въ новомъ *Пелымскомъ городѣ* Нечайка Васильевъ сынъ лѣта 7102 іюня въ 14 день». Значитъ, и всѣ предписанія наказа 1592 г. кн. Горчаковъ и Никифоръ Троханіотовъ должны были примѣнить къ Пелыму, за оставленіемъ постройки города въ Таборахъ. По мѣстнымъ условіямъ, имъ пришлось однако сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ данной инструкціи. Во первыхъ, Пелымъ основанъ не въ степной, а въ лѣсистой мѣстности, почему конные казаки въ числѣ 50 человекъ сочтены были ненужными; во вторыхъ, среди густыхъ лѣсовъ нашлось для государевой пашни только 7 четвертей пахотной земли вмѣсто 300, почему изъ Таборъ (старыхъ) и Кошуковъ не пришлось брать «переведенцевъ».

Въ остальномъ наказъ былъ примѣненъ къ Пелыму, гдѣ основана была и церковь Рождества Христова съ придѣломъ Николая Чудотворца, для которой попъ былъ назначенъ изъ Чердыни. Впослѣдствіи въ Пелымѣ сооружена была другая церковь во имя архистр. Михаила съ придѣломъ пророка Іліи (*Миллеръ*, гл. IV, 240—242).

Такъ возникли первые два послѣ Тобольска русскихъ города на старомъ Московскомъ пути изъ Руси въ Сибирь. Къ каждому городу былъ приграниченъ особый *уездъ Лозвиискій и Пелымскій*. Къ Пелыму отошли всѣ волости съ вогульскимъ населеніемъ, которыя раньше платили ясакъ въ Тобольскъ, а еще ранѣе—въ Чердынь. Въ 1595 г. къ Пелыму же приписаны были двѣ большія вогульскія волости Большая и Малая Конды, ранѣе зависѣвшія отъ Тобольска

(первая съ 1589 и вторая съ 1592 г.). Съ того времени Пелымскій уѣздъ сталъ особенно обширенъ. Начинаясь со средней части р. Лозвы, онъ захватывалъ нижнюю Сосву, все теченіе рѣкъ Конды, Пелымки и Вогулки и р. Тавду, кромѣ ея нижней части. Верхняя часть Лозвы относилась къ городу Лозвѣ, а нижняя Тавда отъ Кошуковъ осталась за Тобольскомъ*).

Лозвинскій уѣздъ занималъ верхнее теченіе р. Лозвы, р. Ивдель, верхнее и среднее теченіе южной Сосвы, а на сѣверъ простирался до Сѣверной Сосвы. Здѣсь также было сосредоточено вогульское населеніе, но уже начиналась русская колонизація, благодаря Строгановымъ**) и пролегавшей большой дорогѣ изъ Руси въ Сибирь. Впослѣдствіи Лозвинскій уѣздъ раздѣлился между Березовскимъ и Верхотурскимъ; до возникновенія же его въ 1590 г. эти земли зависѣли отъ Чердыни.

Князь П. И. Горчаковъ, согласно наказа, остался первымъ воеводою Пелыма, а его сотоварищъ по основанію этого города, Чердынскій воевода Никифоръ Троханіотовъ, тѣмъ же лѣтомъ 1593 г. долженъ былъ выполнить другія предписанія наказа: онъ отправился въ Тобольскъ сопровождать плѣннаго князя Пелымскаго Таутія, Аблегиримова сына, съ его семействомъ, передалъ тамъ всѣхъ плѣнниковъ воеводѣ князю Ѳедору Мих. Лобанову-Ростовскому***), а самъ поспѣшилъ внизъ по Иртышу и Оби на Березовый островъ, гдѣ предписано было ему положить основаніе новому городу Березову. Въ наказѣ 1592 г. ясно сказано: «А на Березовъ островъ Микифору съ товарищи взять съ собою нарядъ»; но

*) *Миллеръ*, гл. IV, § 37, стр. 243; *Буцинскій* «Заселеніе Сибири», стр. 8.

**) Объ этомъ подробности въ V вып. «Пермс. Стар.», стр. 130—131.

***) Послѣ основателя города Давида Чулкова, передавшего воеводство Влад. Вас. Кольцову-Мосальскому (1590—1591 г.г.) кн. Ѳ. М. Лобановъ - Ростовскій былъ третьимъ Тобольск. воеводою.

другихъ инструкцій относительно основанія Березова тутъ не давалось, изъ чего я заключаю, что по этому дѣлу Чердынскій воевода Н. В. Троханіотовъ получилъ особый наказъ, до насъ не дошедшій. Вслѣдствіе этого и подробностей основанія Березова мы не знаемъ. Извѣстно только, что самъ основатель города Н. Троханіотовъ и былъ назначенъ первымъ его воеводою, а въ Чердыни его замѣнилъ, вѣроятно, Сарычъ Шестаковъ. Миллеръ свидѣтельствуетъ, что въ Березовѣ отъ одного частнаго лица онъ получилъ старинный, перешедшій отъ предковъ владѣльца, «реестръ всѣмъ бывшимъ тамъ воеводамъ, въ которомъ воевода Троханіотовъ упоминается въ томъ же 7101 (1593) году *первымъ*» (см. гл. IV, § 40, стран. 248). О томъ же свидѣтельствуетъ и грамота царя Θεодора Ивановича «въ Сибирь, въ Березовъ городъ, воеводѣ Микифору Васильевичю Троханіотову да Аонасью Ивановичю Благово» отъ 17 августа 1594 г.*) о присылкѣ въ Москву и принятіи тамъ «Кондинскаго князя Агая, да сына его Азыпки да брата Кондинскаго Косялима». Не извѣстно, оказали-ли эти князья сопротивленіе основателю Березова Троханіотову, которому наказъ 1592 г. предписывалъ взять съ собою нарядъ (орудія) для новаго города, или они взяты были въ предупрежденіе какой либо смуты въ Югорской землѣ. Въ «Синбирскомъ Сборникѣ», изданномъ П. А. Н. Языковыми, А. Хомяковымъ и Д. Валуевымъ (часть I. М. 1844) напечатана Разрядная книга 7067 (1559 г.) начала XVII в., гдѣ подъ 1592 г. сказано: «Того жъ 100 году послалъ царь воеводъ въ Сибирь, велѣлъ поставить городъ Пелымъ—Никифора Вас. Троханіотова да князь Петра Горчакова да князь Михайла Волконскаго-Мурку. А постави городъ, *велѣлъ государь быти Никифору въ Тобольскъ*, а князь Михайлу въ Березовѣ, а въ Пелымѣ ...

*) Напечатана сначала у Миллера гл. IV, § 46, стр. 253, потомъ въ «Русск. Историч. Библиотекѣ», т. II подъ № 54.

кн. Петру Горчакову» (см. стр. 126). Но когда былъ написанъ подробный наказъ 1592 г., первоначальныя предположенія государя, очевидно, измѣнились, такъ какъ Троханіотовъ не былъ, сколько извѣстно, Тобольскимъ воеводою, а кн. Волконскій былъ въ Березовѣ уже вторымъ воеводою (послѣ Н. В. Троханіотова).

Съ основаніемъ новаго города, появился и новый *Березовскій уѣздъ*, о чемъ мы уже говорили *). Самый Березовъ основанъ былъ возлѣ югорскаго городка Сугмутъ-вапъ (это слово и значить береза**), вѣроятно разрушеннаго Троханіотовымъ по примѣру стараго вогульскаго Пелыма. Но еще послѣ похода Русскихъ въ Югру въ 1499—1500 г. въ этой странѣ появилось первое русское укрѣпленіе въ главномъ городѣ сыгво-сосвенской Югры—Ляпинѣ (по вогульски Лопынгъ-ушъ) и, кажется, съ того времени этотъ край былъ подъ вѣдѣніемъ Великопермскихъ воеводъ въ отношеніи сбора ясака съ ивородцевъ. Съ построеніемъ Березова, весь край поступилъ въ вѣдѣніе Березовскихъ воеводъ, *первый изъ которыхъ и былъ переведенъ сюда изъ Чердыни*, при чемъ Ляпинъ съ того времени потерялъ прежнее значеніе русской крѣпости и торговаго пункта для новаго Березовскаго уѣзда***). Обратимъ здѣсь вниманіе на то, что упомянутая выше грамота отъ 17 августа 1594 г. *уже называетъ Березовскій край общимъ родовымъ названіемъ Сибири* („въ Сибирь, въ Березовъ городъ“), *тогда какъ раньше этотъ край назывался Югрой*. Слѣдовательно, слово Сибирь, съ основаніемъ Березова, стало распространяться въ понятіяхъ Русскихъ на весь угорскій сѣверо-западъ Азіи до сѣвернаго конца Урала, хотя и прежнее названіе Югры, какъ мы показали это въ V

*) «Пермская Старина», вып. V, стр. 43—44 и 90—92.

**) Топографическое положеніе древняго Березова подробно указано у Миллера, гл. IV, § 41, стр. 248—249 и у Буцинскаго, стр. 171.

***) Объ этомъ см. еще въ V вып. «Пермс. Стар.», на стр. 91—92.

выпускѣ, еще не сразу вышло изъ употребленія. Лучше всего убѣждаетъ въ этомъ „Книга Большому Чертежу“.

Новый *Березовскій* уѣздъ расположился къ сѣверу отъ Лозвинскаго, начиная съ Сѣверной Сосвы вплоть до Ледовитаго океана. На западѣ въ составъ его вошла большая часть древней собственно Югорской земли, на востокѣ и сѣверѣ вся бывшая Обдорія и главная часть бывшаго Кондійскаго княжества на Оби, именно все теченіе рѣкъ Полуя, Куновата и Казыма. Крайней пограничной чертой уѣзда на сѣверо-востокѣ была рѣка Пурь, впадающая въ Тазовскую губу. На юго-востокѣ новый уѣздъ простирался до владѣній Кондинскаго князя Алача, ранѣе приписанныхъ къ Тобольску, т. е. до верховьевъ праваго притока Оби, рѣки Лямина, или до Бѣлогорской волости включительно*). Мы не согласны съ г. Буцинскимъ въ томъ, что Березовскій уѣздъ въ XVI в. населенъ былъ только Остяками и Самоѣдами. Такъ какъ на западѣ въ составъ уѣзда входила собственная Югра, то несомнѣнно, что въ составъ населенія новаго Березовскаго уѣзда вошло не мало Югричей и Вогуличей, населявшихъ берега Сѣв. Сосвы и Сыгвы или Ляпиной. Миллеръ справедливо видитъ въ тогдашнемъ населеніи Березовскаго края «самую средину (средоточіе) всѣхъ Вогульскихъ и Остяцкихъ жилищъ, которыя прежде сего дань на рѣку Вымъ привозили (въ XVI вѣкѣ и въ Чердынѣ). По рѣкѣ Сосвѣ до самой ея вершины такихъ Вогуличей живетъ весьма много» **). Объ ошибочномъ наименованіи жителей древней Югры «Остяками Ляпинскаго нарѣчія» мы подробно сказали въ другомъ мѣстѣ***).

На слѣдующій годъ по основаніи Пелыма и Березова, т. е. въ 1594 г., начались опять хлопоты по основанію

*) Миллеръ, гл. IV, § 43, стр. 250; «Пермск. Старина» V, 83 и 190; Буцинскій, стр. 9.

***) Миллеръ, гл. IV, § 42, стр. 249; «Пермск. Старин.» V, 103—104.

***) «Пермск. Старин.» вып. V, стр. 40—43, кромѣ того см. стр. 28 и 16.

двухъ новыхъ городовъ—одного на рѣкѣ Оби и другого на Иртышѣ, выше Тобольска. Мы разумѣемъ Сургутъ и Тару—слѣдующіе послѣ Березова по времени основанія. При возникновеніи русскаго Пельма правительство имѣло въ виду положить конецъ владычеству князя Аблегирима, что и было съ успѣхомъ выполнено. Такимъ же образомъ при основаніи Сургута имѣлась въ виду борьба съ остяцкимъ княземъ Воней, а основаніе Тары вызвано было дальнѣйшею войною съ Кучумомъ, съ которымъ русская власть хотѣла теперь покончить во что бы то ни стало. Конечно, это послѣднее предпріятіе было труднѣе исполнимо, нежели борьба съ Аблегиримомъ и княземъ Пѣгой Орды Воней, но оно было необходимо для обезпеченія юговосточной границы новыхъ русскихъ владѣній въ Азіи. Вотъ почему со времени извѣстнаго Югорскаго похода 1499—1500 г.г. Московское правительство не предпринимало за Уралъ ниодной военной экспедиціи въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ 1594 г., а это показываетъ, что Кучумъ въ глазахъ Москвы все еще былъ довольно опаснымъ врагомъ. Въ виду сказаннаго, мы должны остановиться на походѣ 1594 г. болѣе подробно, тѣмъ болѣе, что и Пермь опять принимала въ немъ нѣкоторое участіе; но такъ какъ съ этимъ походомъ связанъ вопросъ объ окончательномъ паденіи Кучума, которому мы посвящаемъ слѣдующую главу этого выпуска, то и подробности основанія Тары мы приведемъ тамъ же.

Нѣсколько раньше Тары тѣмъ же лѣтомъ 1594 г. на Оби полагается основаніе Сургуту, но подробности этого факта и борьбы Русскихъ съ Пѣгой Ордою не входятъ въ задачи нашего изслѣдованія, потому что нѣтъ прямыхъ данныхъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ Чердынскихъ воеводъ. Можно только *предполагать*, что строители Сургута, князь Ѳедоръ Борятинскій и Владиміръ Аничковъ, также не обошлись безъ нѣкотораго содѣйствія Чердынскаго воеводы Сарыча Шестакова, преемника Никифора Троханіотова, такъ какъ

имъ царскій наказъ отъ 19 февраля 1594 г. предписывалъ весною прибыть въ городъ Лозву и, по вскрытіи рѣкъ, слѣдовать далѣе на р. Обь; а въ Лозву нужно было ѣхать чрезъ Чердынь, гдѣ обыкновенно всѣ служилые люди получали необходимое содѣйствіе для дальнѣйшаго слѣдованія въ Сибирь, безъ котораго строителямъ новаго города тѣтъ болѣе трудно было обойтись *). Нѣкоторое участіе Чердыни въ построеніи Сургута можно видѣть изъ наказа 1594 г. о строеніи Тары, даннаго князю Андрею Вас. Елецкому; но какъ исторію основанія Тары мы отлагаемъ до слѣдующей главы, то и объ участіи Пермичей въ построеніи Сургута мы скажемъ подробнѣе тамъ же. А теперь перейдемъ къ изложенію обстоятельствъ, вызвавшихъ основаніе Верхотурья.

Съ основаніемъ Лозвы, Пелыма и Березова прежнее значеніе Чердыни, какъ административнаго и стратегическаго пункта, было нѣсколько ограничено. Но особенно сильный ударъ въ этомъ смыслѣ нанесенъ былъ древнѣйшему городу Перми Великой измѣненіемъ направленія главнаго пути изъ Руси въ Сибирь въ 1595—1597 г.г.—минуя Чердынь, отъ Соликамска чрезъ Уралъ на рѣку Туру, о чемъ подробно мы говорили раньше неоднократно **). Новая *Бабиновская* дорога, значительно сокращавшая прямой путь изъ Руси въ Сибирь, какъ мы знаемъ, побудила правительство основать на Турѣ новый городъ Верхотурье, упразднить старый путь чрезъ Чердынь и вмѣстѣ съ нимъ городъ Лозву, какъ болѣе ненужный въ значеніи административнаго центра на старой дорогѣ. Извѣстно, что новая дорога проведена была, вѣроятно, съ помощью Вогуловъ, по указу Ѳедора Ивановича отъ 1595 г., Соликамскимъ посадскимъ человѣкомъ Артеміемъ

*) Подробности основанія Сургута см. въ спеціальной монографіи профес. Буцинскаго: «Хъ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 года» въ «Запискахъ Императорск. Харьковского университета», вып. II за 1893 годъ и въ отгискахъ.

**) «Пермск. Стар.» I, 42. V, 128—129.

Софоновымъ Бабиновымъ, отъ котораго и получила свое названіе въ народѣ. Правительство же стало называть ее „Новой Сибирской Верхотурской дорогой“*). Пока пролагалась она, городъ Лозва еще пользовался прежнимъ значеніемъ, что ясно видно изъ „росписи хлѣбныхъ запасовъ, соли, пороху и свинца“, посланной при особомъ царскомъ указѣ отъ 30 ноября 1596 г. Лозвинскому воеводѣ Ивану Васильевичу Троханіотову, брату бывшаго Чердынскаго, а потомъ Березовскаго воеводы Никифора Троханіотова**). Этотъ документъ показываетъ, какъ сильно нуждалась Сибирь, въ первое время по ея завоеваніи, въ предметахъ первой необходимости: при отсутствіи въ ней земледѣлія и другихъ видовъ промышленности Россія должна была снабжать свою новую колонію хлѣбомъ, солью и боевыми припасами, столь нужными въ недавно покоренномъ краѣ. Все это требовалось доставлять безъ замедленія, а старый путь изъ Руси былъ далекъ и въ извѣстное время года труднопроходимъ; крайняя нужда въ лучшемъ и кратчайшемъ пути тогда чувствовалась слишкомъ осязательно. Вотъ причина царскаго указа 1595 г. о провѣдываніи новой дороги въ Сибирь, который и былъ исполненъ съ успѣхомъ. Посмотримъ, какъ великъ былъ казенный сибирскій транзитъ въ 1596 году.

Посланнымъ изъ Москвы въ г. Лозву къ воеводѣ Ивану Троханіотову дѣтямъ боярскимъ Михайлу Бородину и Богдану Есипову велѣно было доставить въ Сибирь слѣдующее количество запасовъ на 1596 годъ: 1) *хлѣбныхъ запасовъ*, считая «въ вѣсь всякую четверть въ 5 пудъ, опричь мѣховъ», — съ Перми 2569 четв. муки ржаной, 431 четв. крупъ и столько же четв. толокна; съ Вятки 2397 четв. муки, по 431 ч. крупъ и толокна; съ Устюга Великаго 1713 четв.

*) Она указана въ атласѣ Ремезова 1701 г. Подробности о ней сообщать Буцинскій на стр. 17, по этому атласу.

**) Этотъ документъ, очень важный для экономической исторіи тогдашней Сибири, см. во II томѣ «Русск. Историч. Вибліот.» подъ № 60.

муки и по 215 чет. крупъ и толокна; съ Солей Вычегодскихъ 854 ч. муки и по 108 ч. крупъ и толокна; съ Выми 508 ч. муки и по 72 ч. крупъ и толокна—всего съ 5 городовъ взято въ Сибирь (на одинъ годъ) хлѣбныхъ запасовъ и отвезено на Лозву 8041 четверть (дробныя величины не приводимъ) муки ржаной и по 1258 четв. крупъ и толокна, т. е. около 52785 пудовъ, считая четверть въ 5 пудъ; 2) *соли* послано было исключительно изъ Перми 2000 пудъ; 3) *прочихъ запасовъ* послано изъ Москвы съ сыномъ боярскимъ Климомъ Шокуровымъ: 50 пудъ зелья (пороху), 50 пудъ свинцу, 11 ведеръ вина церковнаго, 28 гривенокъ (фунтовъ) ладону, 36 гривенокъ темьяну, 15 пудъ воску, 14 стопъ бумаги пиціе, 3 постава сукна, 12 половинокъ рословскихъ, 9 черленыхъ, 2 зелены и 1 лазорева: 4) наконецъ *денегъ* послано было 5340 руб. 15 алтынъ. Всѣ эти деньги и разныя „запасы“ на одинъ 1596 г. роспись подробно распредѣляетъ между семью Сибирскими городами: Тобольскомъ, Тюменью, Пелымомъ, Березовымъ, Лозвою, Сургутомъ и Тарю „всякимъ служилымъ людемъ, ружникомъ и оброчникомъ на жалованье“. Въ общей сложности только перевозка этихъ запасовъ достигала 55000 пудовъ. А сколько слѣдовало ясаку изъ Сибири въ Москву ежегодно! Сколько гоняли подводъ по другимъ дѣламъ разные служилые и частныя люди впередъ и обратно! Изъ одной грамоты отъ 11 іюля 1606 г. объ устроеніи яма въ Соликамскѣ мы узнаемъ, что *Пермь* для указанныхъ цѣлей ежегодно должна была ставить *свыше пяти тысячъ обязательныхъ подводъ**). А во что обходилось Перми содержаніе Сибирскихъ служилыхъ людей, видно изъ того, что въ 1611 г. послано было изъ Перми въ Сургутъ по грамотамъ 308 руб. на жалованье имъ**).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что наибольшее количе-

*) См. эту грамоту въ «Актахъ Археогр. Экспед.», т. II, № 54, стр. 123—124.

***) «Акты Историческ.» томъ II, отписка изъ Перми въ Казань подъ № 329, стран. 397.

ство хлѣбныхъ запасовъ и вся соль доставлялась въ Сибирь, въ первые годы по ея завоеваніи, Пермью Великой, какъ ближайшей, сосѣдной областью.

При столь значительномъ по тому времени и при тогдашнихъ перевозочныхъ средствахъ движеніи изъ Руси въ Сибирь и обратно, понятны заботы правительства объ улучшеніи путей сообщенія. Открывшій новый кратчайшій путь въ Сибирь Артемій Бабиновъ получилъ за это милостивую царскую грамоту и землю на рѣкѣ Яйвѣ *), гдѣ потомки Бабинова живутъ и донинѣ, потерявъ впрочемъ жалованныя земли.

Самое основаніе новаго города на Турѣ, на старомъ чудскомъ городищѣ *Неромкуръ*, уже неоднократно и подробно было изложено историками **), почему нѣтъ надобности повторять извѣстное; но оно еще разъ указываетъ роль Чердыни въ построеніи новаго Сибирскаго города, на которую мы и обратимъ вниманіе.

Чердынскимъ воеводою еще съ 1594 года былъ Сарычъ Шестаковъ, преемникъ Троханіотова, а его товарищами по воеводству съ 1597 года упоминаются Василій Петровичъ Головинъ и Иванъ Васильевичъ Воейковъ. На нихъ-то возложено было устройство новой дороги, провѣданной Бабиновымъ, а потомъ и выборъ самаго мѣста для постройки новаго города на р. Турѣ. О томъ и другомъ они своевременно доносили Шестакову въ Чердынь, а тотъ отписывалъ въ Москву. Это ясно видно изъ двухъ грамотъ на имя ихъ, Головина и Воейкова, отъ 12 октября и 15 декабря 7106

*) См. у Миллера гл. V, стран. 331—333 и перепечатку у Шишонко т. I, 116—117.

**) Отъ Миллера въ 1750 году (см. гл. V-ю) до Буцинскаго въ 1889 г. (см. гл. II-ю). Грамоты, сюда относящіяся, см. у того же Миллера, у Шишонко и во II томѣ «Русск. Историч. Вибліотеки». Текущая ниже города въ р. Туру рѣчка доселѣ сохранила названіе *Неромки*, слышанное нами лично въ бытность тамъ. Объ основаніи Верхотурья болѣе подробно мы говорили въ специальной статьѣ: «Верхотурскій кремль и подчиненныя ему крѣпости въ XVII—XVIII в.в.» въ «Пермск. Губ. Вѣд.» 1885 г. № 4, 7—14 и въ оттискахъ.

(1597) года, изъ коихъ первая адресована „въ Пермь Великую, въ Чердынь“, а вторая уже „на Туру, на Верхотурье“ *). На городовое и на острожное дѣло Головину и Воейкову велѣно было взять въ Чердыни у Шестакова 300 рублей, присланныхъ къ нему изъ Москвы, а въ случаѣ недостатка этихъ денегъ еще взять у Шестакова „изъ земскихъ изъ кабатскихъ денегъ 100 рублей“, при чемъ и людей нанимать „посошныхъ пѣшихъ и конныхъ и плотниковъ со всякою посошною плотничною снастью по договору“ велѣно тамъ же, въ Перми Великой. 11 ноября 1597 г. Головинъ и Воейковъ съ этою цѣлью пріѣхали съ р. Туры въ Чердынь, гдѣ встрѣтили крайній недостатокъ въ деньгахъ, потому что люди требовали уплаты денегъ впередъ за три мѣсяца, безъ чего не давали на себя записей (обязательствъ), говоря, что „мѣсто новое и пустое и дальнее, безъ запаса итти не мочно—помереть съ голоду“ (грам. 15 декабря 1597 г.). Поневолѣ строители новаго города замѣшкались въ Чердыни, о чемъ 10 декабря и писали въ Москву оттуда. Но въ Москвѣ не хотѣли знать ихъ затрудненій, требовали скорѣйшаго найма людей подъ угрозою „доправить людей на Сарычѣ и на Пермичахъ со всей Пермской земли тотчасъ“ и велѣли немедленно отправляться съ людьми на Туру, „чтобъ къ веснѣ на Верхотурьѣ городъ и острогъ поставить“, (тамъ же). Тѣмъ временемъ и къ Лозвинскому воеводѣ Ивану Троханіотову и его товарищу Ив. Неѣлову изъ Москвы полетѣло распоряженіе, чтобы „Лозвинскому городу впередъ не быти, а быти разорену.... и стрѣльцовъ съ Лозвы отослати на Верхотурье для городского дѣла и для ихъ строенья“, при чемъ всѣ лѣсные матеріалы съ Лозвы велѣно было сплавить весенней водой въ Целымъ для достройки его укрѣпленій, остававшихся недоделанными вслѣдствіе такой же

*) Русск. Ист. Виб. II, №№ 43 и 44, *Миллеръ*, стр. 335—340. *Шишонко*, I, 130—131.

спѣшности работы въ 1593 г.*). Было-ли все это выполнено такъ скоро, какъ того требовали въ Москвѣ, и началась-ли постройка Верхотурья весною 1598 г.—не извѣстно. Но въ томъ же году В. П. Головинъ называется уже воеводою, а И. В. Воейковъ—головою *Верхотурскимъ*, изъ чего видно, что основаніе городу было положено если не весною, то лѣтомъ**). 4 сентября того же 1598 г. въ Москвѣ состоялось и назначеніе перваго атамана Верхотурскихъ стрѣльцовъ, переселенныхъ сюда изъ Лозвы: таковымъ, согласно челобитья, назначенъ былъ „Тобольскаго города атаманъ казачей Пинай Степановъ“, служившій въ Тобольскѣ уже 12 лѣтъ***). Съ 1598 года всѣ многочисленныя грамоты изъ Москвы пишутся „въ новой городъ на *Верхотурье*“.

Съ основаніемъ Верхотурья, Чердынь неминуемо должна была уступить первенство въ Пермь Великой своему бывшему пригороду Усолю Камскому, чрезъ который направилось теперь все движеніе изъ Руси въ Сибирь и обратно. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается причина учрежденія въ 1613 г. особаго воеводства въ Соли Камской, независимо отъ Чердыни, а затѣмъ и упраздненія самаго Чердынскаго воеводства, вошедшаго въ составъ Соликамскаго. Съ 1636 г. оба эти уѣзда вѣдались опять однимъ воеводою, который жилъ уже въ Соликамскѣ, на новомъ пути въ Сибирь****).

Соотвѣтственно этому, по ту сторону Урала очень важное значеніе получаетъ Верхотурье съ самаго основанія, какъ пограничный городъ, стоявшій на другомъ концѣ Бабинской дороги. Здѣсь возникаетъ главная Сибирская таможня;

*) Изъ отписки Ив. Троханіотова въ Нелымъ отъ 17 января 1598 г., которую см. въ Рус. Истор. Вѣд. подъ № 65, у Миллера стран. 334, у Шишонко, I, 132. См. также Буцинскаго: «Заселеніе Сибири», стр. 163.

**) «Пермс. Лѣт.» Шишонко, I, 133.

***) Грамоту о томъ на Верхотурье (въ «Актахъ Истор.», II, № 3 и у Шишонко, I, 132—133) привезъ самъ Степановъ съ Дружиною Юрьевымъ 29 ноября того же года.

****) «Пермск. Стар.», I, 171—172; вып. II, 46—47, 51, 59 и 231 стр.

черезъ этотъ городъ пошло съ 1598 года все движеніе изъ Сибири въ Русь и обратно. Незадолго предъ тѣмъ основанные Березовъ и Пелымъ удержали за собою только мѣстное административное значеніе въ бывшемъ Югорскомъ краѣ, а Лозва прекратила самое существованіе. Во всей Сибири только одинъ Тобольскъ главенствовалъ надъ Верхотурьемъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ Ремезовъ мѣтко назвалъ Тобольскъ «первымъ *стольнымъ* во всѣхъ городѣхъ» Сибири.

Съ основаніемъ Верхотурья, должны были измѣниться прежнія границы уѣздовъ въ Западной Сибири, указанные нами выше. Новый *Верхотурскій* уѣздъ составился изъ земель, до того времени тянувшихъ по управленію къ Лозвѣ, Пелыму, Тюмени и къ Чердыни. Онъ расположился такимъ образомъ на обоихъ склонахъ Уральскаго хребта. Въ составъ его прежде всего вошелъ бывший Лозвинскій уѣздъ, т. е. верхнее теченіе Лозвы и долина ея притока Ивделя, верхняя и средняя Сосва (южная) до границъ сосѣднихъ Березовскаго и Пелымскаго уѣздовъ. Далѣе къ югу въ составъ новаго уѣзда вошло все обширное верховье р. Туры до ея притока Тагила включительно, отъ устьевъ котораго граница новаго уѣзда поворачивала на юго-западъ, захватывая верхнее теченіе Чусовой и земли къ югу отъ нея до верховьевъ Уфы. До того времени вся р. Тура входила въ составъ Тюменскаго уѣзда. Нѣкоторое время къ Верхотурскому уѣзду относилась и вся полоса земли, лежавшая между Уральскимъ хребтомъ съ одной и восточной границей Перми Великой съ другой стороны. О юго-западной границѣ Сибири въ XVI в. мы уже говорили раньше *) и будемъ говорить еще подробнѣе при дальнѣйшемъ частномъ обзорѣни Верхотурскаго уѣзда.

Всѣ предшественники Верхотурья основаны были преимущественно изъ стратегическихъ цѣлей; этотъ же городъ

*) «Пермск. Стар.» V, 174. О восточной и южной границѣ Перми Великой см. тамъ же, выш. I, стр. 142—143.

возникъ сверхъ того и по соображеніямъ экономическаго характера. Чрезъ два года въ тѣхъ же соображеніяхъ полагається начало новому городу *Туринску* возлѣ бывшей резиденціи татарскаго князя Епанчи. По этому Туринскъ въ просторѣчьи и у русскихъ назывался Епанчею. Впрочемъ существованіе въ Верхотурьѣ и Туринскѣ укрѣпленій доказываетъ, что стратегическія цѣли и тутъ не упускались изъ вида въ то тревожное время. Миллеръ объяснялъ основаніе Туринска тѣмъ, „чтобъ между Верхотурьемъ и Тюменью на половинѣ дороги имѣть поселеніе ямщиковъ, дабы Вогуличи и Татары впредь ставкою подводъ не были отягчены“ (стр. 353). И здѣсь, какъ въ другихъ городахъ, сначала возникъ *острогъ*, а потомъ уже *городъ*. „Ямщикамъ, яко главнымъ жителямъ, поясняетъ Миллеръ, для которыхъ сей городъ заводить начали, отведено было сперва мѣсто подъ ихъ дворы внутри острога. А недолго потомъ позволено имъ было, по ихъ прошенію, селиться за городомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде князецъ Епанча жительство имѣлъ, которое и понынѣ Ямскою слободою тамъ называется. По изустнымъ повѣстямъ тамошнихъ Татаръ, Епанча уступилъ Россіянамъ свое жилище добровольно, а самъ послѣ того сталъ жить въ деревнѣ, называемой *Ембаевы юрты*, стоящей отъ Туринска въ 14 верстахъ внизъ по р. Турѣ, чего для и жители той деревни Епанчиними потомками себя называютъ“*). Замѣтимъ, что и въ Верхотурьѣ была такая же Ямская слобода, названіе которой сохранилось тамъ донинѣ. Миллеръ напечаталъ впервые открытую имъ обширную грамоту и „роспись“ къ ней отъ 30 января 1600 г. на имя Тюменскаго головы Ѳедора Осиповича Янова о строеніи яма и острога въ Епанчинѣ юртѣ**). Изъ нея мы узнаемъ подробности объ основа-

*) Миллеръ по изд. 1750 г., гл. V, стр. 361.

***) Миллеръ по изд. 1750 г., гл. V, 354—358; *Шиншонко*, I, 144—146. У того же Миллера на стр. 359—360 см. еще другую грамоту отъ 12 октября 1600 г. о строеніи въ Туринскѣ церкви Бориса и Глѣба. Въ «Русс. Ист. Биб.» объ грамоты и росписи напечатаны вмѣстѣ во II томѣ подъ № 47.

ни Туринска, повторенныя послѣ Миллера послѣдующими историками Сибири. Въ другой грамотѣ отъ 28 января 1601 г. „въ Сибирь, въ новой острогъ на Туру, головѣ Ѳедору Осиповичу Янову“, который и былъ строителемъ Туринска, приведена челобитная Туринскихъ ямщиковъ о выводѣ ихъ изъ острога за городъ, за тѣснотою, гдѣ они ссылаются на Верхотурье: „имъ де въ острогѣ тѣснота великая, и огородовъ де розвестъ негдѣ, а на *Верхотурь де... вельно ямская слобода и ямской дворъ устроить за городомъ*“*). Царь Борисъ далъ позволеніе переселить ямщиковъ за городъ, если „ямскіе дворы будетъ изъ острогу вынести мочно, и отъ приходу воинскихъ людей никакіе порухи въ томъ не чаятъ... и *Татаромъ Епанчъ съ товарищи въ томъ тѣсноты жъ не будетъ*“ Изъ этихъ словъ ясно, что при основаніи Туринска имѣлись въ виду, кромѣ другихъ, и стратегическія цѣли.

Намъ важно имѣть въ виду границы новаго *Туринскаго* уѣзда, какъ сосѣдняго съ Верхотурскимъ, о которомъ придется говорить много. Границы Туринскаго уѣзда установились такимъ образомъ. До основанія новаго города эти земли раздѣлены были между Тюменью и Верхотурьемъ, а до основанія Верхотурья тянули всѣ къ Тюмени. Изъ грамоты отъ 20 сентября 1600 г. царя Бориса „въ Сибирь, въ новой острогъ Епанчинъ юртъ, головѣ Ѳед. Осип. Янову“**) можно видѣть, что въ началѣ 1600 г. Тюменскій воевода кн. Лука Осиповичъ Щербатой присылалъ въ этотъ юртъ служилаго татарина Кудаша Чегматова съ приказаніемъ выслать въ Тюмень Епанчинскихъ Татаръ, строившихъ тогда острогъ, для посылки къ соляному озеру. „И тѣ Татарове и Остяки, которые юрты Япанчинскаго сбора, били намъ челомъ, что у нихъ лошади въ подводахъ разпропали, и они

*) См. грамоту у Миллера на стр. 361.

**) См. ее у Миллера на стр. 362—363.

пѣши, а въ Тюмень имъ ходити для всякихъ дѣлъ далече“. Царь Борисъ повелѣлъ Янову: „которые юрты подошли нынѣ къ Епанчину острогу—и ты бы тѣ юрты приписалъ и вѣдалъ къ Епанчину острогу и на нынѣшней на 109 годъ нашъ ясакъ собралъ-бы если съ тѣхъ юртовъ ты“; Лукѣ же Щербатову „впередъ тѣхъ юртовъ къ Тюмени вѣдати есьмя не велѣли“. Въ грамотѣ отъ 20 сентября 1600 г. перечислены эти юрты: вверхъ по Турѣ отъ Епанчинскаго юрта—юртъ Кузуковъ, Ургунчинъ, Илясовъ, Багаринъ, Калмаковъ и Санкинъ, внизъ по Турѣ—ю. Енбайковъ и на р. Ницѣ—ю. Нагаевъ *). Этими предѣлами тогда и ограничивался Туринскій уѣздъ. На сѣверѣ крайній пунктъ его былъ ю. Санканъ немного пониже устья р. Тагила (нынѣ село Санкино Туринск. округа въ 73 верстахъ отъ Туринска); на югѣ—юртъ Енбайковъ, въ 5 верстахъ отъ острога внизъ по Турѣ (нынѣ не существуетъ)**); на западѣ крайнимъ пунктомъ уѣзда былъ самый значительный юртъ Нагаевъ, по словамъ грамоты, стоявшій „на Ницѣ противъ острогу во днищѣ“; на востокѣ границею уѣзда служила р. Тура. Въ слѣдующихъ по времени актахъ граница между Верхотурскимъ и Туринскимъ уѣздами указывается та же: „отъ усть Тагила—по Тагилу и по Турѣ рѣкѣ (вверхъ)—къ городу къ Верхотурью“, а южнѣе устья Тагила—къ Туринску“***). При этомъ въ слѣдующей грамотѣ отъ 12 марта 1601 г. на имя Туринскаго головы Федора Фофанова упомянуты, кромѣ вышеназванныхъ, слѣдующіе юрты Туринскаго округа: Аькана, Неболсинъ, Берсегеневъ, Девлетевъ и Кабачинъ— „и всего пашенныхъ 12 юртовъ да 2 юрта не пашенныхъ,

*) Ясачныхъ показано: въ ю. Нагаевѣ 30 челов., Енбайковѣ 2, Епанчинѣ 8, Санкинѣ тоже 8, въ остальныхъ по 6 чел.

**) Нынѣ существуютъ, правда, Енбаевскіе юрты въ 16 верстахъ отъ Тюмени, при озерѣ Мальцыкъ. «Списки насел. мѣстъ Тобольск. губ.», стр. 137.

***) См. двѣ отписки Туринскаго головы Фофанова конца 1601 г. на Верхотурье, къ воеводѣ кн. Львову и головѣ Новосильцеву, у Миллера, гл. V, 365—368 и у Шишонко, I, 154—155.

и обоего 14 юртовъ“ *). Съ другой стороны при второй отпискѣ Туринскаго головы Фофанова отъ конца 1601 г. къ Верхотурскому воеводѣ кн. Львову и головѣ Новосильцеву (у Миллера стр. 367—8) приложенная къ ней „роспись“ поименовываеъ слѣдующіе юрты, отошедшіе къ Верхотурскому уѣзду: Нелуковъ 10 человѣкъ, Туразивовъ 1 челов., Талячинъ 5 чел., Курманчинъ 4 чел., Хабарчинъ 2 челов., Ямашовъ 5 челов. и Неромкары 10 чел. Итого отходило къ Верхотурью 7 юртовъ и въ нихъ 37 чел. Вогуловъ. Прочіе юрты ниже устья р. Тагила отошли къ Туринску. Отводъ упомянутыхъ 7 вогульскихъ юртъ къ Верхотурью былъ закрѣпленъ царскою грамотою отъ 9 апрѣля 1601 г. Верхотурскому воеводѣ князю Матвѣю Даниловичу Львову да головѣ Угрюму Вас. Новосильцову**). Грамоты отъ 12 марта и 9 апрѣля 1601 г. и обѣ отписки головы Фофанова съ „росписью“ при нихъ составляютъ древнѣйшіе поземельные акты Верхотурья, сохраненіемъ которыхъ мы обязаны Миллеру.

Итакъ мы видѣли, что новый городъ Туринскъ, премникъ древней татарской Епанчи, строился подъ наблюдениемъ Тюменскаго головы Янова, который и сдѣлался первымъ его правителемъ. Чердынъ не имѣла уже никакого отношенія къ этому дѣлу. Прежняя роль ея по постройкѣ первыхъ русскихъ городовъ въ Сибири кончилась вмѣстѣ съ XVI вѣкомъ. Съ первыхъ же годовъ слѣдующаго вѣка первенствующее значеніе въ Перми Великой перешло къ Соликамску, а въ Сибири—къ Тобольску и Верхотурью.

*) См. эту грамоту у Миллера на стр. 363—364.

**) У Миллера эту грамоту см. въ гл. V, стр. 365.

II.

Послѣдняя борьба Кучума съ Русскими и его гибель.

Побѣдивъ князя Аблегирима, разоривъ его вогульское княжество и обезпечивъ русское владычество здѣсь построеніемъ новаго города Пелыма въ 1593 г., Московское правительство обратило главное вниманіе на своего стараго, самаго неугомоннаго врага—царя Кучума. Чтобы покончить съ нимъ, оно снарядило новый походъ въ Сибирь, прибѣгнувъ къ тѣмъ же стратегическимъ приѣмамъ, которые столь удачно были примѣнены въ борьбѣ съ Аблегиримомъ. Только количество военной силы теперь требовалось гораздо большее. Провѣдавъ сначала мѣсто, гдѣ скрывался Кучумъ, правительство рѣшило построить около того мѣста новое русское укрѣпленіе, снабдить его боевыми припасами и достаточно сильнымъ гарнизономъ и, опираясь на этотъ базисъ, повести противъ Кучума наступательную войну.

Исполнителемъ этого плана въ Москвѣ былъ избранъ князь *Андрей Васильевичъ Елецкій*, въ помощь которому были даны письменные головы Борисъ *Доможировъ* и Григорій *Елизаровъ*. Дознавъ отъ сибирскимъ служилыхъ людей, что Кучумъ скрывался гдѣ-то за Иртышемъ, между его притоками Тарой и Омью, правительство дало кн. А. В. Елецкому въ 1594 г. подробный наказъ относительно снаряженія людей въ далекій походъ, пути слѣдованія въ Сибирь, построенія новаго укрѣпленія на р. Тарѣ и образа дѣйствій противъ Кучума. По содержанію и самой формѣ этотъ наказъ 1594 г. очень близко напоминаетъ таковой же наказъ, данный въ 1592 г. князю П. И. Горчакову при отправленіи его изъ Москвы противъ кн. Аблегирима. Нѣтъ сомнѣнія, что при составленіи того и другого наказа работали одни и тѣже лица. Какъ и раньше сдѣлано, укажемъ сначала

предписанія наказа 1594 г. *), а затѣмъ посмотримъ, въ какой мѣрѣ оказалось возможнымъ исполнить его на дѣлѣ.

Главная цѣль похода ясно выражена въ первыхъ же словахъ наказа: «итти города ставить въ верхъ Иртыша на Тарь рѣку, гдѣ бы государю было впредь прибыльняе, чтобъ пашню завести, и *Кучума царя истыснить*, и соль устроить, и *тѣхъ бы волостей привести къ государю*» (стр. 261). Въ Москвѣ кн. Елецкому кромѣ головъ Доможирова и Елизарова былъ данъ въ помощь еще подьячій Крянкѣ Ивановъ и 147 пѣшихъ стрѣльцовъ подъ командою двухъ сотниковъ: Самойла Лодыженскаго (100 чел.) и Замятни Шокурова (47 чел.). „А хлѣбное жалованье дано стрѣльцамъ на 102 годъ сполна, да имъ же дано въ дорогу по четверти сухарей человѣку, а деньги имъ даны большое жалованье“. Замѣтимъ, что въ 1592 г. изъ Москвы былъ посланъ въ Пермь Великую для приѣма воинскихъ людей отъ Строгановыхъ Михаилъ Шокуровъ, едва-ли не братъ или вообще близкій родственникъ Замятни, а Клементій Шокуровъ, какъ мы видѣли, упоминается въ поручныхъ стрѣлечкихъ записяхъ Чердынской и Пелымской 1593 и 1594 годовъ. Точно также въ 1580—1581 годахъ Чердынскимъ воеводою былъ кн. Иванъ Михайловичъ Елецкій. Надо полагать, что обѣ фамиліи были еще раньше знакомы съ Сибирью, почему выборъ воинскихъ людей для предстоящаго сибирскаго похода и палъ опять на нихъ. „Наряду“ съ Москвы взято было слѣдующее количество: „пицаль въ 4 гривенки (фунта) ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзныхъ; пицаль девятипудная 2 гривенки ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзн.; 100 пицалей затинныхъ, а къ нимъ по 200 ядеръ свинча-

*) Накакъ князю А. В. Елецкому напечатанъ въ «Описаніи Сибирск. Царства» Миллера, по изд. 1750 глава IV, при § 53, стр. 261—268. Вслѣдъ за нимъ помѣщена «роспись, что послано съ воеводою со кн. Ондрѣемъ Вас. съ Елецкимъ съ товарищи *въ новый городъ на Тарь рѣку* ратныхъ людей и хлѣбныхъ запасовъ, и наряду, и зелья, и свинцу»—тамъ же, стр. 268—272. Послѣ наказа и предъ росписью помѣщена еще особая «память» кн. Елецкому.

тыхъ—итого 20000 ядеръ; 10 пищалей долгихъ, къ нимъ по 200 яд. свинчатыхъ—итого 2000 ядеръ; сверхъ того дано по 50 пудъ зелья (пороху) и свинцу.

Войску надлежало выступить въ походъ весною 1594 г. и до Казани слѣдовать нераздѣльно. Здѣсь, судя по „рописи“, къ нему имѣлъ присоединиться голова Мамлѣй Мальцевъ съ отрядомъ Казанскихъ и Свіяжскихъ Татаръ въ 100 человекъ конныхъ и Башкирцевъ въ 300 чел. конныхъ же подъ командою четырехъ дѣтей боярскихъ— „ко сту по человекъ“. Кромѣ того къ отряду имѣлъ присоединиться въ Казани сотникъ стрѣлецкій съ 50-ю конными стрѣльцами, да изъ Лаишева подъ команду того же сотника постунало 50 человекъ съ пищалями „полоненниковъ“, да изъ Тетюшъ имѣлъ присоединиться другой сотникъ Никита Кэрякинъ съ 50-ю челов. казаковъ Польскихъ (по Миллеру, плѣнныхъ Поляковъ, см. стр. 266). „И всего, говоритъ роспись, изъ понизовыхъ городовъ велѣно послать съ Мамлѣемъ 554 человекъ конныхъ“ (тамъ же 269). Конечно, въ Казань посланъ былъ своевременно особый указъ о наборѣ людей.

Въ Казани войско имѣло раздѣлиться на два отряда: Московскій отрядъ со всѣми запасами и нарядомъ, во главѣ съ княземъ Елецкимъ, имѣлъ слѣдовать водою въ Пермь, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить Чердынскій воевода Сарычъ Шестаковъ. Отрядъ же Казанскаго „прибора“ имѣлъ слѣдовать на Уфу такъ называемою „Казанскою дорогою“, о чемъ въ Уфу заблаговременно было, конечно, писано изъ Москвы. Можетъ быть, упомянутые 300 Башкирцевъ и были взяты въ отрядъ на пути его чрезъ Башкирію. Изъ Уфы войско подъ начальствомъ головы Мамлѣя Мальцева должно было слѣдовать *по земѣ* (степью) такъ наз. „Сибирскою дорогою“, чрезъ Башкирскія волости, за Уралъ до Катайскаго селенія Башкиръ и далѣе по направленію къ Тюмени *).

*) Башкирскія волости по Казанской дорогѣ числомъ 12 и по Сибирской числомъ 7 указаны въ «Топографіи Оренбургской» Рычкова, ч. 1-я, стран. 96—99, СПб. 1762 г.

Сѣверный отрядъ кн. А. В. Елецкаго, слѣдовавшій въ Сибирь старою Московскою дорогою, въ Чердыни долженъ былъ получить новыя подрѣзленія провіантомъ и людьми. Съ Перми велѣно было взять по четверти муки каждому человѣку, пришедшему съ княземъ Елецкимъ, да еще до прихода его взято было съ Перми 30 плотниковъ въ Тобольскъ и 20—въ Сургутъ; изъ этихъ-то Пермичъ плотниковъ 20 человѣкъ теперь велѣно было послать съ княземъ Ѳедоромъ Борятинскимъ для строенія новаго города на Тарѣ, послать имъ съ Пермской земли хлѣба по три четверти муки человеку, по осминѣ крупъ, по осьминѣ толокна, да по три рубля денегъ на человека. Строгановыхъ на этотъ разъ правительство не обязывало поставкой людей и судовъ. По крайней мѣрѣ грамоты о томъ не сохранилось.

Упомянутое князя Ѳедора Борятинскаго требуетъ нѣкотораго отступленія отъ послѣдовательнаго изложенія дальнѣйшаго плана похода. Князь Ѳодоръ Петровичъ Борятинскій, сынъ тогдашняго Тюменскаго воеводы Петра Андреевича Борятинскаго, также упоминаемаго въ приложенной къ наказу памяти, незадолго предъ тѣмъ положилъ основаніе Сургуту на р. Оби, согласно царскаго указа отъ 19 февраля 1594 г., въ сотрудничествѣ съ Владиміромъ Аничковымъ *). Для этой постройки имъ и даны были, очевидно, 20 плотниковъ изъ Перми, которыхъ по наказу 1594 г. о строеніи Тары велѣно было кн. Ѳодору Борятинскому отвезти изъ Сургута на Тару на новую городовую постройку, а Пермской землѣ велѣно было снабдить ихъ хлѣбомъ и деньгами. Тудаже прибыли потомъ изъ Тобольска 30 плотниковъ—Пермичъ. Отсюда слѣдуетъ, что мнѣніе проф. Буцинскаго о

*) Проф. Буцинскій: «Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 года». Харьковъ 1893 г., стран. 2 отиска. *Миллеръ* въ «Опис. Сиб. Цар.» 1750 г. гл. IV, § 50 и *Газенвинкель* въ «Перечнѣ Сибирскихъ воеводъ», Тобольскъ. 1892 г. стр. 21, неправильно опредѣляютъ годъ основанія Сургута и имена строителей—князя Волконскаго и Львова.

началѣ Сургута совершенно правильно, а мы можемъ прибавить къ сказанному имъ, что городъ Тара возникъ уже во второй половинѣ лѣта 1594 г., послѣ построения Сургута. Наказъ о строеніи Сургута отъ 19 февраля 1594 г., неизвѣстный Миллеру, теперь найденъ проф. Будинскимъ въ дѣлахъ Сибирскаго Приказа (кн. № 1, л. 24). Въ чемъ еще выразилось участіе Чердыни въ построеніи Сургута—намъ не извѣстно.

Продолжаемъ прерванный разговоръ о походѣ кн. А. В. Елецкаго. Изъ Чердыни Московскій отрядъ имѣлъ отправиться въ г. Лозву, гдѣ воеводою все еще былъ строитель этого города Иванъ Нагой. Наказъ предписывалъ взять у него 10 пудовъ желѣза для городского дѣла, „а хлѣба въ тотъ въ новой городъ взять съ Лозвы изъ Устюжскаго запаса 500 четвертей муки ржаной, 100 четв. крупъ, 100 четв. толокна, да денегъ на запасъ послано 200 рублей... Да съ Лозвы взять въ расходъ разнымъ людямъ 70 пудъ соли“. (См. „роспись“ при наказѣ).

Подвигаясь далѣе по старой Московской дорогѣ, отрядъ кн. Елецкаго имѣлъ вступить въ р. Тавду и остановиться сначала въ Пелымѣ для новыхъ подкрѣпленій, а именно для принятія девятипудовой пищали и 200 ядеръ для нея отъ воеводы Петра Горчакова*). Далѣе по Тавдѣ къ кн. А. В. Елецкому имѣли присоединиться: въ с. Таборахъ 30 человекъ конныхъ Татаръ и въ с. Копукахъ 20 таковыхъ же, а всего 50 человекъ конныхъ. Затѣмъ весь отрядъ кн. Елецкаго вступалъ въ рѣку Тоболь, которымъ и долженъ былъ слѣдовать до г. Тобольска.

Тѣмъ временемъ южный отрядъ головы Мамлѣя Мальцева, достигнувъ Тюмени, имѣлъ получить здѣсь подкрѣпле-

*) Во всѣ попутные города изъ Москвы, конечно, заранѣе посланы были надлежащія распоряженія. Въ Пелымѣ воеводу П. И. Горчакова вскорѣ же имѣлъ смѣнить Василій Толстой, который и упоминается уже въ приложенной къ наказу «памяти».

ніе конными людьми въ числѣ 90 человекъ, въ томъ числѣ: конныхъ Татаръ 50 челов., Литвы, Черкасъ и казаковъ 40 чел. Въ Тюмени воеводою былъ тогда князь Петръ Адреевичъ Барятинскій, отецъ строителя Сургута, и съ нимъ Богданъ Воейковъ*). Имъ предписано было дать головѣ Мамлѣю Мальцеву съ города 40 челов. казаковъ, *Литвы* и *Черкасъ*, вѣроятно, плѣнныхъ („полоненниковъ“) и 50 челов. Татаръ *Тюменскихъ*, *Верхотурскихъ*, т. е. съ верхней Туры, тогда принадлежавшей еще къ вѣдомству Тюмени, *Ондръевскихъ*, т. е. Татаръ съ озера Андреевскаго, что въ 30 верстахъ отъ Тюмени по дорогѣ въ Ялуторовскъ, *Бѣлаковцовъ*, жившихъ по рѣчкѣ Бѣлаковкѣ, притоку р. Пышмы, по самой Пышмѣ и по Исети, и наконецъ *Зырянцовъ*—нѣкоторый татарскій родъ въ Тюменскомъ уѣздѣ, впоследствии отложившійся отъ русскаго подданства и ушедшій въ степи, на верховья Тобола**). Изъ Тюмени Мамлѣй Мальцевъ со всѣми людьми долженъ былъ слѣдовать р.р. Турою и Тоболомъ до Тобольска, гдѣ всѣ собранные воинскіе люди сѣвернаго и южнаго отрядовъ должны были соединиться въ одно войско, общая численность котораго теперь простиралась уже почти до 900 человекъ. Деньги 700 руб. на жалованье служилымъ людямъ были посланы изъ Москвы чрезъ Чердынь съ Никитою Ушаковымъ и съ Уланомъ Оничковымъ при особой „памяти“, которая и напечатана у Миллера вслѣдъ за наказомъ.

Тобольскимъ воеводою въ то время состоялъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Лобановъ-Ростовскій и товарищемъ его—князь Михайло Поздреватой. Имъ повелѣвалось дать въ помощь князю А. В. Елецкому 200 человекъ съ головою Своиномъ Рупосовымъ съ товарищи. Въ наказѣ объ этомъ сказано такъ: „Изъ Тобольскаго города взять въ тотъ въ

*) *Газетинкель*: «Перечень Сибирск. воеводъ», стран. 14. Въ «памяти» при наказѣ Тюменскимъ воеводою названъ тотъ же кн. Петръ Барятинскій.

**) Приведенныя объясненія заимствую у *Миллера*, гдѣ ихъ см. въ гл. IV, § 55, на стр. 273, по изданію 1750 г.

новой городъ (на Тару) выбравъ Литвы и Черкасъ и казаковъ добрыхъ конныхъ съ вогненнымъ боемъ съ головою съ Своитиномъ съ Рупосовымъ 100 человекъ. Да Татаръ Тобольскихъ служивыхъ конныхъ съ атаманомъ съ Черкасомъ со Александровымъ да съ головами съ Байсеитомъ да съ Байбахтою 100 человекъ“, коимъ велѣно быть вмѣстѣ съ Рупосовымъ.

На дальнѣйшемъ пути изъ Тобольска къ р. Тарѣ велѣно было „къ тому собрати изъ волостей, которые волости пошли въ верхъ по Иртышу, Татаръ ясажныхъ добрыхъ конныхъ 300 человекъ, а быть имъ съ головами съ *Татарскими*. Да пѣшихъ Татаръ прибрать въ судѣхъ съ пищальми 150 человекъ, а суды подъ нихъ со княземъ Ондрѣемъ готовы, а быть имъ вмѣстѣ съ стрѣльцы съ Московскими“. Наказъ перечисляетъ по порядку и самыя верхъ-иртышскія волости, населенныя Татарами, именно: *Курдакъ*, а въ ней князь Канкулъ, отъ Тобольска по Иртышу ѣзды 4 дня; волость *Саргачъ*, а въ ней князь Янбышъ, отъ Тобол. 8 дн.*); вол. *Отузъ* выше на 2 дня, *Таву* еще на 2 дня**); *Урусъ*, *Токузъ****), *Супра* (при Миллерѣ была деревня этого имени) и наконецъ *Аялы* или просто *Ялы*, въ ней было 2 есаула Мамыкъ и Ямдильдей и 500 человекъ жителей****). Въ этой-то послѣдней волости и предполагалось строить государевъ городъ. Слѣдовательно, всѣ эти волости лежали по Иртышу ниже г. Тары. „А отъ Тобольска до той волости въ судѣхъ въ верхъ Иртышомъ ходу 15 днищъ. А *ясакъ* съ *тѣхъ волостей* даютъ *половину на государя*, а *другую половину* даютъ *царю Кучуму*, блюдяся отъ него войны. И только въ той въ волостѣ во *Ялахъ* станеть городъ государевъ, ино съ *тѣхъ волостей ясакъ* *учнетъ сходиться* *сполна*.

*) Въ лѣтописи Ремезова ст. 99 упомянуты юрты Шамшинскіе, Рянчинскіе, Салынскіе и *Каурдакъ*, а далѣе—*Саргачикъ* Ишимскій.

***) *Тава*—правый притокъ Ишима.

****) Этыхъ названій при Миллерѣ уже не было, см. стр. 279, § 65.

*****) *Аевъ*—лѣвый притокъ Иртыша, ниже Тары.

И Мерзлой городокъ, и Турашъ, и Кирпики, и Мало-городцы*), что нынѣ за Нагайскимъ мурзою за Алеемъ, (сыномъ Кучума) всё будутъ въ тому гореду; а мочно изъ того изъ новаго города полемъ и въ Пльгую Орду по ясакъ посылать, и посылки конныя и пѣшія для войны. А которыя будетъ волости и городки есть; а тутю не написаны—и про тѣхъ сыскать, и съ нихъ ясакъ имати, а объ нихъ объ новыхъ къ государю отписать“, говорилъ наказъ въ заключеніе „росписи“. Приведенныя слова ясно рисуютъ намъ цѣль построенія новаго города и положеніе дѣлъ на верхнемъ Иртышѣ въ 1594 г., а послѣдняя оговорка показываетъ, какъ мало извѣстны были русскимъ верховья Иртыша.

Итакъ, для борьбы съ Кучумомъ подъ русскимъ знаменемъ кн. А. В. Елецкаго собрались слѣдующія силы:

Изъ Москвы дано 147 стрѣльцовъ пѣшихъ.

„ Казани и другихъ „понизовыхъ“ городовъ, а также изъ Башкиріи 554 чел. конныхъ.

„ Перми Великой 50 чел. плотниковъ.

Съ Тавды (Пелыма, Таборовъ и Кошуковъ) взято людей 50 конныхъ.

Изъ Тюмени 90 чел. конныхъ.

„ Тобольска. 200 чел. конныхъ.

Съ верхъ-иртышскихъ татарскихъ волостей взято людей конныхъ 300 и пѣшихъ 150 человекъ, а всего 450 челюв.

Всего . 1541 чел.—конныхъ 1194, пѣшихъ 347.

Такого войска подъ Московскимъ знаменемъ въ Сибири не собиралось давно, съ самаго начала XVI вѣка, когда Рускіе ходили окончательно покорять Югру.

*) *Миллеръ* уже не засталъ всѣхъ этихъ названій. См. гл. IV, § 66, стр. 279. У *Ремезова* въ статьѣ 102 упоминается «волость жителей Туралинцы», повидимому, этотъ самый Турашъ. Ср. «Пермс. Стар.» V, 199. По одной дозорной книгѣ 1620 г., Турашъ лежалъ по Иртышу выше города Тары. См. «Заселеніе Сибири» *Буцинскаго*. Харьковъ. 1889 г., стр. 13.

Таковъ былъ общій планъ похода противъ Кучума, какъ онъ выясняется изъ наказа 1594 г. князю Андрею Вас. Елецкому съ товарищами. Всѣ русскіе города Сибири, кромѣ отдаленнаго Березова, такъ или иначе должны были помогать кн. Елецкому въ выполненіи возложенной на него трудной задачи „истѣснить царя Кучума“. Остановимъ теперь вниманіе на тѣхъ пунктахъ наказа, въ которыхъ указывался образъ дѣйствій по отношенію собственно къ Кучуму. Въ общемъ князю А. В. Елецкому предлагалось держаться той же политики, которая привела въ 1593 г. князя П. И. Горчакова къ полной побѣдѣ надъ Пелымскимъ княземъ Аблегиримомъ.

„Которые ясашные живутъ по Иртышу въ верхъ, говорить наказъ,—и приказывать къ нимъ государево жалованное слово, что государь ихъ пожалуетъ и въ ясаѣхъ полегчить. А нынѣ бѣ они собрався, всѣ шли конные и пѣшіе съ государевыми воеводами на Кучума царя и на государевыхъ измѣнниковъ, на мурзу (т. е. Алея, сына Кучумова) и на Нагайскихъ людей..... А идучи изъ Тобольскаго, воеводѣ кн. Ондрѣю съ товарищи про Кучума царя и про Нагайскихъ людей *провѣдывать, идѣ нынѣ Кучумъ царь, . . .* а коннымъ людямъ потому жѣ итти бережно.... А пришедъ на Тарь рѣку, присмотрѣть подъ городъ мѣсто, гдѣ пригоже быти новому городу..... А приказывать, что *государь Кучума царя хочетъ держать подъ своею царскою рукою и сына къ нему Облагаира и людей....* впредь пожаловавъ своимъ царскимъ жалованьемъ, *отпуститъ*“*). Далѣе въ наказѣ читаемъ: „А какъ надъ Кучумомъ царемъ *промыслятъ и его извоютъ, и ихъ истѣснятъ*—и воеводѣ князю Ондрѣю съ товарищи отпустить Казанскихъ и Свіяжскихъ (людей) и Башкирцовъ назадъ къ себѣ, чтобъ имъ поспѣть къ себѣ до заморозовъ

*) Облаганромъ названъ сынъ Кучума, царевичъ *Абдул-Хаиръ*, взятый въ плѣнъ Русскими въ 1591 году.

и съ голоду бѣ имѣ не помереть.... А будетъ только нынѣ лѣтомъ надъ Кучумомъ царемъ промыслъ не имѣть, и помыслить надъ нимъ будетъ не мочно, *а правды въ немъ впередъ не почаятъ: и воеводу кн. Ондрѣю Васильевичу промышлять надъ ними съ Тобольскими и съ Тюменскими людьми, зимнимъ путемъ, идѣ учнетъ кочевать, чтобъ надъ ними промыслить и его извовать*“.

Таковы были предписанія наказа относительно образа дѣйствій въ Сибири. Многія выраженія наказа съ буквальной точностью взяты изъ предыдущаго наказа 1592 г. князю Горчакову, словно оба документа составлены были сначала однимъ лицомъ, что и могло быть въ дѣйствительности. Существенное различіе въ предписаніяхъ обоихъ наказовъ состояло въ томъ, что князя Аблегирима велѣно было *извести*, т. е. умертвить, а Кучума—только *истѣснить, извовать*, оставя въ живыхъ.

Теперь прослѣдимъ злосчастную жизнь царя Кучума, полную глубокаго трагизма, съ того момента, на которомъ мы его оставили*). Съ тѣхъ поръ, какъ въ Искерѣ утвердился князь Сейдякъ Бекбулатовичъ, изгнавшій оттуда Кучума сына Алея осенью 1585 г. (по нашему счисленію), Кучумъ не бывалъ болѣе въ своей павшей столицѣ на берегу Иртыша. Онъ ушелъ въ верхъ-иртышскія татарскія волости и затѣмъ въ Барабинскую степь, гдѣ имя его еще пользовалось громкой извѣстностью и значительнымъ довѣріемъ, особенно послѣ смерти Ермака. Съ основаніемъ Тобольска воеводою Чулковымъ въ 1587 г., и врагъ Кучумовъ Сейдякъ не могъ устоять противъ русской силы: онъ дерзнулъ было приступить къ русской крѣпости, но тѣмъ сгубилъ себя, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Правда, и русскіе потеряли въ этой битвѣ послѣдняго волжскаго атамана изъ славной дружины Ермака, Матвѣя Мещеряка, но на ихъ сторонѣ

*) См. «Пермс. Стар.» вып. V, стр. 204.

все таки оказалась полная побѣда *). Съ того времени нѣкогда грозный Искеръ, казавшійся неприступной твердыней, навсегда былъ заброшенъ, постепенно забытъ и только съ прошлаго вѣка сдѣлался предметомъ ученой любознательности.

Ближайшія къ Tobольску татарскія волости уже платили ясакъ русскому царю, за что неоднократно подвергались разоренію отъ Кучума, который появлялся иногда въ самыхъ окрестностяхъ Tobольска. Однако всё его попытки снова утвердиться въ этихъ мѣстахъ встрѣчали постоянный отпоръ со стороны тобольскихъ воеводъ. Царь Theодоръ Ioанновичъ пытался склонить безпокойнаго сосѣда къ мирнымъ условіямъ, но безуспѣшно. Гордый Кучумъ царскія условія считалъ для себя унижительными и не принималъ ихъ. Подъ 1590 годомъ, въ статьѣ 127, мы читаемъ у *Ремезова*: „Кучюмъ же въ побѣгахъ мѣсто жительству своему, скитаясь, нигдѣ не обрѣте и всегда покушаяся на Tobолескъ и за страхомъ не смѣяше. Единою же собра вся вои своя 98 году іюля въ 23 день, итти хотяще подъ Tobолескъ, и подошедъ подъ полки агаренъ своихъ тайно (т. е. Татаръ, платившихъ дань русскимъ), и побивъ своихъ, и побѣже въ степь скоро, и паки покушаяся на градъ; и нападе на него страхъ и трепеть и ужасъ, и не поиде на градъ, и побивъ агаренскіе веси Каурдацкую и Салинску“**). Это обстоятельство заставило втораго Tobольскаго воеводу князя Владимира Васильевича *Колыцова - Мосальскаго* 8 іюля слѣдующаго 1591 г. выступить въ походъ противъ Кучума съ значительнымъ войскомъ. „И изшедша его на степи близъ Ишима рѣки на озерѣ Чиликулѣ и нападоша нанъ августа въ 1 день, и побиха многихъ, и взяша полону сына его (разу-

*) О смерти Матвѣя Мещеряка говоритъ Строгановская лѣтопись, по изданію 1821 г. на стр. 65.

**) Эти волости впервые подчинились русской власти со времени похода Ермака въ 1584 г. См. «Пермс. Стар.» V, 199.

мѣется Абдуль-Хаиръ) и 2 жены....“ *). Послѣ этого пораженія Кучумъ пошелъ на нѣкоторыя уступки, а именно соглашался быть «подъ царскою высокою рукою» Московскаго государя, но при условіи, если послѣдній возвратитъ ему Сибирскій юртъ и плѣннаго Маметкула **). Но Ѳеодоръ Іоанновичъ не отвѣчалъ ему на его «грамоту» три года. Въ это самое время царь снарядилъ походъ противъ него подъ начальствомъ князя Андрея Вас. Елецкаго, желая покончить съ нимъ не мирнымъ договоромъ, а оружіемъ. Какъ увидимъ ниже, борьба съ Кучумомъ и на этотъ разъ оказалась однако не легкою по самой отдаленности его отъ Москвы и малому знакомству русскихъ съ степями Средней Азіи, гдѣ у Кучума оказалось еще много союзниковъ. Война съ Кучумомъ затянулась поэтому на нѣсколько лѣтъ. Чувствуя его силу и непокорность, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ 1597 г. посылаетъ наконецъ отвѣтную грамоту Кучуму, гдѣ между прочимъ пишетъ: „А которые Нагайскіе улусы, Тайбугинъ юртъ, кочевали вмѣстѣ съ тобою,—отъ тебя отстали... На твои прежніе грубости и неправды не смотря,..... буде похочешъ быть при нашихъ царскихъ очехъ, мы тебя пожалуемъ, устроити велимъ города и волостями и денежнымъ жалованьемъ, также какъ и иныхъ царей и царевичей жалуемъ, которые служатъ нашему царскому величеству; а будетъ, бывъ у насъ, похочешъ быти на прежнемъ своемъ юртѣ въ Сибири, и мы тебя пожалуемъ на Сибирскій юртъ“ ***). Кучумъ не желалъ однако ѣхать въ Москву съ поклономъ и попрежнему держалъ себя съ достоинствомъ независимаго царя, даже не смотря на письмо къ нему изъ Москвы сына Абдуль-Хаира, восхвалявшаго великодушіе Московскаго госу-

*) Лѣтописи Ремезова статья 128.

**) Соловьевъ: «Исторія Россіи», VII, стр. 372. Москва 1857 г.

***) «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», томъ II, № 68, стр. 132 и др., гдѣ см. всѣ подробности переписки Ѳеодора Іоанновича съ царемъ Кучумомъ, которыя мы не считаемъ умѣстными здѣсь.

даря *). Кучумъ твердо стоялъ на своихъ прежнихъ условіяхъ, требуя возвращенія Сибирскаго юрта и берега Иртыша и напоминая, что онъ никогда не думалъ добровольно отдавать Сибири въ чужія руки, которая взята у него силою оружія. Онъ стойко и непоколебимо, съ истинно царскимъ достоинствомъ, держалъ себя предъ Москвою, не смотря на всѣ свои неудачи!

~~~~~

Возвращаемся къ походу князя Андрея Елецкаго противъ Кучума. Наказъ 1594 г. былъ выполненъ лѣтомъ того года только наполовину: городъ Тара въ Ялынской волости дѣйствительно былъ основанъ, но Кучумъ не былъ „извоенъ“. Приволье средне-азіатскихъ степей представляло для него хорошее убѣжище. Предъ основаніемъ русскаго города въ Аялахъ, которые до того времени были за Нагайскимъ мурзою Алеемъ, сыномъ Кучума, послѣдній отступилъ со своимъ станомъ вверхъ Иртыша, за рѣку Омь, приказавъ сыну Алею также до прихода русскаго войска перевести часть подвластныхъ ему Ялынскихъ Татаръ на Черный островъ Иртыша (ниже устья р. Оми), гдѣ и устроить городокъ **). Такимъ образомъ въ 1594 г. Кучумъ былъ нѣсколько стѣсненъ, но далеко еще не побѣжденъ; если русскіе „промышляли“ его, то и онъ не дремалъ, а зорко слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями. Необходимыя о нихъ „вѣсти“ онъ легко могъ получать отъ прииртышскихъ Татаръ, среди которыхъ еще много было его сторонниковъ.

Наступила зима 1594—5 г.г. Тарскій строитель и первый воевода князь Андрей Елецкій, согласно наказа, продолжалъ тѣснить Кучума. Посланный вверхъ Иртыша съ тобольскими казаками и юртовскими Татарами да съ целымъ-

---

*) Это любопытное письмо сына къ отцу см. тамъ же, стран. 131 и др., подъ № 67.

**) О томъ, что и какъ исполнено было изъ предписаній наказа, мы знаемъ изъ царскихъ грамотъ 1595 въ Тюмень и Тару, напечатанныхъ у *Миллера*.

скими и тюменскими казаками и Литвою, въ числѣ 90 человекъ, нѣкто Григорій Ясырь подробно разузнаеть все движенія Кучума и его замыслы, доносить о всемъ кн. Елецкому, а этотъ даетъ Ясырю надлежащія инструкціи относительно образа дѣйствій. Отъ него-то, Гриши Ясыря, воевода узнаеть, что посланные люди „ходили отъ новаго города отъ Тары до Малогородскіе волости до Вузюковы деревни, что на Вузюковѣ озерѣ, а тамъ-де все Татарове на томъ озерѣ ловятъ рыбу на Кучума царя—и тутъ ихъ побили и поимали и тѣхъ Татаръ роспрашивали и на пыткѣ пытали, а они въ роспросѣ и на пыткѣ сказали. . . . онъ-де, Кучумъ царь, прислалъ къ нимъ сына своего царевича Алѣя и велѣлъ ихъ всехъ собирати къ себѣ, и Алѣй-де собралъ Оялынскіе волости Татаръ 150 чел. и отвелъ ихъ въ верхъ по Иртышу на Черной островъ. и тутъ-де они на Черномъ острову поставили городокъ и въ томъ городѣ зимуютъ. . . . А царь-де Кучумъ стоитъ въ верхъ по Иртышу межъ дву рѣчокъ, одернувся телгами, за Омь рѣкою пѣшимъ ходомъ днища съ два, а ходу-де до Кучума отъ ихъ городка отъ Чернова острова. . . . днищъ съ 5 или съ шесть“ *). Получивъ столь подробныя свѣдѣнія, кн. Андрей Елецкій отправляетъ подъ *Черный городокъ* Бориса Доможирова, а съ нимъ двухъ стрѣлцкихъ сотниковъ и 100 стрѣльцовъ, тобольской Литвы 60 чел., казаковъ 40 чел., да Пелымскаго атамана казачья Казарина Волнина съ 10-ю казаками, „да *Пермичь ратныхъ людей 15 чел.*“, да тобольскихъ юртовскихъ Татаръ 7 чел. и т. д., а всего войска 276 человекъ **). Оно взяло приступомъ и сожгло Черный городокъ, захвативъ въ плѣнъ есауловъ Мамыка и Сеиткула, двухъ князьковъ, 60 челов. Ялынцева съ женами и дѣтьми, кучумовыхъ людей 20 челов.

*) Изъ царской грамоты отъ 26 іюня 1595 г. второму Тарскому воеводѣ князю Федору Борисовичу Елецкому. которую см. у *Миллера* гл. IV, § 74, стр. 288—290.

***) Изъ той же грамоты. Когда именно прибыли въ Тару *Пермичь ратные люди*—не извѣстно. Для насъ важенъ самый фактъ ихъ участія.

Плѣнные сказали, что въ городѣхъ ихъ было 200 чел., но изъ нихъ убѣжали къ Кучуму 90. Доможировъ послать за ними въ погоню 70 чел., которые „тѣхъ Кучумовыхъ Татаръ побили всѣхъ на голову“, да живыми взяли 6 челов. Всѣ плѣнные отправлены были въ Тару, откуда и отписано было въ Москву съ подробнымъ изложеніемъ дѣла. Царь наградилъ за это Тарскихъ служилыхъ людей и кн. Андрея Елецкаго деньгами, которыя при особой росписи, за приписью дьяка Василя Щелкалова, и повезъ въ Тару атаманъ Казаринъ Волнинъ, посланный въ Москву съ отпискою изъ Сибири*). Все это было зимою 1594—95 г.г.

Весною кн. А. В. Елецкій предпринялъ другой походъ въ области Кучума. 17 марта 1595 г. онъ отправилъ голову Своитина Рупосова съ вновь прибывшимъ изъ Тобольска отрядомъ въ 239 человекъ „съ огненнымъ боемъ“ и своего голову Доможирова съ 244 челов., а всего 483 человекъ „воевати волостей—волость *Чангулу*, вол. *Лулуй*, вол. *Любу*, вол. *Келему*, вол. *Турашъ*, вол. *Бараму*, в. *Кирпичи*, а тѣ волости царю не служили и ясаку не давали. . . . а были волости за Алѣемъ, Мурзою Нагайскимъ“ **). Въ то время Кучумъ стоялъ въ верху Иртыша, въ 20 дняхъ ходу отъ г. Тары. Не доходя волости Тураша, русское войско подошло къ городку *Тунусу*, „что стоялъ въ волости Чангулѣ“. Изъ 40 чел. гарнизона было убито 17 челов., „а лучшаго человекъ Чангулу мурзу взяли жива“ и съ нимъ еще 5 плѣнниковъ. „И городокъ (Тунусъ) сожгли и Чангулу волость и Любу волость воевали, а въ нихъ были ясачные многіе люди“***). Слѣдующія по Иртышу татарскія волости Турашъ и

*) Оттуда же.

***) Изъ второй грамоты тому же Тарскому воеводѣ кн. Федору Борис. Елецкому отъ 16 августа 1595 г., которая помѣщена у *Миллера* въ гл. IV, при § 80, стр. 294—297.

****) Изъ той же грамоты отъ 16 августа 1595 г. По дозорной книгѣ 1620 г., *Тунусомъ* называлась и самая волость рядомъ съ Турашемъ, ближе къ г. Тарѣ. См. *Буцинскаго*, стр. 13. О географич. названіяхъ см. догадки *Миллера*, въ гл. IV, § 83, стр. 298.

Кирпичики добровольно сдались русскому войску. Такъ какъ вскорѣ насталь „послѣдній путь и пришло роскалье великое, итти на лыжахъ стало не мочно“, то русское войско изъ волости Любы, иначе Любарь, вернулось въ Тару, чѣмъ и окончился этотъ походъ. 29 іюля 1595 г. князь Андрей Вас. Елецкій отписаль о походѣ въ Москву съ казакомъ Поспѣлкомъ Голубинымъ. Царь опять наградилъ участниковъ похода и написалъ 16 августа ту самую грамоту въ Тару, на имя уже новаго воеводы, изъ которой мы узнаемъ о второмъ походѣ людей кн. Андрея Елецкаго противъ Кучума. Послѣднiго русскіе и на этотъ разъ „не дошли“. Однако походы ихъ вверхъ Иртыша (отъ Тары) имѣли свою долю значенія: они постепенно ослабляли силы Кучума. Это вполне подтверждаетъ и грамота отъ 26 іюля 1595 г. на имя Тюменскаго воеводы князя Григорія Ив. Долгорукаго*), изъ которой мы узнаемъ, что въ томъ же году „выѣхалъ въ новый городъ на Тару Чинъ-мурза съ женою, да съ нимъ Маметкула царевича мать, а людей съ нимъ 38 человекъ“.

Вскорѣ послѣ второй отписки въ Москву о походѣ на Кучума кн. Андрей Вас. Елецкій былъ отозванъ въ Москву, и на его мѣсто назначенъ второй Тарскій воевода князь *Федоръ Борисовичъ Елецкій*, очевидно, изъ той же фамиліи или рода. Вновь назначенному воеводѣ данъ былъ особый наказъ 1595 г., въ которомъ подробно указанъ порядокъ передачи воеводства изъ рукъ въ руки (чѣмъ онъ любопытенъ) и дана инструкція касательно образа дѣйствій противъ Кучума, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ**). Изъ приложенной къ наказу второй „памяти“ выясняется причина отставки перваго Тарскаго воеводы, не смотря на

*) У Миллера гл. IV, § 86, стр. 300—302.

***) Второй наказъ 1595 г. князю Федору Борисовичу Елецкому и при немъ двѣ «памяти» напечатанъ у Миллера, по изданію 1750 г., въ главѣ IV, при § 69, на стр. 281—285.

всѣ его заслуги, а также и общая причина столь частой перемѣны воеводъ въ тѣ времена. Лихоимство и привычка наживаться на счетъ казны даже во время войны часто вынуждали правительство къ этимъ перемѣнамъ. Новому Тарскому воеводѣ предписано было ѣхать въ Сибирь чрезъ Чердынъ на Лозву, гдѣ взять у воеводы Ивана Вас. Троханіотова хлѣбные запасы и деньги для Тары „по росписи“. Воеводѣ въ товарищи данъ былъ письменной голова Василій Михайловъ Хлоповъ, переведенный изъ Тюмени. *Въ Лозвѣ велѣно было князю зимовать*, а весною 1596 г. плыть въ судахъ въ Пелымъ съ провожатыми Лозвинскими стрѣльцами, которыхъ и отпустить съ Пельма обратно—доказательство небезопасности тогдашнихъ путешествій съ запасами и деньгами. Изъ Пельма въ сопровожденіи стрѣльцовъ велѣно было слѣдовать до Тобольска, гдѣ опять отпустить пелымскихъ провожатыхъ и т. д. плыть до г. Тары. Тобольскимъ воеводою тогда былъ уже князь Меркурій Александровичъ *Щербатой* и съ нимъ кн. Михайло *Волконскій* да голова Мих. Пивовъ (1596—97 г.г.). По прибытіи въ Тару, новому воеводѣ предписывалось «взяти у воеводы у кн. Андрея Елецкаго государевъ подлинной наказъ и государевы грамоты, . . . и городовые и острожные ключи, и городъ и острогъ. . . и нарядъ, и въ казнѣ зелье и свинець и всякіе пушечные запасы и въ житницахъ хлѣбъ, и книги приходъ и расходъ деньгамъ и хлѣбу, и служивыхъ людей по росписи, пересмотря на лицо, и ясащныя книги». Значить, отозванному воеводѣ Андрею Елецкому еще долго пришлось ожидать въ Тарѣ своего преемника. Ожиданіе было вдвойнѣ непріятно для него, потому что приходилось жить подъ опасеніемъ новыхъ набѣговъ Кучума и въ то же время опасаться посланной изъ Москвы вмѣстѣ съ новымъ наказомъ памяти, гдѣ новому Тарскому воеводѣ кн. Ѳедору Елецкому особо повелѣвалось въ новомъ городѣ на Тарѣ „пересмотритъ и переискати у князя у Андрея у Елецкаго, и у головъ у

Бориса у Доможирова и у Григорья у Елизарова, и у сотниковъ стрѣльцкихъ, и у всѣхъ дѣтей боярскихъ на ихъ дворѣхъ Сибирскіе всякіе рухляди приносныхъ и поминочныхъ и купленыхъ соболей, и лисицъ черныхъ, и шубъ собольихъ и бѣлыхъ и горносталяхъ, и бобровъ; а у ково что найдутъ— и тое все рухляди переписать имяно... и запечатать своими печатями, да и... про то сыскать накрѣпко, у ково они какіе рухляди купили, и сколько они мяжкіе рухляди изъ Сибири, живучи, посылали къ себѣ, и съ кѣмъ именемъ, и зъ которомъ году послали; да тотъ весь сыскъ и тое все рухлядь и той рухляди роспись прислали къ госуд. царю и вел. кн. Федору Ивановичю всея Руси къ Москвѣ, съ государевою казною вмѣстѣ, въ Посольской и въ четвертной приказъ къ дьяку Василью Щелкалову“. Вотъ чего нужно было бояться прежнему воеводѣ г. Тары со всѣми его служилыми людьми, власть имѣвшими! Оказывается, что всѣ они поголовно подозрѣвались въ злоупотребленіяхъ. Быть можетъ, это было тогда общимъ правиломъ при перемѣнѣ воеводы, но и въ такомъ случаѣ, снимая съ перваго начальства Тары обвиненіе, мы спросимъ невольно: на что указываетъ этотъ странный обычай повальнаго обыска служилыхъ людей, истекающій изъ подозрѣнія къ личности служилаго человѣка и потому оскорбительный для него? Повидимому, лихоимство и нажива были слишкомъ обыкновеннымъ явленіемъ въ тѣ давнія времена, такъ какъ не препятствовали назначенію въ преемники уличенныхъ—лицъ той же фамиліи или рода, примѣры чего указали мы выше. Обращаясь къ частному случаю, имѣвшему мѣсто въ Тарѣ въ 1596 г., мы невольно останавливаемъ вниманіе на фактѣ посланки особой „памяти“ именно въ этомъ случаѣ *). Столь опредѣленно, ясно выраженныхъ мотивовъ „сыска“ мы не встрѣчаемъ въ другихъ

*) Судя потому, что кн. А. В. Елецкій былъ отозванъ въ Москву, а голова Доможировъ переведенъ на ту же должность въ Тюмень вмѣсто Хлопова—одинъ на мѣсто другого, надо заключить, что Борисъ Доможировъ оказался «чистъ».

документахъ того времени. Намъ думается, что по тѣмъ же причинамъ былъ отозванъ въ Москву въ 1581 г. Великопермскій воевода кн. Иванъ Мих. Елецкій въ самое тяжелое для Перми время, какого она никогда не переживала *). Близкое знакомство съ обстоятельствами того времени въ бывшей Перми Великой рѣшительно убѣждаетъ насъ, что Чердынскій воевода князь Иванъ Мих. Елецкій сильно блаволилъ Строгановымъ, поддерживая ихъ во всѣхъ нелегальныхъ предпріятіяхъ, за что и былъ смѣщенъ въ самое трудное для ввѣреннаго ему воеводства время. Полную нравственную противоположность ему составлялъ его товарищъ по воеводству Василій Пелепелицынъ, открывшій тогда царю всю правду относительно положенія дѣлъ и поэтому оставленный на мѣстѣ въ качествѣ единоличнаго правителя разореннаго Пермскаго края**).

Мы позволили себѣ сдѣлать это довольно длинное отступленіе въ томъ соображеніи, что приведенные факты изъ внутренней исторіи двухъ сосѣднихъ областей рельефно характеризуютъ нравственное состояніе правящаго слоя населенія въ описываемое время, а это нужно имѣть въ виду. Перейдемъ теперь къ обзорѣ дѣятельности второго Тарскаго воеводы, князя Оедора Елецкаго.

По отношенію къ Кучуму новый наказъ предписывалъ ему „провѣдывать, ... чтобъ безвѣстно Кучумъ царь собрався, пришедъ, надъ городомъ (Тарою) какія порухи не учинилъ и волостей государевыхъ ясачныхъ, пришедъ, не извоевалъ“ (Миллеръ, стр. 284). Относительно сбора ясака замѣчено: „а имати въ ясакъ на государя соболи и бобры добрые и лисицы черныя, а худыхъ соболей и лисицъ и бобровъ въ ясакъ

*) См. «Пермс. Стар.» V, 148—151 и особенно 153-ю.

***) Всѣ возраженія г. *Адрианова*, сдѣланныя въ рецензіи на нашъ V-й выпускъ или, собственно, на его послѣднюю главу, по ихъ голословности, мы считаемъ несостоятельными. См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за іюль 1894 г.

не имати“ (стр. 283). Въ первой памяти, приложенной къ наказу, сообщалось, что, по челобитью бывшаго Тобольскаго воеводы кн. Лобанова-Ростовскаго, еще до выѣзда новаго Тарскаго воеводы изъ Москвы, для новой войны съ Кучумомъ послано отъ царя на Лозву съ Прокофѣемъ да съ Иваномъ Воейковыми 5 скорострѣльныхъ пищалей, а къ нимъ по 600 ядеръ желѣзныхъ со всякими пищальными запасами, каковой нарядъ кн. Ѳеодору Елецкому и велѣно было взять съ собою при проѣздѣ чрезъ г. Лозву.

Новому Тарскому воеводѣ кн. Ѳеодору Елецкому предстояло продолжать дѣло, начатое его предмѣстникомъ. Въ 1596 г. онъ снарядилъ противъ Кучума третій походъ, пославъ 467 чел. служилыхъ людей, которые настигли самого Кучума въ волости Тунусъ, разбили его войско, но Кучума не взяли: онъ спасся бѣгствомъ *). Русскіе не бывали здѣсь болѣе года, и этимъ временемъ, очевидно, воспользовался Кучумъ, чтобы возобновить сожженный русскими городокъ Тунусъ и снова утвердиться въ немъ; но это ни къ чему не повело, такъ какъ въ 1596 г. Тунусъ опять былъ взятъ русскими, а Кучумъ долженъ былъ бѣжать. Князь Ѳеодоръ Елецкій отписалъ о походѣ въ Москву, получилъ похвальную царскую грамоту и по полтинѣ на каждого участника похода въ качествѣ царской награды. О другихъ предпріятіяхъ этого воеводы противъ Кучума свѣдѣній не имѣется. Во всякомъ случаѣ главная цѣль—извовать Кучума и имъ не была достигнута. Изъ послѣдней переписки царя Ѳеодора Іоанновича съ Кучумомъ въ 1597 г. мы видѣли, съ какимъ достоинствомъ онъ отвѣчалъ на всѣ предложенія Бѣлаго царя: не смотря на постоянныя неудачи въ борьбѣ съ Русскими, горделивое сознаніе собственнаго происхожденія и политической независимости не покидало его, и онъ продолжалъ бороться съ Русскими до послѣдней физической возможности.

*) Буцинскій: «Заселеніе Сибири», стр. 145. Авторъ ссылается на «похвальную грамоту» царя Ѳеодора 1596 г. въ дѣлахъ Сибирскаго Приказа, въ Московск. Архивѣ Минист. Юстиціи.

Въ 1597 г. въ Тарѣ опять перемѣнилось все высшее начальство. Въмѣсто отозваннаго кн. Ѳедора Елецкаго сюда назначено было два воеводы: Степанъ Васильевичъ *Кузьминъ-Короваевъ* и Андрей Матвѣевичъ *Воейковъ* и письменный голова Петръ Васильевичъ Пивовъ, едва-ли не братъ Тобольскаго головы.*) Въ Тобольскѣ князей Щербатаго и Волконскаго (уволненныхъ одновременно съ кн. Ѳедоромъ Елецкимъ) замѣнили Ефимъ Варѣоломеевичъ *Бутурлинъ* и Василій Григорьевичъ *Колединскій* при головахъ Лазаревъ и Раевскомъ**). Назначеніе въ Тару и Тобольскъ по два воеводы обусловлено было военнымъ временемъ: одинъ предназначался для постоянной охраны города, другой для походовъ противъ Кучума. Только этимъ воеводамъ, какъ сейчасъ увидимъ, удалось наконецъ сломить непокорнаго дотолѣ сосѣда и довести его до гибели, не взявъ однако и на этотъ разъ самого Кучума.

Послѣдняя неудача подъ Тунусомъ заставила Кучума откочевать на „калмыцкій рубежъ“ и скитаться гдѣ-то между р.р. Иртышемъ и Ишимомъ, на пространствѣ отъ нынѣшняго Тюкалинска до Омска. „*Ту живя Кучумъ со своими до лѣта 105 (1597 г.), скитаяся*“, говоритъ лѣтописецъ Ремезовъ***). Дѣйствительно, въ 1597 г. мы видимъ Кучума уже на верхней Оби. Очевидно, онъ поднялся туда по р. Оми, правому притоку Иртыша, или, вѣрнѣе, перекочевалъ по ея берегу до р. Оби, такъ какъ Иртышъ не представлялъ болѣе для

*) *Газенвинкель*: «Перечень Сибирс. воеводъ», стр. 23.

**) Въ «Разрядной книгѣ» 1559 г. начала XVII в. сказано, что всѣ эти Тарскіе и Тобольскіе 4 воеводы посланы были царемъ изъ Москвы въ Сибирь «того жъ 7105 (1597) году Ѳевраля въ ... день». См. «Сибирскій Сборникъ», часть I. М. 1844 г., стр. 131.

***) Ремезовъ въ ст. 129 говоритъ объ этомъ довольно неясно: «Кучюмъ же отъ убіенія съ прочими не со многими Татары и съ женами и съ дѣтьми... утече на калмытской рубежъ Ишима и Норь-Ишима, Оши и Камышлова, между озеръ въ крѣпкіе мѣста». Въ его «Чертежной книгѣ Сибири» 1701 г., листъ 22, мы находимъ эти географическія названія, по которымъ трудно однако опредѣлить мѣсто кочевья Кучума. Р. Ома впадаетъ слѣва въ Иртышъ пониже г. Тары. Въ атласѣ Академіи Наукъ 1745 г., листъ 15, р. Камышловка показана лѣвымъ притокомъ Иртыша, впадающимъ пониже устьевъ р. Оми. Кучюмъ скитался между верховьями этихъ рѣкъ.

него безопаснаго убѣжища. Дальнѣйшія свѣдѣнія о его движеніяхъ мы находимъ въ отпискахъ новыхъ Тарскихъ воеводъ Кузмина и Воейкова 1598 г.*). Въ августѣ этого года они снарядили изъ Тары четвертый походъ противъ Кучума, предварительно развѣдавъ, что онъ находится уже на р. Оби, опять близъ калмыцкаго рубежа, ткнувшагося отъ р. Ишима чрезъ Иртышъ на верховья Оби. Кузминъ остался для охраны и распорядженій въ Тарѣ, а Воейковъ отправился на Обь искать Кучума. Онъ выступилъ изъ Тары 4 августа 1598 съ войскомъ изъ 397 чел., въ числѣ которыхъ было 3 сына боярскихъ, 2 атамана, по 100 чел. изъ Тары и изъ Тобольска и т. д. Широкой волокъ между Иртышемъ и Обью войско прошло въ теченіе 16 дней. Чрезъ бывшихъ въ этомъ войскѣ юртовскихъ и волостныхъ ясачныхъ Татаръ и чрезъ лазутчиковъ Воейковъ положительно узналъ, что царь Кучумъ съ Черныхъ водъ на Иртышѣ перешелъ съ своимъ семействомъ и со многими своими людьми на Обь рѣку, гдѣ 20 августа и „*смолъ Кучума выше Чатъ три днища*, на лугу на Ормени отъ Калмаковъ въ дву днищахъ“**). Еще на разсвѣтѣ этого историческаго дня завязалась послѣдняя битва Русскихъ съ Кучумомъ, у котораго было до 500 человекъ войска. Бой длился почти до вечера („до полдень“) съ страшнымъ ожесточеніемъ противниковъ, пока побѣда не склонилась на сторону Русскихъ. Захвативъ въ плѣнъ почти всю семью Кучума и его „знать“, предавъ огню все, чего нельзя было взять, Воейковъ велѣлъ побить и перевѣшать до 50 плѣнныхъ Татаръ, да во время битвы ихъ пало до полутораста

*) Напечатаны въ извлеченіяхъ у Карамзина, т. XI, примѣч. 30 и 31.

***) См. «Акты Историч.» II. № 1: «Отписка царю воеводы Андрея Воейкова» отъ 4 сентября 1598 г. При трудности перехода волокомъ, Воейковъ принужденъ былъ оставить обозъ позади себя на озерѣ Икъ и идти спѣша, днемъ и ночью. Вѣроятно, войско шло берегомъ рѣки Тары, съ верховьевъ которой Кучумъ хотѣлъ идти на городъ Тару, какъ обнаружилось при разспросахъ Татаръ. На Оби, выше волости Чатской, Кучумъ посѣялъ хлѣбъ и, повидимому, не ожидалъ Русскихъ. Карамзинъ, XI, 23.

чел. и потонуло въ рѣкѣ Оби до ста человѣкъ. Но главнаго виновника этого сраженія Русскіе опять упустили изъ рукъ: съ двумя вѣрными слугами Кучумъ уплылъ на лодкѣ внизъ по Оби къ Чатамъ, куда успѣлъ укрыться и сынъ его, Алей, съ немногими Татарами. Воейковъ спохватился, когда было уже поздно. Послѣ онъ самъ плавалъ на плотахъ внизъ по Оби, искалъ Кучума въ лѣсахъ за Обью и не могъ найти. Для дальнѣйшихъ поисковъ онъ послалъ съ нѣсколькими вооруженными людьми знатнаго плѣнника Сеита Туль-Мамета, а самъ съ богатымъ полономъ отправился обратно въ г. Тару. Сеитъ нашель Кучума за Обью, но тотъ не принялъ никакихъ предложеній. Поименная роспись плѣнныхъ *) показываетъ, что въ сраженіи 20 августа 1598 г. Русскими взято: 8 царицъ, Кучумовыхъ женъ, 5 царевичей, 8 царевенъ-дочерей, далѣе—жена, сынъ и дочь царевича Алея и жена царевича Каная; кромѣ того взяты дочь и двѣ внучки князя Ногайскаго, 5 князей и мурзъ Кучума. Изъ знати убиты были въ сраженіи: братъ Кучума Илитень, 3 царевича, тесть Кучума и съ нимъ еще 4 „аталыка“ и болѣе 20 князей. „Божіимъ милосердіемъ и Твоимъ Государевымъ Царевымъ и Вел. Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи счастіемъ Кучума царя побилъ и дѣтей его царевичевъ и царицъ его поималъ“, съ радостію доносилъ государю побѣдитель Андрей Матвѣевичъ Воейковъ изъ Тары. Легко представить себѣ радость и всѣхъ его сподвижниковъ по оружію! Подробности дальнѣйшаго препровожденія семейства Кучумова и его знати въ Москву и торжественной встрѣчи ихъ въ бѣлокаменной столицѣ не входятъ въ задачи нашего изслѣдованія. Не станемъ также приводить дословно всѣхъ рѣчей Кучума въ отвѣтъ на предложеніе ему Сеита стать подъ высокую руку Бѣлаго царя, а послѣдуемъ далѣе за сибирскими событіями**).

*) См. ее въ «Актахъ Историческихъ», томъ II, № 2.

***) Отписки изъ Тары по этому дѣлу см. тамъ же подъ №№ 1, 4 и 5. Рѣчи Кучума къ Сеиту заключаются въ отпискѣ, напечатанной еще у *Карамзина*, т. XI,

Итакъ, поражение Кучума на берегахъ Оби все еще не избавило Россіи отъ ея стараго врага, но этотъ врагъ сталъ уже не опасенъ. Лишившись семьи, всѣхъ своихъ лучшихъ людей, почти всего своего войска, злосчастный старецъ остался при одномъ царскомъ титулѣ, безъ силы и прежняго значенія среди магометанъ. Тяжело было доживать ему свой бурный вѣкъ! Горько оплакивая потерю семьи и особенно любимѣйшаго сына Асманака, на котораго онъ возлагалъ всѣ свои надежды въ будущемъ, глухой и слѣпой царь остался непреклоненъ предъ Московскимъ государемъ, обладателемъ его семьи. Отпуская въ Тару нѣкогда вѣрнаго ему Сеита съ извѣстнымъ отвѣтомъ: „за саблю мнѣ къ государю ѣхать не по што!“ — Кучумъ при немъ же въ теченіе двухъ дней похоронилъ трупы своихъ сподвижниковъ на бранномъ полѣ около Чать, а съ остальными своими людьми скорѣ ушелъ обратно на верховья Иртыша. Какъ ни велики были потери Кучума въ послѣдней битвѣ съ Русскими, однако, по показанію Сеита, послѣ сраженія вокругъ побѣжденнаго опять собралось 130 человекъ и три его сына, въ числѣ которыхъ былъ Алей. О послѣднихъ дняхъ несчастнаго царя нѣкоторыя свѣдѣнія записаны въ лѣтописи *Ремезова* (статьи 132 и 133). Здѣсь говорится, что Кучумъ „не со многими людьми убѣжа въ Камскую землю къ вершинамъ Иртышу рѣки на озеро Зайсанъ-Норъ и похитилъ у Калмыковъ коней многое число.... Калмыки же гнаша во слѣдъ его и достигоша на *Норъ-Ишимъ* у озера *Кургальчина*, и ту многихъ Кучюмлянъ побиша... *Кучюмъ же убѣжа* отъ нихъ съ малыми людьми въ *Ногайскую землю*“*). Затѣмъ въ статьѣ 133 *Ремезовъ* пишетъ: „Егда же

примѣч. 31-е (изъ отписки отъ сентября 1598 г.). Подробности вѣзда въ Москву плѣнныхъ по особой «росписи» см. тамъ же, примѣчаніе 34. Роспись Карамзинъ нашелъ въ Моск. Архивѣ Коллегіи Иностр. Дѣлъ.

*) Подъ *Камской землей* я разумѣю здѣсь долину рѣки Камы, праваго притока Оми. Кучумъ возвращался съ Оби уже извѣстной ему дорогой. Отъ устья Оми онъ могъ повернуть влѣво къ верховьямъ Иртыша и Норъ-Зайсану. Когда Калмыки враждебно отнеслись къ нему, онъ пошелъ назадъ, опять на знакомыя ему мѣста—въ Пермская Старина. Вып. VI.

Кучюмъ со своими къ Нагаямъ явился, тогда *Нагаи ни мало потерпѣша убиша Кучюма* и прочее имѣніе отъяша и людей его похолопиша“. Смерть Кучума отъ Нагаевъ подтверждаетъ и другая лѣтопись—Есиповская. Едва-ли поэтому можно сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія. Нѣтъ основанія отвергать и прочія свидѣтельства Ремезова о скитаніяхъ Кучума, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, какъ почти во всѣхъ подробностяхъ этого лѣтописца, касающихся Сибири, за исключеніемъ годовой хронологіи большинства событій. Но вопросъ въ томъ, среди какихъ Нагаевъ погибъ Кучумъ? Мы многократно видѣли, что Сибирскіе Татары въ самыхъ достовѣрныхъ источникахъ называются Ногаями; но видѣли также, что Кучумовъ сынъ Алей былъ въ близкомъ родствѣ съ Ногаями Приуральскими: въ 1577 г. онъ женился изъ политическихъ соображеній отца на дочери Ногайскаго князя Тинъ-Ахмата*). Съ того времени всѣ предположенія Кучума разбились о суровую дѣйствительность. Но вытѣсняемый отовсюду изъ Сибири, не зная, гдѣ склонить свою сѣдую голову, преслѣдуемый на каждомъ шагу несчастіями, потерявъ всякій авторитетъ въ глазахъ мусульманскаго населенія Сибири и всякое довѣріе къ себѣ, онъ могъ вспомнить въ эту тяжелую годину своей многострадальной жизни о прежнемъ союзѣ и даже родствѣ съ Нагаями Приуральскими—тѣмъ болѣе, что Алей былъ еще живъ и, можетъ быть, сопровождалъ отца въ несчастіяхъ, среди бѣдъ и лишеній. Очень естественно, что Ногайскій улусъ, лежавшій къ западу отъ Урала, былъ лично знакомымъ ему мѣстомъ, какъ знакома была и та *Ногайская дорога* изъ Сибири въ Башкирію, по которой онъ теперь слѣдовалъ, и о которой нами упомянуто въ началѣ этой главы. По этой дорогѣ хаживалъ когда-то и Маметкуль,

---

Ишимскую степь, гдѣ Русскіе еще не успѣли утвердиться. Озеро *Курьяльчинъ* въ верховьяхъ р. Ишима показано Ремезовымъ и въ атласѣ Сибири (листъ 22). Встрѣтя и здѣсь враждебное къ себѣ отношеніе, Кучумъ устремился далѣе на западъ къ Ногаямъ.

*) «Пермс. Старина», V, 133.

дѣлая набѣги на р. Чусовую и вотчины Строгановыхъ въ Пермь Великой, южнѣе которой пролегла она*). А о знакомствѣ съ нею Алея, женатаго на Ногайской царевнѣ, попавшей въ 1599 г. въ Москву въ качествѣ плѣнницы, и подавно не можетъ быть сомнѣнія. Но гдѣ именно встрѣтилъ Кучумъ смерть, дошелъ-ли онъ до предѣловъ нынѣшней Пермской губерніи и далѣе, или не успѣлъ перешагнуть Уралъ—этотъ вопросъ, при наличномъ запасѣ свѣдѣній изъ письменныхъ источниковъ, пока совершенно неразрѣшимъ. Народная память по сю и по ту сторону Урала также не сохранила намъ ничего о смерти царя-нищаго, покончившаго жизнь въ полной безвѣстности и забвеніи. Есть впрочемъ одинъ актъ, въ которомъ сообщается, будто въ сраженіи на р. Оби былъ убитъ и самъ Кучумъ. Это—разказъ Тюменскаго казака Гаврила Иванова въ челобитной царю о своей 42-хъ-лѣтней службѣ отечеству при пяти царяхъ—отъ Грознаго до Михаила Ѳеодоровича включительно—службѣ, за которую онъ просилъ послѣдняго въ 1623 г. пожаловать его, Иванова, въ атаманы Тюменскихъ конныхъ казаковъ, чѣмъ и былъ пожалованъ по грамотѣ отъ 23 февраля того же 1623 г. на имя тогдашняго Тюменскаго воеводы кн. Мих. Борис. Долгорукова**). Но почтенный ветеранъ, живая лѣтопись самой знаменательной эпохи въ исторіи Сибири, или перепуталъ въ памяти событія, или употребилъ слова „и его, Кучума, погромили и убили“ въ иносказательномъ смыслѣ. Иначе этотъ фактъ непременно былъ-бы доведенъ до свѣдѣнія царя въ свое время, и имя Кучума стояло-бы на первомъ мѣстѣ въ поименныхъ спискахъ убитыхъ въ оффиціальныхъ отпискахъ Тарскихъ воеводъ. Больше же всего опровергается справедливость свидѣтельства Иванова фактомъ послышки къ

*) См. тамъ же выписку изъ царской грамоты 1574 г. мая 30 о набѣгахъ Маметкула на Чусовую. Вып. V, стр. 123—124.

**) Эта грамота и заключающаяся въ ней любопытнѣйшая челобитная Гаврила Иванова напечатана у Миллера въ гл. IV, при § 94, на стр. 306—307.

Кучуму Сеита, который видѣлъ его лично уже послѣ сраженія на Оби, лично говорилъ съ нимъ и передалъ на Тарѣ гордый отвѣтъ Кучума на предложеніе покорности, официально сообщенный затѣмъ въ Москву. Такимъ образомъ подлинныхъ обстоятельствъ смерти Кучума мы не знаемъ, а можемъ только догадываться о нихъ изъ сопоставленія всѣхъ событій мѣстной исторіи того времени, каковую попытку мы и сдѣлали выше. Конечно, мы не выдаемъ своихъ выводовъ за нѣчто непреложное, но они имѣютъ все таки подъ собою фактическую почву и явились результатомъ ближайшаго знакомства съ мѣстной исторіей Пермскаго края и сопредѣльной Сибири.

Со смертью Кучума, Русскіе обезпечили себѣ успѣхъ въ дальнѣйшемъ завоеваніи обширной страны за Ураломъ. Шагъ за шагомъ, изъ года въ годъ они подвигались на востокъ, преодолевая всѣ трудности дальнихъ переходовъ по неизвѣстной странѣ, всѣ лишения и опасности военнаго времени. Цѣль построенія Тары — „истѣснить“ Кучума была достигнута, хотя и не такъ скоро и легко, какъ рассчитывало правительство въ наказѣ строителю этого города. Кучумъ оказался гораздо сильнѣе и способнѣе Аблегирима, своего бывшего сподручника въ неравной борьбѣ съ Русскими. Мы не пойдемъ далѣе на востокъ за отважными піонерами русскаго владчества въ Восточной Сибири. Занимаясь собственно исторіей Урала, мы имѣли въ виду показать прежнюю роль его, какъ посредника во всѣхъ сношеніяхъ Москвы съ Сибирью. Если Балтійское море въ позднѣйшее время послужило для насъ „окномъ въ Европу“, то Пермскій край съ тѣмъ же правомъ можно назвать вратами въ Азію для Московскаго періода нашей исторіи, а городъ Пермь - Великую, иначе Чердынъ, ближайшій къ Уралу на старомъ Московскомъ пути, — вѣрнымъ стражемъ при этихъ воротахъ. Мы видимъ теперь, что она не оставалась безучастной зрительницею всего происходившаго за Ураломъ, а всегда, съ самаго покоренія

Пермскаго края Русскими въ 1472 г., стояла на стражѣ русскихъ интересовъ на востокѣ и не разъ обагряла землю, ввѣренную ей охранѣ, кровію своихъ гражданъ. Въ этомъ смыслѣ она сослужила Москвѣ вѣрную службу, достойную занесенія на страницы общей отечественной исторіи. Бывшій ея пригородъ, Соликамскъ, возникшій около 1430 г. въ видѣ русской колоніи солеваровъ въ инородческомъ краѣ, ходомъ исторической жизни сдѣлался наслѣдникомъ престарѣлой Чердыни, съ которою раздѣлилъ много тяжелыхъ испытаній. Поэтому его руководящая роль въ Пермскомъ краѣ началась съ паденіемъ Чердыни и относится уже къ слѣдующему XVII вѣку. Но въ отношеніи къ Сибири, въ силу измѣнившихся условій исторической жизни на востокѣ, онъ никогда не имѣлъ того значенія, какимъ пользовалась Чердынь въ XVI вѣкѣ. Въ отношеніи къ Сибири ему пришлось раздѣлить его съ вновь основаннымъ Верхотурьемъ, который также былъ укрѣпленъ, имѣлъ своихъ воеводъ и свою таможеню. Проложеніе новой дороги въ Сибирь, основаніе Верхотурья и совпавшая съ нимъ гибель Кучума открываютъ новый періодъ въ исторіи сношеній Московскаго государства съ Сибирью черезъ Пермскій край.

Переходимъ къ событіямъ по сю сторону Урала.

III.

Отношеніе преемниковъ Іоанна Грознаго къ Строгановымъ.

Прослѣдивъ ходъ событій въ Западной Сибири въ первые годы послѣ Ермака и указавъ участіе въ нихъ Перми Великой до наступленія XVII вѣка, мы считаемъ нужнымъ остановиться теперь на судьбѣ Строгановыхъ за тѣ же годы и далѣе, такъ какъ считаемъ ихъ инициаторами Ермакова похода и, слѣдовательно, первоначальнаго покоренія Кучумова царства. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири была

настолько важна, что игнорировать ихъ при дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Пермскаго края было бы большимъ упущеніемъ съ нашей стороны, какъ и для всякаго изслѣдователя, который желаетъ быть безпристрастенъ въ сужденіяхъ о людяхъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ Пермскомъ краѣ на рубежѣ XVI—XVII вѣковъ. Мы знаемъ уже, что въ исторической литературѣ образовался особый кружокъ ученыхъ, который не хочетъ признавать за Строгановыми никакихъ заслугъ въ дѣлѣ покоренія Сибири; знаемъ и то, что этотъ кружокъ кромѣ лѣтописи Саввы Есипова въ данномъ вопросѣ не хочетъ вѣрить никакимъ источникамъ, не исключая даже подлинныхъ царскихъ грамотъ*). Считаая такое мнѣніе уже по одному этому крайне одностороннимъ и не отвѣчающимъ исторической дѣйствительности, мы прослѣдимъ отношеніе къ Строгановымъ первыхъ преемниковъ Іоанна Грознаго опять на основаніи жалованныхъ царскихъ грамотъ, какъ наиболѣе надежныхъ источниковъ.

Опала за самовольный призывъ казаковъ съ Волги, постигшая Строгановыхъ въ самое мрачное время Іоаннова царствованія, продолжалась недолго, но она была сильнымъ нравственнымъ ударомъ для нихъ, а особенно для Никиты Григорьевича, владѣвшаго Орломъ - городкомъ на Камѣ и жившаго тамъ. Для него, какъ увидимъ, опала не ограничилась гнѣвной грамотой Іоанна отъ 16 ноября 1582 г., а имѣла болѣе серьезныя послѣдствія. Причиною этой особенной немилости Іоанна къ Никитѣ Строганову могла быть слишкомъ необычная жалоба на него, за неоказаніе своевременной помощи въ самое трудное время, его же дяди Семена Аникіевича и двоюроднаго брата Максима Яковлевича Строгановыхъ, вслѣдствіе челобитной которыхъ Никитѣ Григорьевичу послана была 6 ноября 1581 г. особая грамота съ

---

*) «Пермская Старина», вып. IV, вся глава 1-я; вып. V, вся гл. 3-я и въ VI выпускѣ введеніе посвящены разбору ученыхъ мнѣній касательно участія Строгановыхъ въ покореніи Сибири.

предписаніемъ помогать своими людьми Семену и Максиму Строгановымъ, „вмѣстѣ стояти противъ Пелымскаго князя“, при чемъ въ тотъ же день списокъ этой грамоты посланъ былъ изъ Москвы и Чердынскому воеводѣ князю Ивану Мих. Елецкому*). Уже эта грамота была нѣкоторымъ замѣчаніемъ Никитѣ Строганову за неправильный образъ дѣйствій его въ опасное для Перми время (хотя въ дѣйствительности онъ былъ *не виновенъ* въ неоказаніи помощи, какъ мы видѣли раньше)**). 16 ноября 1582 г. послѣдовала извѣстная опальная грамота—общая на ими Никиты и Максима Строгановыхъ; чрезъ 2 года, предъ кончиною Іоанна, именно въ 1584 г. января 7 имъ же посылается грамота о приготовленіи судовъ для посланнаго въ Сибирь войска съ княземъ Болховскимъ, съ угрозою за неисполненіе еще тягчайшей опалы***). Наконецъ въ 1588 г., уже по смерти Іоанна, его преемникъ *велѣлъ лишить Никиту Строганова и самой его вотчины Орла-городка, отобравъ ее на государя*. Это извѣстіе впервые сообщилъ *Икосовъ* въ своей „Исторіи о родословіи Строгановыхъ“****), а потомъ повторилъ *Θ. А. Волеговъ*, но оба они даютъ неправильное объясненіе факту въ томъ смыслѣ, будто Орель-городокъ на Камѣ, по грамотѣ Θεодора Іоанновича, „взятъ былъ отъ Строгановыхъ для способности Сибирской дороги, а когда сыскана дорога мимо Перми, т. е. города Чердыни, то паки въ 7099 году къ Строгановымъ возвращенъ“. (*Икосовъ*)*****). Фактъ отобранія Орла самъ по себѣ вѣренъ; грамоту объ этомъ 1588 г. Строгановы постарались затерять или намѣренно уничтожить, но не догадались такъ же поступить съ грамотою 1591 г.

*) См. «Перм. Стар.» V. 147, 149, 152—154.

**) Тамъ же, стр. 146—147.

***) Тамъ же, стр. 194—195. Въ грамотѣ сказано, что въ случаѣ неисполненія «быти имъ въ великой опалѣ».

****) По рукописному старинному списку, имѣющемуся въ моемъ собраніи рукописей, см. часть II, главу 1-ю, § 4.

*****) Ср. «Перм. Стар.» вып. IV, стр. 89.

о *вторичномъ* пожалованіи Никитѣ Строганову Орла, его прежней вотчины; изъ нея-то и обнаружился самый фактъ отобранія *). Съ приведеннымъ же объясненіемъ его нельзя согласиться, во первыхъ, потому, что дорога чрезъ Чердынъ пролегла гораздо раньше 1588 г., а во вторыхъ, указъ Θεодора Іоанновича о провѣдываніи новой дороги въ Сибирь *чрезъ Соликамскъ* послѣдовалъ уже въ 1595 году**), т. е. по возвращеніи Орла Никитѣ Строганову. Нѣтъ, отобраніе Орла-городка было той *великой опалой*, которою угрожалъ еще Іоаннъ и осуществилъ наконецъ его преемникъ Θεодоръ въ отношеніи одного Никиты Строганова. Но въ чемъ опять провинился предъ царемъ Никита — остается не извѣстнымъ. Надо полагать, что онъ не исполнилъ какого-либо новаго приказанія царя, оставшагося для насъ неизвѣстнымъ, или до царя дошли какія-либо новыя извѣстія о нелегальномъ участіи Никиты въ Сибирскихъ дѣлахъ, или наконецъ причиною опалы были какія либо незаконныя его домогательства. По неимѣнію данныхъ, этотъ вопросъ не разрѣшимъ, но если на Чердынскомъ воеводствѣ тогда все еще продолжалъ сидѣть неподкупный Василій Пеленелицынъ въ сотовариществѣ съ Воиномъ Оничковымъ, то Строгановымъ жилось, конечно, не такъ спокойно и легко, какъ при прежнихъ воеводахъ, обыкновенно благоволившихъ имъ***).

Какъ бы то ни было, но „великая опала“ скоро была снята съ Никиты Григорьевича Строганова. Она мало отвѣчала миролюбивому, мягкому характеру царя Θεодора Іоанновича. Дѣйствіе соляныхъ промысловъ въ Орлѣ-городкѣ, съ отобраніемъ его въ казну, было пріостановлено, а это было невыгодно для самой казны, лишившейся оброка съ промысловъ. Послалъ-ли Никита Строгановъ челобитную въ Москву,

*) Впослѣдствіи и эта грамота была потеряна, но какъ содержаніе ея повторяется въ позднѣйшей грамотѣ Строгановымъ отъ 25 іюля 1692 г., то ясно, что она была представлена въ свое время Петру Великому.

**) «Пермс. Стар.» I, 42 и V, 128—129.

***) См. «Пермс. Стар.» V, 149 и 157.

или самъ лично ѣздилъ туда съ поклономъ и „поминками“, которые въ Московскихъ приказахъ могли возымѣть свое дѣйствіе,—только въ 1591 г. ему дана была милостивая царская грамота, которою онъ вновь пожалованъ былъ своею прежнею вотчиной Орломъ-городкомъ и восстановленъ во всѣхъ своихъ привиллегіяхъ*). „Пожаловалъ онъ, великій государь,—говорится въ грамотѣ—Никиту Григорьева сына Строганова, велѣлъ ему вотчиною его, городкомъ Орломъ, слободою и съ варницами и съ деревнями и съ починками и со всѣми къ нимъ угоды *владѣть по прежнему...* и посадскихъ людей и крестьянъ во всякихъ межъ ими дѣлѣхъ судить ему, Никитѣ, или кому онъ прикажетъ, а Пермскимъ намѣстникамъ и воеводамъ и приказнымъ людямъ его, Никиту, и людей его и Орловскихъ посадскихъ людей и Орловскаго уѣзду крестьянъ судити и къ нему въ вотчину въѣзжати и посылати, опричь розбою и татьбы съ поличнымъ—ни по что не велѣно“. Не трудно замѣтить, что эта подтвердительная грамота почти дословно списана съ первоначальной грамоты отъ 2 января 1564 г., жалованной отцу Никиты, Григорію Аникіевичу Строганову, на тѣ же мѣста**). Такъ какъ впоследствии при каждой перемѣнѣ царя Строгановы лично ѣздили въ Москву за полученіемъ подтвержденія прежде дарованныхъ имъ грамотъ, то съ вѣроятностію можно предположить, что и Никита Григорьевичъ въ 1591 г. поступилъ также. Лично побывать въ Москвѣ для Строгановыхъ, обладавшихъ громадными по тому времени средствами, каждый разъ было полезно и въ видахъ поддержанія связей въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ. Объ этихъ связяхъ знали и ихъ боялись, конечно, Великопермскіе воеводы, а съ этимъ у Строгановыхъ опять соединялись свои практическіе

*) Содержаніе грамоты 7099 (1591) г. приведено въ позднѣйшей сводной грамотѣ 1692 г., напечатанной въ книгѣ *Устрялова: «Именитые люди Строгановы»*, СПб. 1842 г., стр. 42—43.

***) Ср. въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Историч.», т. 1, 169—170 и въ «Пермской «Старинѣ», вып. I, 96—97.

разсчеты. Держать въ своихъ рукахъ мѣстныхъ воеводъ имъ было нужно при поземельныхъ тяжбахъ съ мелкими землевладѣльцами, которые большею частью и проигрывали дѣло, какъ это мы показали на многихъ фактахъ въ первыхъ двухъ выпускахъ „Пермской Старины“ *). Изъ Великопермскихъ воеводъ рѣзкое исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Василій Пелепелицынъ, человекъ неподкупный, дѣйствовавшій по долгу службы и совѣсти, благодаря исключительнымъ условіямъ, при которыхъ онъ управлялъ Пермью Великой, и, конечно, личнымъ нравственнымъ качествамъ, какія въ людяхъ того времени встрѣчались не заурядъ.

Въ 1592 г. на Чердынскомъ воеводствѣ мы видимъ уже Никифора Васильевича Троханіотова, строителя Пелыма и Березова. При немъ-то Максимъ и Никита Строгановы получили царскую грамоту отъ 5 іюля 1592 г. съ предписаніемъ дать въ распоряженіе воеводы изъ своихъ вотчинъ 100 чел. ратныхъ людей для Сибирскихъ дѣлъ, подъ угрозою „великой опалы“ за неисполненіе. Эта грамота почти дословно списана съ таковой же отъ 7 января 1584 г., о чемъ подробно мы говорили уже въ первой главѣ этого выпуска. На этотъ разъ угроза опалою вызвана была опасностями военнаго времени (войною съ кн. Аблегиримомъ) и неотложностью задуманнаго похода и скорѣе относилась къ Максиму Строганову, такъ какъ дѣла Никиты къ тому времени поправились. Послѣ того ни въ одной грамотѣ Строгановымъ мы не встрѣчаемъ такой угрозы въ духѣ Іоанна IV. Напротивъ, прежнее благоволеніе къ нимъ верховной власти укрѣпляется съ годами. Тотъ самый Никита Строгановъ, который незадолго предъ тѣмъ былъ въ великой опалѣ, въ 1590-хъ годахъ оказывается въ особенной милости у кроткаго царя Θεодора. Мало того, что онъ получилъ обратно прежнюю свою Орловскую вотчину, онъ такъ ловко повернулъ въ Москвѣ свои дѣла, что 7

*) Особенно см. въ I вып. стр. 98—100, во II вып. 181—183, 232—233 и другія.

апрѣля 1597 г. получилъ отъ царя новую важную грамоту, которою жаловались ему добавочныя земли въ Пермь Великой, отъ прежней межи по Камѣ, установленной грамотами Иоанна IV, внизъ по рѣкѣ на 55 верстъ, т. е. отъ рѣчки Ласвы до р. Ошана. На вновь пожалованныхъ земляхъ скоро возникаетъ у Строгановыхъ новый Очерскій округъ ихъ владѣній*). Это пожалованіе совершается въ то время, когда на далекомъ востокѣ Русскіе ведутъ послѣднюю борьбу съ Кучумомъ, когда Западная Сибирь покрылась цѣлой сѣтью русскихъ городовъ и малыхъ селеній и со времени Ермака стала уже совершенно неузнаваема. А все это досталось кровью и пѣтомъ не однихъ казаковъ и служилыхъ людей, выведенныхъ изъ Руси, но и Пермичъ, а съ ними и людей Строгановыхъ, добровольно ставшихъ когда-то подъ знамя атамана Ермака. Но такъ какъ дальнѣйшее завоеваніе Сибири и борьба съ Кучумомъ стала дѣломъ государственнымъ, то за Строгановыми теперь оставалась только пассивная роль въ этомъ дѣлѣ, которая выражается въ неоднократной посылкѣ въ Сибирь ратныхъ людей съ ихъ вотчинъ *по царскимъ наказамъ*. Починъ Строгановыхъ въ покореніи Сибири съ помощью вольныхъ казаковъ, поставленный сначала въ вину имъ, какъ ослушаніе и самовольный поступокъ, — *въ слѣдующихъ царскихъ грамотахъ XVII вѣка вмѣняется уже въ заслугу имъ предъ царемъ и отечествомъ*, при чемъ эта заслуга, наравнѣ съ выкупомъ Василя Темнаго изъ казанскаго плѣна, считается особенно важною, подчеркивается, такъ сказать, въ царскихъ грамотахъ, какъ это мы показали уже въ IV выпускѣ нашего изданія **). Ту часть зауральскихъ земель, пожалованныхъ Строгановымъ по грамотѣ отъ 30 мая 1574 г., которую они успѣли колонизировать до похода Ермака, правительство оставило за ними, а прочія земли оказались

*) Объ этомъ подробнѣе сказано при историческомъ и экономическомъ обзорѣ нихъ землевладѣнія въ Пермь Великой въ «Пермской Старинѣ», вып. I, 102—103 и 123 и в. IV, 90—92.

***) См. въ IV выпускѣ «Пермс. Стар.» всю 1-ю главу.

необходимы ему для собственныхъ надобностей и потому стали считаться государственными. Въ семидесятихъ годахъ XVI вѣка оно не предвидѣло того, что обнаружилось въ девяностыхъ, не предвидѣло столь быстрыхъ успѣховъ русскаго оружія за Ураломъ и столь скорого паденія царства Кучума, казавшагося несокрушимымъ.

Съ пресѣченіемъ старой династіи въ лицѣ Θεодора Іоанновича въ 1598 г.—въ самый годъ гибели и ея непримиримаго врага Кучума, для Россіи настали годы тяжкихъ испытаній. Однако на далекихъ восточныхъ окраинахъ государства бѣдствія сказывались на общемъ ходѣ жизни не такъ осязательно, какъ въ центрѣ, около Москвы, и въ западныхъ областяхъ. Польская интрига не проникала такъ далеко, и жизнь не выходила здѣсь изъ своего обычнаго русла. Мирныя завоеванія культуры незамѣтно продолжали здѣсь свое дѣло, и только въ Восточной Сибири отважные казаки не слагали оружія въ борьбѣ съ туземцами, пока не добрались до естественнаго рубежа великаго Азіатскаго материка. Пермскій край и прилегающая къ нему Западная Сибирь пережили раньше тяжелые годы въ многолѣтней борьбѣ съ Кучумомъ и его союзниками. Въ Смутное время Пермскій край сдѣлался только источникомъ усиленныхъ поборовъ людей и денегъ, къ чему впрочемъ онъ привыкъ еще въ періодъ кипучей строительной дѣятельности въ Сибири, начавшейся по смерти Ермака. Но о богатствѣ Строгановыхъ правительство особенно вспомнило въ эпоху смуты и разоренія и, какъ было во времена Василя Темнаго, опять должно было прибѣгнуть къ Пермскимъ солеварамъ за матеріальной помощью. Тутъ Строгановымъ представился новый удобный моментъ загладить окончательно свои прежнія вины предъ верховной властью. Это ясно показываетъ цѣлый рядъ грамотъ, жалованныхъ имъ отъ царя Василя Ивановича Шуйскаго.

Въ грамотѣ этого царя отъ 13 мая 1608 года предписывается дать Максиму и Никитѣ Строгановымъ пять подводъ и проводниковъ „отъ Москвы по дорогѣ до Вологды и до Вычегоцкіе Соли“ безъ задержанія. Вотъ несомнѣнное доказательство *личнаго* пребыванія Строгановыхъ въ Москвѣ, какое мы предполагаемъ и въ 1591 году. Черезъ мѣсяцъ, а именно 19 іюня того же 1608 г., Строгановы получаютъ въ Сольвычегодскѣ новую грамоту отъ царя, гдѣ между прочимъ говорилось: „И вы, Максимъ да Никита, дали намъ на Москвѣ въ подмогу, служилымъ людямъ на жалованье, тысячу рублевъ.... И вы бѣ еще нынѣ дали въ заемъ для поспѣшенія пять сотъ рублевъ, а мы вамъ тѣ деньги велимъ отдать изъ Усольскихъ четвертныхъ доходовъ, какъ въ зборѣ будутъ, *а ваше радѣнье и ссуда служилымъ людямъ въ забвеньи не будетъ*“. Въ этихъ словахъ видимъ доказательство и того, что, какъ мы предполагали выше, *Строгановы ѣздили въ Москву лично съ большими деньгами, съ помощію которыхъ и устраивали тамъ свои личные дѣла**). Въ томъ же 1608 г. Максимъ и Никита Строгановы испросили себѣ подтвердительную грамоту на всѣ привилегіи, дарованныя имъ по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ, на примѣръ, чтобъ ихъ самихъ, дѣтей ихъ и крестьянъ ни въ чемъ не судить мѣстнымъ воеводамъ, постоя не ставить на ихъ дворахъ и подводъ у нихъ не требовать. Въ слѣдующемъ 1609 г. отъ 26 января тѣмъ же Строгановымъ посылается въ Сольвычегодскѣ грамота о сборѣ съ посада и уѣзда этого города ратныхъ людей вдвое или втрое противъ прежняго, о вооруженіи ихъ, снабженіи провіантовъ и отправленіи въ Даниловскую слободу для обороны отъ непріятелей. Въ августѣ того же 1609 года слѣдуетъ въ Сольвычегодскѣ новая (отъ 4-го числа того мѣсяца) очень милостивая грамота, написанная уже на имя Максима, Никиты, Андрея и Петра Строгановыхъ, а также всѣхъ Сольвычегод-

*) Болѣе полныя выдержки какъ изъ этихъ грамотъ, такъ и изъ слѣдующихъ мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску.

скихъ посадскихъ и уѣздныхъ старость и цѣловальниковъ и всѣхъ земскихъ людей, очевидно, вѣрою и правдою служившихъ царю, согласно предъидущей грамоты его, вполнѣ оправдавшихъ царское довѣріе. Въ этой „похвальной“ грамотѣ между прочимъ читаемъ: „И на томъ вамъ помози Богъ, что о нашемъ и о земскомъ дѣлѣ радѣете, помня наше крестное цѣлованіе!... И впредь бы есте намъ служили и о нашемъ и о земскомъ дѣлѣ радѣли и промыслили, какъ Богъ помочь подастъ... И мы васъ за вашу службу и за радѣніе пожалуемъ“.

Замѣтимъ, что Андрей и Петръ Строгановы, впервые упоминаемые въ этой грамотѣ, были сыновья Семена Аникіевича, съ которымъ жили въ Сольвычегодскѣ, гдѣ отецъ ихъ и скончался въ 1587 г., чрезъ 5 лѣтъ послѣ постигшей его опалы Іоанна Грознаго. Теперь съ его сыновей всякая опала была снята, и они вмѣстѣ съ двоюродными братьями, Никитою Григорьевичемъ и Максимомъ Яковлевичемъ, были въ одинаковой царской милости, а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ получили добавочныя земли по Камѣ, въ Перми Великой *). Кстати замѣтить еще, что вторая жена Семена Аникіевича, Евдокія Нестеровна Лачинова, была родною сестрою перваго Соликамскаго воеводы Іова Нестеровича Лачинова, правившаго Соликамскимъ уѣздомъ въ 1613 г.**) Послѣ этого слишкомъ ясно, какія отношенія къ Строгановымъ могли быть у этого воеводы въ Перми Великой! Впрочемъ, въ 1614 году въ Соликамскѣ былъ уже другой воевода.

Указываемъ дальнѣйшія милости правительства, изливавшіяся на Строгановыхъ. Въ томъ же августѣ 1609 г., когда дана была послѣдняя изъ приведенныхъ грамотъ, царь Василій Ивановичъ Шуйскій находился въ столицѣ во ожиданіи войска, шедшаго отъ Твери и Колязина на помощь

*) См. родословную Строгановыхъ во II вып. «Пермской Старины», стр. 69, также вып. IV, 67 и V, 159—160.

**) Таже родословная и вып. I, стр. 171.

Москвѣ, во главѣ съ царскимъ племянникомъ, достойной памяти княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Послѣдній, какъ извѣстно, шелъ къ Москвѣ съ союзнымъ шведскимъ войскомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Якова Делагарди. Этимъ союзникамъ нужно было своевременно платить деньги, а ихъ не было ни у Скопина, ни въ самой Москвѣ; кромѣ того ощущалась сильная нужда и въ одеждѣ для ратныхъ людей. Чтобы добыть то и другое, Скопинъ, помимо царя, разсылалъ отъ своего имени „грамоты“, взывая о неотложной помощи*). Грамоты разсылались преимущественно по сѣвернымъ городамъ и монастырямъ, менѣе другихъ пострадавшимъ отъ разоренія; тогда вспомнилъ князь Михаилъ Васильевичъ и про богатыхъ людей Строгановыхъ. Въ грамотѣ отъ 28 августа 1609 г., писанной съ похода на имя тѣхъ же четверыхъ Строгановыхъ, двоюродныхъ братьевъ, вѣроятно въ Сольвычегодскъ, Скопинъ просить ихъ ссудить его деньгами, сукномъ, камкою и тафтой, „сколько кому мочно, ... на наемъ ратнымъ людямъ“, обѣщая отъ имени царя тѣ деньги заплатить, когда „дасть Богъ—отъ воровъ и Литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ“. Надежда Скопина на Строгановыхъ была не напрасна: онъ въ изобиліи получилъ отъ нихъ просимое. „Пермская земля, говоритъ Костомаровъ, приводила его въ досаду своею медлительностію; за то усердными показали себя вологжане и сольвычегодцы, особенно *Строгановы*, которые, кромѣ присылки денегъ, снаряжали и отправляли на свой счетъ къ Скопину много ратныхъ людей“ **). 27 декабря 1609 г., уже послѣ кровопролитной битвы Скопина и Делегарди съ Тушинцами подъ Александровской слободой, голодавшая тогда Москва отъ имени царя, бояръ, воеводъ и князя Михайла Васильевича Шуйскаго шлетъ грамоту въ Сольвычегодскъ четыремъ братьямъ Строгановымъ и подъячему

*) С. М. Соловьевъ: «Исторія Россіи», томъ VIII. Москва 1858 г., стр. 273.

Н. И. Костомаровъ: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ», вып. III, 689.

**) См. у Костомарова тамъ же.

Григорію Рукавову съ предупрежденіемъ „жить съ великимъ береженіемъ отъ государевыхъ измѣнщиковъ и отъ Черемисы и государевымъ дѣломъ промыслати, сколько Богъ помочи подасть“. 24 марта слѣдующаго 1610 года самъ царь Василій Ивановичъ посылаетъ въ Сольвычегодскъ двѣ грамоты— одну на имя Максима и Никиты, другую на имя Андрея и Петра Строгановыхъ съ просьбою о новыхъ ссудахъ деньгами, на этотъ разъ болѣе значительныхъ. Грамота на имя Максима и Никиты Строгановыхъ особенно любопытна по указанію на прежнія заслуги Строгановской фамиліи *). Указавъ на всѣ бѣдствія Русской земли, на ея страшное разореніе, царь обращается къ Максиму и Никитѣ въ такихъ словахъ: „И вы бѣ помятовали къ себѣ наше жалованье и свою къ намъ службу и радѣніе, насъ ссудили, дали въ заемъ денегъ, чѣмъ бы намъ служилыхъ людей пожаловать... какія милости отъ Бога сподоблены будете, а отъ насъ великое жалованье и честь примете и отъ всѣхъ людей похвалу получите! *Помните, въ прежнихъ временахъ великаго князя Василя Васильевича окупили изъ полону. Какой великой чести сподоблены! А вы только насъ ссудите немалыми деньгами тысячъ съ десять*“. Въ тотъ же день царь просилъ особою грамотою Андрея и Петра Семеновичей о ссуженіи 2000 рублей на тотъ же предметъ—на жалованье служилымъ людямъ. Грамота написана почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, но безъ оговорки на счетъ выкупа Василя Темнаго. Братья Строгановы и на этотъ разъ poradѣли о пользѣ общей. Никита и Максимъ при Василю Шуйскомъ первые получили пожалованіе—именоваться по боярски на *вичъ* (Никита Григорьевичъ); по особымъ грамотамъ отъ 23 февраля 1610 г. Затѣмъ уже такое пожалованіе получаютъ Андрей и Петръ Семеновичи, которымъ также даны были въ одинъ день отдѣльныя на то

*) О ней была уже рѣчь съ IV выпускѣ «Пермской Старины» на стр. 25—26. Подлинное извлеченіе изъ нея см. здѣсь, въ приложеніи.

грамоты отъ 29 мая 1610 г. *) Особенность послѣдняго пожалованія состояла въ томъ, что Андрей и Петръ Семеновичи въ грамотахъ впервые были названы „*именитыми людьми*“. Это почетное званіе осталось затѣмъ исключительно за членами фамиліи Строгановыхъ до пожалованія ихъ въ баронское достоинство въ 1722 году. О значеніи его мы уже подробно говорили въ IV выпускѣ нашего изданія (гл. I, стр. 11—21).

Въ эпоху междоусобицъ Строгановы продолжали оказывать отечеству матеріальную помощь еще въ бѣднѣйшихъ размѣрахъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ была весьма почтенна. Въ многочисленныхъ отпискахъ Смутнаго времени, отправлявшихся изъ Сольвычегодска въ Пермь Великую и другія мѣста и слѣдовавшихъ оттуда въ Сольвычегодскъ, имена четырехъ Строгановыхъ, Максима, Никиты, Петра и Андрея, вездѣ поставлены рядомъ съ именами тогдашнихъ Сольвычегодскихъ воеводъ — исключительная честь этой фамиліи. При первыхъ же царяхъ изъ новой династіи Строгановы были осыпаны новыми царскими милостями, достигшими своего апогея при Петрѣ Великомъ. О нихъ мы доселѣ говорили уже такъ подробно, что повторять сказанное нѣтъ надобности **). Замѣтимъ только, что съ началомъ cadaго послѣдующаго царствованія не только подтверждались всѣ прежде дарованныя Строгановымъ грамоты на владѣніе землями и на разныя привиллегіи, но ко всѣмъ прежнимъ пожалованіямъ прибавлялись новыя, иногда уже въ прямой ущербъ интересамъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ Пермскомъ краѣ.

*) Въ «Собраніи Госуд. Грам. и Догов.», томъ II, подъ № 196, стр. 386—387, напечатана царская грамота отъ 29 мая 1610 г. на имя Петра Семеновича о несудимости его и людей его мѣстными воеводами.

**) См. «Пермс. Старину», I, 103—104; II, 77—78 и 154—189; IV, 27—28.

IV.

Пермскій край въ Смутное время.

Теперь намъ предстоитъ показать, что дѣлали, какъ дѣйствовали Великопермскіе воеводы, эти мѣстные представители правительственной власти, въ то бѣдственное для Россіи время, когда Строгановы столь широко развернули свою благотворительную дѣятельность на пользу отечества. Мы видѣли, какъ, за немногими исключеніями, унижались они предъ Строгановыми, сильными своимъ богатствомъ и связями; но видѣли и ихъ активное участіе въ сибирскихъ дѣлахъ при жизни Кучума и по смерти его. Какъ же исполняли они желанія и требованія правительства въ эпоху смуты и разоренія? Оказались-ли они на высотѣ своего положенія? Наши историки, какъ напр. С. М. Соловьевъ и Н. И. Костомаровъ, отвѣчаютъ на эти вопросы отрицательно. „Намъ теперь трудно оправдать Пермичей, говорить первый: прямо видно желаніе ихъ медлить, дожидаться времени, не обременять себя пожертвованіями“ *). „Плохо помогая деньгами царю Московскому, читаемъ у того же историка, Пермичи обнаружили холодность и тогда, когда (1609 г.) надобно было помочь отъ воровъ ближайшимъ къ нимъ Вятчанамъ... Пермичи обѣщались и не прислали ратныхъ людей“ **). „Наконецъ противъ Пермичей свидѣлствуютъ и прежнія, и послѣдующая ихъ нерѣшительность и недѣятельность“ ***). По согласному заявленію Н. И. Костомарова, „Пермская земля приводила князя Скопина-Шуйскаго въ досаду своею медлительностію“ ****). Посмотримъ, что заставляло Пермскихъ воеводъ такъ медлить въ тяжелые годы общаго народнаго

*) С. М. Соловьевъ: «Исторія Россіи», по первому изданію т. VIII, стр. 276—277.

**) Тамъ же, стр. 275.

***) Тамъ же, стр. 277.

****) «Русс. исторія въ жизнеописаніяхъ», вып. III, 689.

бѣдствія; была-ли причиною тому ихъ собственная нераспорядительность, или какія-либо исключительныя мѣстныя условія? Историческихъ актовъ Смутнаго времени о Пермскомъ краѣ сохранилось весьма много, почему есть возможность болѣе или менѣе подробно прослѣдить жизнь этого края за то время*). Большая ихъ часть найдена въ богатомъ архивѣ Соликамскаго Уѣзднаго Суда.

Великопермскими воеводами, жившими въ Чердыни въ Смутное время, послѣдовательно состояли: 1) князь Семень Юрьевичъ *Вяземскій* и съ нимъ подьячій Иванъ Ѳедоровъ и потомъ Леонтій Сафоновъ съ начала 1606 года до апрѣля 1608 г.; 2) Ѳедоръ Петровичъ *Акинѳовъ* съ подьячимъ Наумомъ Романовымъ съ 1608 до начала 1610 г.; 3) Иванъ Ивановичъ *Чемодановъ* и подьячій Пятой Фалелѣвичъ Филатовъ съ 1610 г. до октября 1611 года; 4) Матвѣй Михайловичъ *Годуновъ*, бояринъ и воевода, былъ временно съ октября 1611 до декабря 1612 г.; 5) Петръ Степановичъ *Нащокинъ* и съ нимъ дьякъ Иванъ Тимоѳеевичъ Митусовъ съ декабря 1612 г. до начала 1614 года. Нащокинъ былъ переведенъ сюда изъ Сольвычегодска, какъ видно изъ грамоты королевича Владислава въ Сольвычегодскъ отъ 17 сентября 1610 г., напечатанной въ „Актахъ Историческихъ“ (томъ II, № 292). Въ 1613 году въ Соликамскѣ, какъ мы знаемъ, учреждается отдѣльное воеводство, при чемъ первымъ Соликамскимъ воеводою былъ родственникъ Строгановыхъ Ювъ Нестеровичъ Лачиновъ. Современникомъ же его въ Чердыни и преемникомъ Нащокина по тамошнему воеводству былъ Левъ Ильичъ *Волковъ* въ сослуженіи съ тѣмъ же дьякомъ Иваномъ Митусовымъ. Въ началѣ 1614 г. Лачиновъ оставилъ однакоже воеводство, и Волковъ опять правилъ всей Пермью Великой; только съ

---

*) Акты Смутнаго времени, относящіеся къ Пермскому краю, напечатаны давно во II томѣ «Актовъ Историческихъ» СПб. 1841 г. и во II же томѣ «Актовъ Археогр. Экспедиціи» СПб. 1836 г. и перепечатаны въ I томѣ «Пермской Лѣтописи» Шишонко.

начала 1616 г. сослуживцемъ его былъ уже не Митусовъ, а другой дьякъ, Степанъ Пустошкинъ, что продолжалось до окончанія его воеводства въ половинѣ того же 1616 года. Волковъ жилъ больше въ Чердыни, куда и направлялись почти всѣ грамоты, писанныя на его имя. Во второй половинѣ 1616 г. его смѣнилъ въ Чердыни Иванъ Васильевичъ *Львовъ*, просидѣвшій только годъ. Въ 1617 г. на его мѣсто поступилъ Гаврило Васильевичъ *Лодыгинъ*; при нихъ сначала оставался тотъ же дьякъ Степанъ Пустошкинъ, а съ марта 1619 года его замѣнилъ подьячій Макарій Внуковъ*). Въ Соликамскѣ же со второй половины 1616 г. воеводою былъ Богданъ Поликарповичъ *Луцандинъ*, скоро же оставившій свою должность. Лодыгинъ, какъ прежде его Волковъ, опять соединяетъ въ своихъ рукахъ управленіе Чердынью и Соликамскомъ, пока съ половины 1617 г. не назначили особаго Соликамскаго воеводы князя Андрея Романовича *Тюменскаго* (1617—1618 г.г.). Въ 1619 г. опять былъ общій воевода Никита Ѳедоровичъ *Глѣбовъ*, но уже въ 1620 г. его замѣняетъ новый общій воевода Василій Ѳедоровичъ *Бутурлинъ* и съ нимъ подьячіе: сначала упомянутый выше Макарій Внуковъ, а потомъ (1621 г.)—Неустрой Алимшіевъ. Судя по грамотамъ, Бутурлинъ и его подьячіе жили больше въ Чердыни. Съ конца 1622 года назначены были отдѣльные воеводы: въ Чердынѣ Гаврило Михайловичъ *Веревкинъ* и подьячій Савва Лухневъ, а въ Соликамскѣ Воинъ Лукіановичъ *Корсаковъ*. Черезъ годъ Корсаковъ оставляетъ воеводство**) и Веревкинъ остается до 1626 года единоличнымъ правителемъ Перми Великой; только въ помощь ему для Соликамска даны были подьячіе Яковъ Бутримовъ и Мосѣй Ѳедоровичъ Глѣбовъ; Савва же Лухневъ оставался при воеводѣ, въ Чердыни.

*) Повидимому, оба они жили въ Соликамскѣ, а самъ воевода Лодыгинъ—въ Чердыни.

**) При воеводѣ Корсаковѣ Пермь Великую описывалъ писецъ Кайсаровъ.

Этотъ списокъ Великопермскихъ воеводъ необходимо имѣть подъ руками при чтеніи многочисленныхъ актовъ того времени, до насъ дошедшихъ. Онъ нѣсколько измѣняетъ и значительно дополняетъ списокъ, первоначально помѣщенный нами въ I вып. „Пермской Старины“ (стр. 170—172). Дальнѣйшіе воеводы подробнѣе указаны были у насъ въ первоначальномъ списокѣ, почему ихъ мы не перечисляемъ*). Приступаемъ къ разсмотрѣнію мѣстныхъ Великопермскихъ актовъ смутной эпохи съ цѣлью показать дѣятельность поименованныхъ воеводъ за то время.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о Московскихъ смутахъ Пермичи получили отъ самого царя Василія Ивановича Шуйскаго. Грамотою отъ 20 мая 1606 г. онъ извѣстилъ ихъ о своемъ вступленіи на престолъ послѣ Отрепьева. Затѣмъ въ обширной грамотѣ отъ 6 іюня 1606 г., посланной въ Пермь Великую на имя того же воеводы князя *Семена Юрьевича Вяземскаго* и подьячаго Ивана Ѳедорова, за приписью царскаго дьяка Нечая Ѳедорова, Василій Шуйскій извѣщаетъ Пермичей о злодѣйствахъ самозванца Гришки Богданова Отрепьева и о перенесеніи въ Москву изъ Углича мощей царевича Димитрія, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и съ приложеніемъ копій съ переписки самозванца съ Римскимъ папою и его кардиналами и легатами и съ Юріемъ Мвишкомъ. Подобная же грамота отъ 28 іюня того же года отправлена была царемъ въ Сольвычегодскъ**). Слухи о Московскихъ не порядкахъ, безъ сомнѣнія, доходили до Перми и раньше, но теперь народъ долженъ былъ увѣриться въ справедливости ихъ. 4 сентября того же года въ Пермь прибылъ изъ Москвы, по царскому указу, Петръ Благово,

*) См. еще поправку къ списку въ «Пермс. Стар.» вып. V, въ сноскѣ на стр. 157.

***) Подлинникъ Пермскаго экземпляра найденъ въ архивѣ Соликамскаго Уѣзднаго Суда и напечатанъ во II томѣ «Актовъ Археогр. Экспедиціи» подъ № 48, стр. 106—115. Въ примѣчаніи издатели упоминаютъ о Сольвычегодскомъ экземплярѣ. Грамота отъ 20 мая о вступленіи на престолъ Вас. Шуйскаго найдена и напечатана тамъ же подъ № 44.

которому велѣно было „собрати съ Перми съ посаду и съ Пермского уѣзду ратныхъ людей 48 чел. — 32 пѣшихъ и 16 конныхъ“ *). Благово собралъ этихъ людей и благополучно дошелъ до Вятскаго уѣзда, но здѣсь Пермичи были къмъ-то смущены, „учали межъ себя драться и изъ луковъ стрѣлять, и онъ ихъ учалъ рознимать, и они его хотѣли убить“. Однако Благово помирилъ ихъ и пошелъ далѣе въ Котельничъ, гдѣ новыя смутьяны окончательно сбили съ толку Пермичей увѣреніемъ, что царевичъ Дмитрій живъ, что ихъ обманываютъ. Особенно довѣрился этому какой-то Пермитинъ Пантелѣйко. Не смотря на смуту, Петръ Благово уговаривалъ людей идти въ Яранскъ и далѣе въ Козмодемьянскъ, откуда звалъ ихъ на Унжу и въ Галичъ. Но Пермичи рѣшительно воспротивились этому и отъ Санчурска повернули назадъ. 9 декабря Благово воротился въ Москву и донесъ царю о происшедшемъ. Въ тотъ же день царь пишетъ въ Чердынъ грамоту, въ которой излагаетъ донесеніе Благово, увѣряетъ въ ложности слуховъ на счетъ самозванца, будто онъ живъ, говоритъ о ворахъ Пашковѣ и Болотниковѣ, разбитыхъ русскимъ войскомъ, и въ заключеніе объявляетъ прощеніе Пермичамъ, какъ введеннымъ въ заблужденіе ложными слухами на Вяткѣ**). Первое приказаніе царя, какъ видимъ, въ Перми было исполнено немедленно. Смута произошла за предѣлами Перми. Присылкою же обыкновенныхъ денежныхъ доходовъ съ Пермской земли за 1606 годъ кн. Вяземскій замедлилъ, почему изъ Москвы былъ нарочно посланъ за деньгами въ Чердынъ „недѣльщикъ Звяга Коротневъ“ ***). Но въ объясненіе этой неаккуратности воеводы кн. Вяземскаго слѣдуетъ принять

*) Цар. грамота въ Пермь Великую кн. С. Ю. Вяземскому отъ 9 декабря 1606 г. въ Актахъ Арх. Эксп. II, № 60, стр. 136—138. Подлинникъ ея изъ архива Соликам. Уѣзд. Суда.

***) Грамоту отъ 9 декабря 1606 г. въ Чердынъ см. въ «Собраніи Госуд. Грамотъ и Догов.», томъ II, № 151, стр. 319.

***) Царс. грамота въ Чердынъ кн. Вяземскому отъ 10 марта 1607 г. во II томѣ «Актовъ Историч.» № 78, стр. 106—107, изъ арх. Солик. Уѣзд. Суда.

во вниманіе другія грамоты отъ 14 января, того же 10 марта и отъ 29 мая 1607 г., изъ которыхъ видно, что съ Пермичей въ то же время „насильствомъ доправляли“ деньги Верхотурскіе воеводы Степанъ Годуновъ и Алексѣй Загряжскій *), такъ что правительство вынуждено было ограждать Пермичей отъ насильства грамотою. Крестьяне же Зюздинской волости Пермскаго уѣзда подвергались такимъ же насильствамъ отъ Кайгородскихъ посадскихъ и волостныхъ людей, хотя Зюздинцы записаны были въ писцовыхъ книгахъ „опричь Кайгородцовъ“ **). Въ то же самое время Пермскій воевода долженъ былъ на 1607 годъ собрать съ Перми на жалованье Сибирскимъ служилымъ людямъ 700 четей ржаной муки и по 100 четь крупъ и толокна и отправить весь хлѣбъ на Верхотурье вмѣстѣ съ Вымичами. Хлѣбъ былъ собранъ сполна, но Вымичи къ сроку не явились ***). При столь частыхъ законныхъ и незаконныхъ требованіяхъ съ Пермской земли то денегъ, то хлѣба не мудрено было кн. Вяземскому и замедлить въ исполненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Точно также мы не видимъ достаточной справедливости въ дальнѣйшемъ выговорѣ кн. Вяземскому отъ имени самого царя за медленную доставку изъ Перми въ Верхотурье церковной утвари, судовыхъ свастей и земледѣльческихъ орудій, отправленныхъ изъ Москвы съ дѣтьми боярскими Матвѣемъ Есиповымъ и Бурцевымъ. Этотъ значительный грузъ былъ задержанъ на пути въ Соликамскѣ, потому что, по словамъ грамоты, везти его было не на чемъ, „подводъ не дали, а ямщики устроены на яму ново и они розбѣжались“ ****), а Усолцы съ земли лошадей имъ не дали. „И ты, князь Семень, говорится въ особой грамотѣ по этому дѣлу,

*) Тоже отъ 14 янв. 1607 г. въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, № 66, стр. 148.

**) Тоже отъ 10 марта 1607 г., въ томъ же изданіи, II, № 69, стр. 161.

***) Тоже отъ 29 мая 1607 г. въ «Актахъ Историч.» II, № 80, стр. 110.

****) Соликамскій ямъ былъ устроенъ только въ 1606 г. по грамотѣ на имя того же кн. Вяземскаго отъ 11 июля того года, которую см. во II томѣ «Актовъ Арх. Эксп.» подъ № 54, стр. 123—124.

то дѣлаешь не гораздо, что надъ ямщики не смотришь и бѣглыхъ ямщиковъ не сыскиваешь, а *наше дѣло своею глупостью ставишь въ оплошку*“*). Интересный примѣръ простоты оффиціальныхъ отношеній въ XVII вѣкѣ! Что же далѣе предписываетъ царь воеводѣ-князю, допустившему „оплошку“? „И ты бѣ въ Перми, у Соли Камской, въ роскожномъ желѣзѣ, что оставили дѣти боярскіе, велѣлъ сдѣлать косы и серпы и топоры, и сошники передѣлать, какъ въ Сибирскихъ городахъ сошники дѣлають, . . . да тое все и церковное строенье, образы и колокола, и судовые запасы, что остались у Соли Камской, велѣлъ Пермичамъ отвезти въ Верхотурье *тотчасъ*“. Грамота кончается слѣдующими словами: „А не учнешь впередъ надъ ямщики смотреть и о нашемъ дѣлѣ радѣть, а *которое дѣло твоею глупостью и оплошкою замочается—и тебѣ за то отъ насъ быти въ великой опалѣ*“. Такимъ образомъ грамота требовала одновременно немедленной доставки груза и изготовленія самыхъ орудій въ Соликамскѣ, котораго нельзя же было кончить въ одинъ—два дня, и на которое опять же нужны были деньги. Между тѣмъ за годъ предъ тѣмъ въ грамотѣ отъ 11 іюля 1606 г. объ устроеніи яма въ Соликамскѣ заявлялось, что „ихъ деи Пермская земля не великая, а отпускають всякіе Сибирскіе отпуски, запасы и подѣ казну и служивыхъ людей, а *мѣста деи зоняютъ пустые даліе и перегоны великіе*, отъ Кайгородка до Верхотурья 500 верстѣ, а отъ Перми до Ужги (на рѣкѣ Сысолѣ) 405 в., до Вятки 500 в., а лѣтнимъ водянымъ путемъ отпускають въ судѣхъ до Казани тысячу верстѣ, до Соли Вычегоцкой тысячу жѣ верстѣ; да они жѣ деи по Сибирской и по Верхотурской дорогѣ мосты мостятъ, . . . а въ коемъ году бываетъ въ Сибирь перемѣна нашимъ воеводамъ и головамъ, или прибавка служилымъ людямъ— и *имъ ставяются Сибирскіе отпуски для лишнихъ подводѣ*

*) Эта любопытная грамота отъ 23 іюня 1607 г. напечатана во II томѣ «Актовъ Историч.» подѣ № 81, стр. 110—111.

тысяч по пяти и болши“*). Даже обычная гоньба требовала обязательной поставки съ Перми ежегодно тысячъ по пяти и болѣе подводъ! При столь тяжелыхъ матеріальныхъ требованіяхъ, имѣвшихъ обязательное значеніе, носившихъ характеръ повинности, разныя злоупотребленія еще усиливали степень тяготы. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія царская грамота отъ 26 іюня 1606 года на имя того же Чердынскаго воеводы кн. Вяземскаго съ предписаніемъ Сольвычегодскимъ гребцамъ возить служилыхъ людей по подорожнымъ до Соликамска, а не до погоста Гайнъ на р. Камѣ**). Дѣло въ томъ, что тогдашній лѣтній путь изъ Вычегодской Перми въ Камскую (Великую) шель по р. Вычегдѣ отъ Сольвычегодска до устья р. Сысолы, затѣмъ по этой рѣкѣ до волока, откуда онъ направлялся до перваго Пермскаго погоста Гайнъ и по р. Камѣ до Соликамска. На этомъ пути лежало и донынѣ существуетъ село Ужга, конечный сѣверный пунктъ на р. Сысолѣ для тогдашнихъ Пермскихъ ямщиковъ, въ зимнее время. Пермичи жаловались царю въ такихъ словахъ: „Ѣздятъ де съ Москвы въ Сибирь, лѣтнимъ водянымъ путемъ, наши посланники и гонцы, и дѣти боярскіе съ опалными людьми, и стрѣльцы и казаки на Соль на Вычегощую, а отъ Соли отъ Вычегодкія емятъ по подорожнымъ у ямскихъ старость гребцовъ до Камскія Соли; и какъ де тѣ служивые люди доѣдутъ до перваго до Пермскаго погоста до Гаенъ, не доѣхавъ до Камскія Соли за 230 версть, и тутъ де.... Усоля Вычегощкаго гребцы отъ служивыхъ людей откупаются и назадъ къ себѣ воращаются, а наемъ емятъ тѣ Усоля Вычегощкаго гребцы у ямскихъ старость до Соли до Камскія; а служивые де люди емятъ въ тѣхъ во окупныхъ гребцовъ мѣсто насильствомъ, по посуломъ, Пермскихъ Гаенскихъ крестьянъ до Камскія Соли, и у тѣхъ де Перм-

*) «Акты Археогр. Экспед.» II, № 54, стр. 123. Данныя о населеніи и доходахъ Чердынс. края см. въ III вып. «Пермс. Старинны».

**) Грамоту см. въ «Актахъ Археогр. Экспед.», т. II, № 50, стр. 116—117.

скихъ Гаенскихъ крестьянъ *отъ служивыхъ людей насилства пашни залежи впуссть*“. Грамота предписываетъ впредь такого насилства не допускать. Изъ другой грамоты отъ мая 1607 г. на имя кн. Вяземскаго *) мы узнаемъ и причину побѣговъ Соликамскихъ ямщиковъ, за что Пермскій воевода получилъ изъ Москвы столь обидный выговоръ. Изъ Вятки были присланы ямщики для поселенія въ Соликамскѣ съ условіемъ, чтобы дворы для нихъ выстроили ихъ земляки „Вятскими сохами“. Послѣдніе отказались исполнить это, и ямщиковъ пришлось устроить мѣстными средствами. Недовольные тѣмъ, что „Вятчане ямщикомъ посямѣста дворовъ не ставятъ“, Вятскіе ямщики послали изъ Усолья жалобу какъ на это, такъ и на то, что „ѣздятъ де въ Сибирь воеводы и дѣти боярскіе, и стрѣльцы и казаки, и пріѣхавъ де къ Соли Камской покупаютъ себѣ мяса, и сукна, и масло, и сало, и холсты, и кладутъ на ихъ подводахъ, а *иные съ собою емлютъ великіе вьюки, да на тѣхъ же де вьючныхъ кладяхъ сами сидятъ, и ихъ де подводы отъ тяжелыхъ кладей и ото вьюковъ до Верхотурья не доходятъ*; да у нихъ же де стрѣльцы и казаки емлютъ насилствомъ подводы мимо подорожныхъ, да себѣ *правятъ на нихъ денегъ и кормовъ и насилство всякое чинятъ*“. Грамота предписывала не допускать впредь подобныхъ насилствъ.

Таковы были экономическія условія Пермскаго края въ Смутное время, при которыхъ приходилось немедленно удовлетворять всѣ чрезвычайныя требованія правительствомъ денегъ и людей. Какъ видимъ, Пермь Великая, какъ городъ поморскій, обязанный постоянно служить интересамъ Сибири, на пользу которой онъ еще до смутной эпохи принесъ значительныя жертвы, — находился въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ. Доходы казны съ этого города и уѣзда въ началѣ XVII в., указанные нами подробно въ III выпускѣ изданія,

*) Напечатана во II томѣ «Актовъ Археогр. Экспед.» подъ № 71, стр. 162—163. Число мѣсяца не показано.

были не велики—до 300 руб. тогдашнихъ или около 3600 р. нынѣшнихъ*), но при суровыхъ климатическихъ условіяхъ и не особенно обильныхъ ежегодныхъ урожаяхъ хлѣба и эта сумма для Чердынскаго края не была мала. Мы видѣли, что даже Вологда платила казнѣ меньше**). Все это нужно принимать во вниманіе, что бы справедливо судить о дѣятельности Пермскихъ воеводъ Смутнаго времени, независимо отъ ихъ личныхъ нравственныхъ качествъ, а также объ участіи всей Пермской земли въ общемъ дѣлѣ спасенія отечества въ самые бѣдственныя для него годы. Укажемъ теперь дальнѣйшія требованія правительства отъ Пермичей въ 1607 и слѣдующихъ годахъ.

Въ маѣ 1607 г. послѣдовала опять грамота о сборѣ съ Пермской земли ратныхъ людей 70 человекъ „съ луки или съ пищальми и съ топоры и съ рогатинами и со всякимъ ратнымъ оружіемъ“. Ихъ велѣно было сплавить въ Пермскихъ легкихъ стругахъ Камою, Волгою и Окою до Коломны. Запасъ велѣно дать съ Перми на все лѣто и до осени. Требованіе ратныхъ людей на этотъ разъ сопровождалось однако оговоркою, что если люди будутъ наниматься дорого, по 3 и по 4 рубля въ мѣсяць, „и въ томъ Пермской землѣ будутъ убытки великіе“ (значить, земля нанимала людей на свой счетъ), то людей велѣно не наймовать; „а велѣли за тѣхъ ратныхъ людей взяти деньгами, по меньшому найму, на три мѣсяцы, по два рубля на мѣсяць, а въ то мѣсто велимъ наняти ратныхъ охочихъ людей на Москвѣ и по городомъ“***). 26 мая того же года въ Перми получена была другая грамота о сборѣ ратныхъ людей на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ предъидущей, безъ указанія числа людей, но со ссылкою на прежнюю грамоту (т. е. или доставить 70

*) «Пермс. Стар.» III, 17 и 116.

**) Тамъ же, стр. 18

***) Грамоту отъ мая 1607 г. см. во II томѣ «Актовъ Археогр. Экспед. № 70, стр. 162.

человѣкъ, или деньги за нихъ)*). Наконецъ 10 декабря того же 1607 года кн. Вяземскій получилъ изъ Москвы третью грамоту все по тому же дѣлу**), но уже съ прямымъ требованіемъ денегъ за 70 человѣкъ, по два рубля за человѣка въ мѣсяцъ, а въ три мѣсяца по 6 руб. за каждого, т. е. всего требовалось прислать 420 рублей! По тому времени это былъ весьма чувствительный поборъ, тѣмъ болѣе, что одновременно грамота требовала непремѣнно прислать и обыкновенные доходы съ Пермской земли за 1607 годъ. Чтобы Пермичи не вздумали и на этотъ разъ уклониться отъ присылки денегъ, за ними присланъ былъ изъ Москвы недѣльщикъ Дружина Непейцынъ. Онъ долженъ былъ собрать деньги съ Перми, Кайгорода и съ Усолья Камскаго, подъ опасеніемъ опалы на князя Вяземскаго въ случаѣ недоимки. Эта грамота ясно говоритъ, что Пермичи предпочитали платить за людей деньги и рѣшительно отказывались посылать на помощь Москвѣ ратныхъ людей, „для того, что *имъ, Пермичамъ, ратные люди наймомъ ставятся дорого, противъ того втрое и болши*“. Причиною этого запрашиванія большого жалованья за ратную службу могла быть отдаленность края отъ центра государства и связанная съ нею дороговизна предметовъ первой необходимости. Припомнимъ опять, что мѣстныя средства Пермской земли еще въ предыдущее десятилѣтіе были сильно истощены слишкомъ частыми требованіями людей, денегъ и разныхъ припасовъ на постройку новыхъ Сибирскихъ городовъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. Пермскій край пережилъ бурное время Сибирскаго взятія. Принимая это во вниманіе, мы приходимъ къ убѣжденію, что воевода князь Вяземскій дѣйствительно былъ въ затруднительномъ положеніи и не могъ быстро исполнять требованія правительства, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Само правительство, повидимому, убѣдилось

*) Тамъ же, II, № 72, стр. 163—164.

**) См. ее во II томѣ «Актовъ Историческихъ», № 84, стр. 113—114.

наконецъ въ этомъ и съ конца 1607 года стало дѣлать возможныя облегченія въ своихъ дальнѣйшихъ требованіяхъ по отношенію Пермскаго края. Приведенныя доселѣ свидѣтельства актовъ того времени не даютъ пока намъ никакого основанія заподозривать Пермичей въ нежеланіи помогать отечеству.

Сказанное подтверждается и дальнѣйшими актами, относящимися до Соликамскаго яма. Мы уже привели содержаніе грамоты отъ 23 іюня 1607 г. съ выговоромъ кн. Вяземскому за неисправное состояніе этого яма. Ровно чрезъ мѣсяцъ, 23 іюля, на имя того же воеводы изъ Москвы опять посылается грамота съ еще болѣе рѣзкимъ замѣчаніемъ ему*). Причиною его была жалоба царю Хлыновскаго земскаго старосты Морозова и въ лицѣ его всѣхъ Вятчанъ, будто Великопермскій воевода „стакався съ Пермичи, Вятскихъ ямскихъ охотниковъ 45 человекъ (въ Соликамскѣ поселенныхъ) бьетъ и мучитъ безъ вины напрасно для того, чтобъ тѣ ихъ охотники съ иму разбрелися, а гонбу бѣ гоняти Пермичамъ посадскимъ людемъ и волостнымъ крестьяномъ по прежнему, а не ямщикомъ; а съ Вятки бѣ имати имъ прогонныя денги, приклепывая прогоновъ, и корыстоваться тѣми денгами самимъ“ .... Далѣе со словъ Вятчанъ исчисляется еще нѣсколько насильствъ со стороны Великопермскаго воеводы. Въ Москвѣ, въ Новгородской чети, гдѣ засѣдали тогда дѣяки Григорій Елизаровъ и Андрей Ивановъ, даютъ вѣру показаніямъ Вятчанъ, какъ можно думать, сильно преувеличивавшимъ личную вину кн. Вяземскаго, которому и дѣлается въ царской грамотѣ такое внушеніе: *„И ты то дѣлаешь не гораздо, дуростью и воровствомъ, норовячи Пермичамъ по посуломъ.... И ты бѣ впередъ такъ не дуровалъ“*. Другою грамотою на имя князя Вяземскаго отъ 18 октября 1607 г.**), уже безъ

*) Эту грамоту см. во II томѣ «Актовъ Археогр. Экспед.» подъ № 78, стр. 170—172.

***) Тамъ же, II, № 80, стр. 172—173.

малѣйшихъ упрековъ его личности, предписывалось мостить и править новую дорогу отъ Соликамска до Верхотурья Чердынцамъ, Усольцамъ и Кайгородцамъ, а никакъ не Вятскимъ ямщикамъ, на коихъ Пермичи хотѣли сложить эту повинность, такъ какъ, по словамъ грамоты, „ямщики нигдѣ мостовъ не мостятъ“. Наконецъ отъ 2 декабря 1607 г. изъ Москвы посылается кн. Вяземскому третья грамота по этому дѣлу*), совершенно противорѣчащая первой отъ 23 іюля и *вполнѣ оправдывающая воеводу кн. С. Ю. Вяземскаго*. Этою грамотою повелѣвалось „въ Перми ямская конба конять, подводы отпускатъ во всякіе отпуски Пермичамъ по прежнему, а съ Вятки охотникомъ не быти... а для тѣхъ же всякихъ отпусковъ Пермичамъ о денгахъ къ тебѣ нашъ указъ посланъ“. Очевидно, кн. Вяземскій представилъ въ Москву свои объясненія по поводу жалобы изъ Вятки, которыя были сочтены заслуживающими уваженія, а Вятчане признаны „неправыми“. Изъ предъидущаго изложенія фактовъ того времени можно, полагаемъ, видѣть, въ какомъ затруднительномъ положеніи дѣйствительно находился тогда Великопермскій воевода, князь Семень Юрьевичъ Вяземскій.

Наступилъ 1608-й годъ, а съ нимъ и новое воеводство въ Перми Великой *Федора Петровича Акиноова* въ сослуженіи съ подьячимъ Наумомъ Романовымъ. Подобно предъидущему, это воеводство продолжалось почти 2 года—до начала 1610 года, при чемъ кн. Вяземскій въ концѣ марта еще упоминается въ Чердыни. Между новыми правителями Перми Великой въ первое время не было согласія, что на первыхъ же порахъ вызвало жалобу воеводы Акиноова на подьячаго Романова въ самоуправствѣ, послѣдствіемъ чего была грамота на имя Наума Романова съ предписаніемъ „безъ Федора (Акиноова) никакихъ дѣлъ не дѣлать, и розни межъ собою

*) Тамъ же, II, № 82, стр. 176.

ни въ чемъ не чинить“, подь опасеніемъ ссылки въ Сибирь его, Наума Романова: „и тебѣ изъ Перми за то быти сослану въ Сибирь“, грозитъ грамота отъ 24 августа 1608 на имя подъячего *). Далѣе мы не встрѣчаемъ такихъ несогласій между Акинѣевымъ и Романовымъ.

Съ Сибирью у нихъ въ первый же годъ завязалось крупное дѣло: еще прежнему воеводѣ кн. Вяземскому дана была отъ 24 декабря 1607 г. грамота, до насъ не дошедшая, которою повелѣвалось собрать съ Пермской земли для Сибири „по сошному розводу“ на 1608 годъ хлѣбныхъ запасовъ: 747 четвертей муки ржаной и по 183 четверти крупъ и толокна; а Пермичамъ за тѣ запасы дать деньги изъ Пермскихъ денежныхъ доходовъ 117 рублей 22 алтына 4 деньги. Кн. Вяземскій точно исполнилъ это распоряженіе и отправилъ запасы на Верхотурье 15 февраля 1608 г. съ тремя цѣловальниками: Чердынскимъ, Никитою Мартыновымъ, 533 чет. съ осминою ржаной муки и по 130 чет. крупъ и толокна, Кайгородскимъ Якушомъ Пупышевымъ 106 чет. съ осминою и съ пудомъ ржи и по 26 чет. крупъ и толокна и съ Усольскимъ Оеонькою Рубцовымъ по столько же, при чемъ заплатилъ сполна и всѣ деньги за хлѣбъ Пермичамъ, о чемъ и отписалъ въ Москву 25 марта 1608 г. Но упомянутые цѣловальники доставили на Верхотурье только 284 чет. муки и по 100 четвертей крупъ и толокна; остальной же хлѣбъ, какъ думали въ Москвѣ, „Пермичи воровствомъ для своеѣ корысти, . . . на Верхотурье привезчи, испродали“. Акинѣеву и Романову велѣно было про то сыскать подлинно и отписать въ Москву, въ Новгородскую Четверть, дьякамъ Григорію Елизарову и Андрею Иванову **). Подозрѣніе заявлено было на Пермскихъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ Авдѣя Паламожнаго и Семена Новикова и на Пермичъ Алексѣя

*) Во II томѣ «Актовъ Археогр. Эксп.» подь № 86, стр. 178—179.

**) Дѣло изложено въ двухъ грамотахъ воеводѣ Акинѣеву отъ 11 августа и 7 сентября 1608 г., которыя см. въ «Акт. Арх. Эксп.» II, №№ 91 и 94.

Дубровина съ товарищи, которые будто-бы „корыстовались казною“, состоя въ головахъ и цѣловальникахъ, и въ прошлыхъ 1606—1607 г.г. *украли изъ казны больше 300 рублей.* Виновныхъ велѣно было представить въ Москву для допроса*), но чѣмъ кончилось это дѣло—остается неизвѣстнымъ. Это дѣло любопытно въ бытовомъ отношеніи и показываетъ, сколько хлѣба шло въ Сибирь съ Пермской земли въ годъ**), и во что обходилась эта доставка мѣстной казнѣ.

Послѣ того какъ изъ Перми былъ отправленъ въ Сибирь годовой транспортъ хлѣба стоимостью свыше 117 руб., а изъ Чердынской казны въ теченіе двухъ предъидущихъ лѣтъ было украдено больше 300 руб., какіе мѣстные ресурсы могли оставаться у воеводы Акинѣова на покрытіе дальнѣйшихъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызывавшихся тогдашними внутренними смутами въ государствѣ? Лучше - ли было положеніе Акинѣова по сравненію съ кн. Вяземскимъ? А между тѣмъ изъ Москвы приходили все новыя и новыя требованія помощи. Отъ 7 сентября 1608 г.***) требовалось немедленно доставить въ Москву, въ виду нужды въ деньгахъ, всѣ недоимки за прошлый и сборы за текущій годъ, слѣдовавшіе съ Перми. Такъ какъ сентябрьскій 1608 годъ только начинался, то значить *деньги требовались впередъ*: „а велѣли бы естя тѣ денги сбирати, для поспѣшенья, на лутчихъ людехъ,.... а достальныя бы естя велѣли добирати съ великимъ радѣньемъ“. Можетъ быть, лучшіе люди и внесли деньги впередъ, а относительно прочихъ это весьма сомнительно; недоимки съ нихъ скорѣе числились по прежнему. 15 декабря того же года въ Пермь прибылъ изъ Сольвычегодска посадскій Шумилко Михайловъ съ отпискою изъ того города отъ

---

*) Изъ третьей грамоты ему же отъ 4 октября, которую см. тамъ же, подъ № 97.

**) Изъ грамоты отъ 29 мая 1607 г. мы видѣли, что на 1607 годъ съ Перми взято было хлѣба 700 чет. муки ржаной и по 100 четъ крупъ и толокна.

***) Эта грамота на имя Акинѣова и Романова помѣщена во II томѣ «Актовъ Археогр. Эксп.» подъ № 87, стр. 179.

6 декабря, въ которой Сольвычегодцы извѣщали Пермскаго воеводу Акинѳова о необходимости собрать съ малые сошки по 10 человѣкъ на государево дѣло, присовокупляя, что они уже собираютъ людей съ своего Усольскаго уѣзда и съ города, и что такія же отписки ими посланы на Вымь и вообще на рѣку Вычегду того же 6 декабря *). Акинѳовъ и Романовъ отвѣчали въ Сольвычегодскъ воеводѣ Поспѣлу Извольскому, Никитѣ и Максиму Строгановымъ, что отписку ихъ они „въ Перми Великой во всемъ народѣ чтили, и Перми Великіе старосты и цѣловальники, и всѣ лутчіе и середніе посадцкіе люди, и волостные крестьяне, выслушавъ вашу отписку и все письмо, сказали всѣ единогласно, что они, всѣ православные крестьяне Пермскіе земли, рады всѣ за государя царя и в. к. Василія Ивановича всеа Русіи стоять, помня его государево крестное цѣлованіе, и единодушно за его государя... и за православную вѣру стоять и умереть, и съ вами съ Вычегжаны, и съ Устюжаны, и съ Вологжаны, единомышленно стоять“ **). Далѣе отписка, посланная съ цѣловальникомъ Семеномъ Серебренниковымъ, извѣщаетъ, что въ Перми ратные люди уже собираются и имѣютъ отправиться въ Москву, о чемъ Пермичи просятъ Сольвычегодцевъ увѣдомить Устюгъ, Вологду, Тотьму и Галичъ. Этотъ документъ служить опроверженіемъ мнѣнія нашихъ историковъ, будто Пермичи постоянно оставались холодны, равнодушны къ общему дѣлу. Они дѣйствительно замедляли помощью вслѣдствіе своей отдаленности и затруднительнаго матеріальнаго положенія, зависѣвшаго отъ исключительныхъ мѣстныхъ условій, которыя указаны нами выше. Духъ патріотизма, готовность ратовать за общее дѣло не былъ однако совсѣмъ чуждъ имъ, что они и раньше доказали многократнымъ участіемъ въ Сибирскихъ дѣлахъ. Но печальныя исключенія среди

*) См. отписку въ Пермь во II томѣ «Актовъ Историч.» № 109, стр. 139.

**) Отвѣтную отписку въ Сольвычегодскъ отъ 15 декабря 1608 г. см. тамъ же, II т., № 115, стр. 144.

Чердынцевъ дѣйствительно встрѣчались. Семень Серебренниковъ доставилъ отписку Пермичей въ Сольвычегодскъ 24 декабря 1608 г., и въ тотъ же день Вычегодцы снова посылають съ нимъ свою вторую отписку съ извѣстіемъ, что они „собрали ратныхъ людей со всякимъ боевымъ оружіемъ, съ малыя сошки по 4 человекъ и слишкомъ, а сѣтся на малую сошку у насъ всего по 80 четвертей; а Максимъ и Никита и Андрей да Петръ Строгановы собрали по 5 человекъ и слишкомъ съ такихъ же съ малыхъ сошекъ“ *); что первый отрядъ ратныхъ людей вышелъ отъ нихъ 30 октября, другой 16 декабря, и съ ними отправлено „городового снаряду 3 пушечки и съ ядры и съ зельемъ“; что въ тотъ же день 24 декабря они получили двѣ грамоты изъ Устюга Великаго, копіи съ которыхъ и прилагають къ своей отпискѣ, наконецъ—что съ Выми, Вычегды и Сысолы ратные люди пошли 18 декабря. Въ упомянутыхъ копіяхъ съ грамотъ сообщалось о положеніи дѣлъ во внутренней Россіи. Одна грамота писана была на Устюгъ отъ князя Скопина-Шуйскаго, другая—изъ Вологды. Такъ въ этихъ сборахъ закончился для Перми Великой 1608-й годъ и начался слѣдующій.

Въ январѣ 1609 Усольцы въ лицѣ своего старосты Василя Елисеѣва писали въ Чердынъ воеводѣ Акинѣову, что для найма ратныхъ людей имъ мало разрѣшенныхъ къ употребленію на этотъ предметъ 100 руб. изъ кабацкихъ сборовъ по Усолю Камскому и просили прислать имъ еще 60 руб. съ подателемъ ихъ отписки Соликамскимъ посадскимъ человекомъ Степаномъ Холкой, что Акинѣовъ и исполнилъ съ условіемъ, чтобы Усольцы „отпустя ратныхъ людей, тѣ государевы денги 160 рублей на міру собрали *тотчасъ* и прислали въ государеву казну въ Чердынъ“ **). 11 января

*) Эту вторую отписку Вычегжанъ см. во II томѣ «Актвъ Арх. Эксп.» № 94, стр. 190.

**) Отписку Акинѣова Елисеѣву отъ 10 января 1609 г. см. во II томѣ «Актвъ Историч.» подъ № 133, стр. 156.

1609 г. ратные люди выступили наконецъ изъ Соликамскѣ по направленію къ Кайгороду чрезъ погостъ Вильву и деревню Уролку. Въ погостѣ Вильвѣ произошло замѣшательство вслѣдствіе отказа крестьянъ тотчасъ дать подводы ратнымъ людямъ по подорожной, почему послѣдніе могли отправиться въ Уролку (въ округѣ погоста Пянтѣгъ) только 12 числа, о чемъ Василій Елисѣевъ и отписалъ въ Чердынь Акинѣову въ тотъ же день*). Изъ Чердыни же ратные люди выступили 8 января, какъ писалъ отъ 17 числа Акинѣовъ Устюжскому воеводѣ Стрѣшневу, спрашивая его вмѣстѣ съ тѣмъ, безопасно-ли будетъ теперь послать Устюжскою дорогою изъ Перми Великой государеву денежную казну и смѣтный списокъ прошлаго 1608 года, согласно требованія упомянутой выше царской грамоты отъ 7 сентября 1608 года**). Акинѣовъ извѣщалъ Стрѣшнева и о томъ, что людей съ Перми Великой имъ собрано противъ прежняго указа вдвое. Итакъ Великопермскій воевода исполнилъ всѣ требованія правительства безъ особеннаго замедленія; для болѣе быстрого исполненія ихъ, какъ мы видимъ, онъ рѣшительно не имѣлъ возможности по мѣстнымъ условіямъ. Дальнѣйшее замедленіе въ доставкѣ государевой казны совершенно не зависѣло отъ него. На предусмотрительный запросъ Акинѣова Устюжскій воевода Иванъ Стрѣшневъ отвѣчалъ ему: „И вамъ бы, господине, *тѣмъ нынѣ вскорѣ не поспѣшити, государевы денежныя казны до государева . . . (новаго) указу нынѣ не посылати, потому что наша Устюжская дорога всего до Вологды чиста, а далъ нынѣ ѣхати нельзя*“***).

Въ тотъ самый день, какъ Стрѣшневъ писалъ эти слова Акинѣову, т. е. 25 января 1609 года, въ Кайгородокъ пріѣхалъ Вятчанинъ Чурыгинъ и сказалъ, „что де въ Чер-

*) Эту обратную отписку отъ 12 января см. тамъ же, подъ № 135, стр. 157—158. О Вильвѣ и Уролкѣ см. «Пермс. Стар.» III, 78—79 и 85.

***) Отписка Акинѣова Стрѣшневу отъ 17 января 1609 г. въ «Актахъ Историч.» т. II, № 138, стр. 160.

***) Эта обратная отписка отъ 25 января тамъ же, № 141, стр. 163.

мисть стоять воры, а хотятъ тѣ воры, съ Черемисою соединясь, воевать государеву... отчину, итти на Вятку“. „И мы, отписывали Кайгородцы Акинеову*), по тѣмъ его рѣчемъ, послали на Вятку скорога гонца для отвѣстія, потому что *въ прежнихъ годѣхъ та Черемиса въ Кайгородокъ воемъ бывала*“. Въ виду прибытія изъ Соликамска ратныхъ людей, Кайгородцы въ той же отпискѣ просили Акинеова, какъ главнаго начальника Перми Великой, освободить ихъ отъ поставки подводъ на этихъ людей, за ихъ оскудѣніемъ, и дать имъ заимообразно 60 руб. для найма такихъ же ратниковъ и въ ихъ Кайгородскомъ уѣздѣ. „А какъ ратныхъ людей на государеву службу отпустимъ, и мы въ то мѣсто денги соберемъ да къ вамъ пришлемъ тотчасъ“, писали Кайгородцы и въ заключеніе спрашивали, сколько слѣдуетъ имъ собрать хлѣбныхъ запасовъ для Сибири и сколько „плотниковъ отпустить, по счету съ Чердынцы и съ Усолцы“? Воевода въ отвѣтной памяти Кайгородцамъ отъ 28 января выражаетъ свое неудовольствіе по поводу уклоненія ихъ отъ поставки подводъ для Усольскихъ ратныхъ людей. „*А Чердынскіе ратные люди, пишутъ онъ, идутъ ко государю на помощь на своихъ лошадахъ*“. Акинеовъ снова предписываетъ Кайгородцамъ дать Усольцамъ подводы, а за деньгами послать въ Чердынъ двухъ лучшихъ земскихъ людей; Сибирскіе же запасы готовить противъ указа 1608 г. *Такъ-то составилось наконецъ второе Пермское ополченіе въ 1609 году*. Изъ за Кайгородцевъ дѣло на этотъ разъ дѣйствительно замялось, да и Чердынцы скоро оказались неисправны, какъ увидимъ ниже. Поэтому Вычегодцы въ лицѣ воеводы Извольскаго и четырехъ братьевъ Строгановыхъ имѣли основаніе жаловаться на Пермичей въ своей отпискѣ къ Устюжанамъ отъ 26 января 1609 года**). Эта-то отписка и дала историку С. М. Соловьеву поводъ высказаться слишкомъ

*) Отписка Кайгородцевъ Акинеову отъ 25 января и отвѣтная изъ Чердыни память отъ 28 января напечатаны тамъ же подъ однимъ № 142, на стр. 163—165.

***) См. ее во II томѣ «Актовъ Историч.» подъ № 143, стр. 165—166.

рѣзко о Пермичахъ. Для насъ однако слишкомъ ясны теперь нѣкоторыя преувеличенія Вычегодцевъ въ ихъ обвиненіяхъ Пермичей. Такого упрека заслуживаютъ однако, какъ увидимъ ниже, не всѣ Пермичи и не тогдашній ихъ воевода Акинѣевъ, который по мѣрѣ возможности спѣшилъ, какъ мы видѣли, исполненіемъ всѣхъ требованій; только не всѣ окружавшіе его люди оправдывали его надежды, и не вездѣ скоро исполнялись его распоряженія при разбросанности его воеводства на значительномъ пространствѣ. Въ чемъ же обвиняли Сольвычегодцы Пермичей предъ Устюжанами? Жалуюсь, что они уже три раза писали въ Пермь о сборѣ ратныхъ людей, они заявляютъ, что Пермичи и послѣ третьей отписки къ нимъ отъ 20 января 1609 г.*) „по то число ратныхъ людей къ государю на помощь не посылавали, да и по сю пору ихъ ратные люди мимо насъ не прохаживали ниодинъ человекъ, и государевымъ ратнымъ дѣломъ не радѣютъ и не промышляютъ... и то государево великое дѣло ставятъ въ оплошку“. Далѣе они сообщаютъ, что сего 26 января, когда писана эта отписка, изъ Перми въ Сольвычегодскъ пріѣхалъ Никиты Строганова человекъ Шумило Швець и сказалъ, будто „въ Перми ратныхъ людей не нанято ниодного человека, а пишутъ они, Пермичи, къ намъ и къ вамъ на Устюгъ ложно, словомъ, а не дѣломъ, все ставятъ въ откладку, чтобъ имъ ратныхъ людей не послати“. Вотъ изъ какого источника шли столь недобрыя вѣсти про Пермичей. Но не ясно-ли, что Строгановскій человекъ Шумило Швець, повѣривъ какимъ-то слухамъ, или же изъ другихъ побужденій сказалъ совершенную неправду про воеводу Акинѣева, который подобно Василию Пелешелицыну не любилъ, можетъ быть, угождать Строгановымъ въ Перми Великой? Не ясно-ли, что сами Вычегодцы слишкомъ скоро довѣрились этому человеку, не провѣривъ его показаній? Какъ могъ писать Акинѣевъ

*) Она напечатана въ «Актахъ Археогр. Экспед.», т. II, № 102, стр. 199—201.

Стрѣшневу на Устюгъ, что Чердынцы ратные люди вышли въ походъ 8 января, а затѣмъ извѣщать о томъ же и *подчиненныхъ ему Кайгородцевъ, упрекая послѣднихъ въ несправности?* „И вы то дѣлаете не гораздо, писалъ Акинеовъ Кайгородцамъ 28 января,—что такимъ государевымъ великимъ ратнымъ дѣломъ не радѣете, Усоля Камского ратнымъ людямъ подводъ не даете. А въ Пермь пишутъ ко государевымъ приказнымъ людямъ, къ Ѳедору и къ Науму, съ Устюга Великого и отъ Соли Вычегодскіе . . . о ратныхъ людехъ и гонцовъ нарочныхъ присылають. . . . И какъ къ вамъ ся память придетъ, *и вы бѣ тотчасъ Усоля Камскаго ратнымъ людямъ подводы по подорожной даи, да и своихъ бы есте ратныхъ людей съ Кайгородскіе домъ, собравъ тожъ число, что и съ Усоля Камского, отпустили* ко государю царю и в. кн. Василью Ивановичю всеа Русіи, *на помощь, къ Устюгу Великому, за Усольскими ратными людьми, не мѣшкая ни часу*“. (Изъ памяти отъ 28 января 1609 г. подъ № 142). Эти слова воеводы Акинеова къ подчиненнымъ ему людямъ лучше всего доказываютъ какъ правоту его дѣйствиій, такъ и клевету Шумилы Швеца, которой слишкомъ неосторожно и преждевременно повѣрили въ Соль-Вычегодскѣ. Уже 1 февраля 1609 г. Кайгородцы отписывали въ Пермь, „всей Пермской Чердынской землѣ“*), что въ тотъ же день они получили изъ Вятки отъ воеводы князя Михайла Ѳедоровича Ухтомскаго да Василья Иванова и отъ всей Вятской земли утѣшительныя вѣсти о положеніи дѣлъ какъ у нихъ, такъ и въ Черемисской странѣ, о повсемѣстномъ побіеніи воровъ и измѣнниковъ и т. д. Еще раньше Кайгородцевъ, а именно 26 января, самъ кн. Ухтомскій о томъ же извѣщалъ Пермичей особою отпискою**); князь же Ухтомскій, въ свою оче-

*) Отписка отъ 1 февраля 1609 г. съ приложеніями напечатана въ «Актахъ Историч.», т. II, № 145, стр. 167—170.

***) Эту отписку съ приложеніями см. во II томѣ «Актовъ Археогр. Экспед.», подъ № 104, стр. 203—206.

редь, получилъ извѣстіе отъ Нижегородскихъ воеводъ князя Александра Репнина и Андрея Алябьева да дьяка Василя Семенова, приглашавшихъ Вятчанъ и ихъ сосѣдей ополчиться на враговъ сообща, единодушно. Но Пермскіе ополченцы уже были въ походъ, о чемъ воеводѣ Акинѣову оставалось только отписать какъ на Вятку, такъ и прямо въ Нижній Новгородъ, гдѣ могли еще не знать объ этомъ. Обѣ отписки Акинѣова на имя воеводъ: Вятскаго—кн. Ухтомскаго и Нижегородскаго—кн. Репнина были посланы въ первыхъ же числахъ февраля 1609 г *). Тѣмъ болѣе въ Москвѣ ничего еще не знали о выходѣ ратныхъ людей изъ отдаленной Пермской земли, почему въ томъ же февралѣ туда посылается новая грамота съ просьбою о поспѣшеніи**). На эту царскую грамоту воевода Акинѣовъ отписывалъ въ Москву 8 марта 1609 г.***), что ратные люди Пермичи уже отпущены: Соликамцы и Кайгородцы съ головою *Симаномъ Докинымъ*, а Чердынцы—съ *Третьякомъ Михайловымъ*, посадскимъ челоувѣкомъ. „А велѣли, государь, тѣмъ ратнымъ людямъ итти къ тебѣ, ко государю, на помощь многими дорогами, распрашивая, куды бы имъ отъ воровъ итти къ тебѣ, ко государю, безстрашно, гдѣ свѣдаютъ твоихъ государевыхъ людей въ сборѣ. А въ Перми, государь, Великой единомышленно всѣ православные хрестьяне съ женами и съ дѣтьми за тебя (готовы) умереть и шатости во всемъ мірѣ никакія нѣтъ“, доносилъ въ Москву воевода Акинѣовъ.

Изъ другихъ документовъ выясняется однако, что среди Чердынскихъ ратниковъ и на этотъ разъ, какъ было при первомъ ихъ походѣ во главѣ съ Петромъ Благово осенью 1606 г., опять произошло какое-то замѣшательство. Несомнѣнно, что Третьякъ Михайловъ былъ уже вторымъ головой

*) Отписку на Вятку отъ 4 февраля см. въ «Актахъ Историч.» т. II, № 149, стр. 175, а таковую же въ Нижній—въ «Актахъ Археогр. Экспед.» II, № 105, стр. 206—207.

***) См. ее въ «Акт. Археогр. Эксп.» II, № 106, стр. 207—208.

***) См. тамъ же, № 110, стр. 211—213.

отряда, назначеннымъ съ 1 марта 1609 г. по особой памяти отъ воеводы Акинеова, которая сохранилась вмѣстѣ съ крестоцѣловальною записью *). Въ этой памяти говорится, что въ походъ отправлено съ Усолья Камского и Кайгорода 40 чел. и съ Чердыни 50 чел. „со всѣмъ ратнымъ оружіемъ“, противъ прежняго царскаго указа вдвое. Третьяку велѣно было идти съ Чердынцами „на помощь, не мѣшкая, днемъ и ночью, на Соль Вычегоцкую, а отъ Соли Вычегоцкія на Устюгъ Великой, а съ Устюга Великаго гдѣ свѣдаютъ (государевы) полки“, при чемъ дѣлалось предупрежденіе, чтобы Чердынцы дорогой сами не воровали; въ противномъ случаѣ „тотъ весь грабежъ велить государь доправити на немъ, Третьякѣ, и на тѣхъ ратныхъ людѣхъ вдвое, да ему жъ, Третьяку, за то быти отъ государя въ опалѣ“. Изъ всего этого явствуется, что Чердынскій отрядъ перваго прибора, вышедшій изъ Перми 8 января на своихъ лошадяхъ, едва-ли не разстроился дорогою, какъ было осенью 1606 года при Благово, и теперь Акинеову пришлось сдѣлать вторичный приборъ ратныхъ людей. Это видно и изъ дальнѣйшей отписки Устюжанъ къ Пермичамъ (Акинеову) отъ 17 марта 1609 г.**). Вотъ что между прочимъ писали они Акинеову: „А тому, Ѳедоръ, дивимся: писали вы къ намъ, по нашимъ ссылочнымъ грамотамъ, ещо въ великой мясоѣдъ (т. е. въ январѣ) о своихъ Пермскихъ ратныхъ людехъ, что вы въ Перми ратныхъ людей многихъ собираете;... и у насъ лишь объявилось ратныхъ людей изъ Кайгородка и отъ Соли Камскія, а Устюгъ проишл (они) на масленой недѣль, а изъ Чердыня отъ васъ ни одинъ человекъ не объявлялся и по сю нашу отписку, марта по 17-е число, и я (воевода Стрѣшневъ)

*) Напечатаны вмѣстѣ съ отпискою Акинеова въ Москву отъ 8 марта 1609 г. въ А. А. Экс. подъ № 110. Еще раньше память или наказъ Михайлову былъ напечатанъ въ «Собраніи Госуд. Грамотъ и Договоровъ», т. II, подъ № 176, а записъ—тамъ же подъ № 174.

***) См. ее въ «Актахъ Археогр. Экспед.», томъ II, № 111, стр. 213—214. Тутъ же, подъ № 112, см. и другую ихъ отписку Акинеову съ прилож. (стр. 214—215).

то ко государю писалъ имянно“. Ясно, что первый отрядъ, вышедшій изъ Перми 8 января, не достигъ своей цѣли и по примѣру 1606 г. возвратился, не дойдя до Устюга. Вотъ про это-то обстоятельство и слышалъ въ концѣ января Строгановскій человекъ Шумило Швецъ, сообщившій извѣстie въ Сольвычегодскѣ своимъ господамъ. Какъ видимъ теперь, воевода Акинѳовъ въ данномъ случаѣ былъ все таки не при чемъ: онъ въ свое время сдѣлалъ необходимыя распоряженія, но подборъ ратныхъ людей, какъ было и при его предмѣстникѣ, князѣ Вяземскомъ, опять оказался плохъ. Сами Чердынцы, хотя и прямившіе царю, не всегда умѣли выбирать изъ своей среды порядочныхъ людей, достойныхъ „великаго ратнаго дѣла“. Не забудемъ однако, что весь отрядъ ихъ состоялъ только изъ 50 человекъ (при кн. Вяземскомъ собрано было только 48 чел.). Не всѣ же Чердынцы были таковы, какъ показываетъ предъидущая исторія этого далекаго края, пережившаго въ XVI вѣкѣ столько испытаній.

25 марта 1609 г. царь Василій Ивановичъ прислалъ въ Пермь Великую новую грамоту о ратномъ сборѣ, которую Акинѳовъ послалъ для прочтенія въ Кайгородъ и Соликамскъ при особыхъ отпискахъ, съ предписаніемъ вездѣ служить молебны соборне*). Отъ 27 марта Акинѳовъ получаетъ изъ Вологды отъ воеводы Никиты Пушкина съ товарищи отписку**) съ извѣщеніемъ, что 21 марта на Вологду пришли ратные люди: Вымичи въ числѣ 66 чел. съ пятидесятникомъ Вымитиномъ Ив. Григорьевымъ, Соликамцы 20 чел. съ Симаномъ Докшинымъ и Кайгородцы 12 чел. съ десятникомъ Путилкомъ, и что съ Вологды эти люди посланы въ Костромской пригородокъ Любимъ на государеву службу, съ головою Волотцкимъ, послѣ чего Симанъ Докшинъ былъ отправленъ обратно въ Пермь съ разными грамотами и

*) Самая грамота не сохранилась, а отписки отъ 26 марта см. въ «Актахъ Историч.», т. II, № 179, стр. 208—209.

**) См. ее тамъ же, подъ № 180, стр. 209.

отписками, съ просьбою сдѣлать ихъ извѣстными во всей Пермской землѣ. Про отрядъ Чердынцевъ Вологжане ничего не писали. 1 апрѣля 1609 г. Акинѣевъ писалъ кн. Ухтомскому на Вятку, что онъ *вновь собираетъ ратныхъ людей Пермичей съ Сылвенскими и Иренскими Остяками да съ Вишерскими и Лозвинскими Вогуличами*, чтобы вмѣстѣ съ Вятчанами идти на Черемису, за что кн. Ухтомскій благодарилъ его отпискою *). О новомъ сборѣ людей Акинѣевъ писалъ и въ Устюгъ Великій въ отвѣтъ на Устюжскую отписку отъ 4 апрѣля 1609 г. **). 29 апрѣля Сольвычегодцы извѣстили Акинѣева, что дорога отъ Вологды къ Москвѣ очистилась, почему государеву казну можно везти изъ Перми безопасно ***). Эта отписка была послана въ дополненіе къ прежней отъ 25 января 1609 г., о которой сказано нами выше и которую посылалъ Акинѣеву Стрѣшневъ изъ Устюга; ясно, что и въ Сольвычегодскѣ объ этомъ Акинѣевъ также справлялся. Въ то же время между Вяткой и Пермью шла переписка о поимѣ въ г. Яранскѣ государевыхъ измѣнниковъ — Яранскаго писчика, соборнаго дьячка Павлика Мокѣева и Терскаго казака Петрушки Лукьянова, которыхъ кн. Ухтомскій прислалъ съ Вятскими пушкарями въ Чердынъ къ Акинѣеву, прося посадить Лукьянова въ тюрьму, а Мокѣева подвергнуть пыткѣ. Чердынскій воевода на это не согласился и отправилъ измѣнниковъ обратно съ тѣми же пушкарями, при чемъ на пути въ Вятку Павликъ отъ нихъ убѣжалъ. Кн. Ухтомскій за это упрекаетъ Акинѣева, а этотъ удивляется рзпоряженіямъ Вятскаго воеводы****). Въ концѣ апрѣля упомянутые выше Соликамцы 20 чел. и Кайгородцы

*) См. ее (число апрѣля не указано) въ «Акт. Арх. Эксп.» II, № 114, стр. 216.—217.

**) Отписку Акинѣева въ Устюгъ отъ 6 апрѣля см. въ «Ак. Ист.», II, № 190, стр. 221.

***) Отписку 29 апр. см. въ «Ак. Арх. Эксп.» подъ № 115, стр. 217 и слѣд.

****) Отписки по этому дѣлу см. въ «Актахъ Истор.», т. II, подъ № 203, стр. 234—236, и въ «Акт. Археогр. Экс.» II, № 117, стр. 222.

12 чел. пишутъ царю уже изъ Ярославля челобитную, проси или отнустить ихъ домой, за истеченіемъ срока службы, въ которую они зачислены съ 6 января 1609 г. (изъ Соликамска они вышли 11 января), или же прислать имъ деньги (жалованье) впередъ на нѣсколько мѣсяцевъ, по усмотрѣнію царя *). Конечно, Соликамцы и Кайгородцы въ числѣ 32 человекъ были задержаны на службѣ въ Ярославлѣ. 11 мая 1609 г. Устюжане въ новой отпискѣ Акиноѣву**) упоминаютъ о томъ, что за все время, съ января 1609 г., изъ Перми къ нимъ „объявилось“ 82 человекъ, въ числѣ которыхъ надо разумѣть и отрядъ въ 50 чел. Третьяка Михайлова (новаго прибора), прибывшій изъ Чердыни. Устюжане справедливо сѣтовали, что Пермь такъ мало помогаетъ людьми, тогда какъ изъ Устюга послана въ Ярославль уже пятая рать въ 500 человекъ. Нельзя дѣйствительно не признать, что участие Пермичей въ ратномъ дѣлѣ было очень небольшое. 13 мая и Сольвычегодцы посылаютъ въ Пермь отписку о присылкѣ ратныхъ людей въ Ярославль, который осаждали и частью даже заняли съ 30 апрѣля „воры и Литовскіе люди и казаки“; мѣстные же Ярославскіе воеводы князь Сила Гогаринъ и Никита Вышеславцевъ удержались только „въ меньшемъ острогѣ“, почему и просили о помощи. Убѣждая Пермичей также прислать ратныхъ людей на помощь Ярославлю, Вычегодцы извѣщали Акиноѣва, что они собираютъ ратныхъ людей въ четвертый разъ***). Въ іюнѣ 1609 г. Вычегоды посылаютъ въ Пермь еще отписку съ извѣщеніемъ, что они и Устюжане послали въ Ярославль, кромѣ людей, „городового всякаго наряду, и зелья, и селитры, и свинцу“ и съ просьбою къ Пермичамъ о такой же посылкѣ****). На обѣ эти отписки Пермичи отвѣчали отъ 14 іюня Вычегодскому

*) Челобитную см. въ «Акт. Истор.», II, № 204, стр. 236—237.

**) «Акты Истор.» II, № 214, стр. 252.

***) Отписку отъ 13 мая 1609 г. см. тамъ же, подъ № 216, стр. 254—255.

****) См. во II томѣ «Актовъ Арх. Экспед.» подъ № 123, стр. 228—231. Тутъ же приложены отписки въ Сольвычегодскъ изъ Ярославля и Устюга.

воеводѣ Поспѣлу Елисеѣвичу Извольскому, четыремъ братьямъ Строгановымъ и всѣмъ Сольвычегодцамъ, что ратныхъ людей они собираютъ (о чемъ Акинѣевъ писалъ и въ Вятку еще 1 апрѣля); „а городского, господа, у насъ наряду въ лишкѣ нѣтъ; что есть, и то надобно себя отъ воровъ оберегать, *потому что у насъ мѣсто порубежное, а иной у насъ городской нарядъ по государеву указу взять въ Сибирскіе города*“ *). Въ томъ же іюнѣ 1609 г. Акинѣеву посылаютъ отписку сами Ярославскіе воеводы кн. Сила Гагаринъ, Никита Вышеславцевъ, Овсѣй Рязановъ да Иванъ Озерецкій, извѣщая объ уходѣ Лисовскаго изъ подъ Ярославля къ Ростову Великому, о приближеніи изъ Новгорода къ Торжку кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго и т. д. и прося Пермичей замѣнъ убитыхъ ратниковъ прислать новыхъ **). Наконецъ въ томъ же іюнѣ (число опять неизвѣстно) въ Перми получена отписка Вологодскихъ воеводъ Никиты Пушкина и Рахманина-Воронова съ приложеніемъ царской грамоты отъ 15 мая, ими полученной, въ коихъ опять извѣщаются Пермичи о положеніи дѣлъ въ центральной Россіи ***) Тѣмъ временемъ Соликамцы въ лицѣ старосты Василья Елисеѣва просили царя и Чердынскаго воеводу дать имъ за оскуднѣніемъ займы изъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ денегъ на уплату жалованья за слѣдующіе мѣсяцы своимъ ратнымъ людямъ, оставленнымъ на службѣ подъ Ярославлемъ****), что по особой памяти и было разрѣшено имъ сдѣлать съ условіемъ возврата. Отъ 23 іюля 1609 г. Ярославскіе воеводы просятъ Акинѣева о немедленной присылкѣ денегъ изъ таможенныхъ, кабацкихъ и иныхъ доходовъ на жалованье ратнымъ людямъ *****). Въ августѣ эта просьба Ярославцевъ

*) Отписку Пермичей см. тамъ же, т. II, № 124, стр. 231.

**) См. тамъ же, II, № 125, стр. 231—233.

***) Тамъ же, т. II, № 126, стр. 233—235.

****) См. «Акты Историч.» II, № 230, стр. 270—272—челобитная, память и отписки отъ 2—8 іюня.

*****) «Ак. Ар. Эксп.» II, № 131, стр. 242.

была повторена *), а вслѣдъ за тѣмъ въ томъ же мѣсяцѣ (число опять неизвѣстно) самъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій шлетъ въ Пермь такую же просьбу съ подробнымъ изложеніемъ хода дѣлъ во внутренней Россіи; тогда же и Устюжане просятъ Пермичей о присылкѣ денегъ**), а Вычегодцы посылаютъ имъ 12 августа списокъ Вологодской отписки о взятіи М. В. Шуйскимъ Твери и государевой грамоты о положеніи дѣлъ въ государствѣ***). Со всѣхъ сторонъ поступали къ Акинѣову просьбы и убѣжденія о помощи. Что же предпринимаетъ онъ? Еще 14 іюля онъ предлагаетъ Соликамцамъ вновь собрать людей для посылки въ Ярославль, въ добавокъ къ прежнимъ людямъ, а „памятью“ на имя старосты Василья Елисѣева отъ 24 августа требуетъ немедленной присылки въ Чердынъ Усольскихъ денежныхъ доходовъ на 1609 годъ. Самъ же не исполняетъ обѣщанія, даннаго кн. Ухтомскому еще 1 апрѣля, собрать Пермичей съ мѣстными Вогулами и Остяками. *Въ дѣйствіяхъ Акинѣова не видно болѣе той распорядительности и необходимой поспѣшности, которую мы встрѣчали въ первый годъ его воеводства*; теперь, будучи осыпаемъ со всѣхъ сторонъ просьбами о немедленной помощи, онъ словно растерялся, опустил руки, впалъ въ какое-то бездѣйствіе, когда нужно было поступать какъ разъ наоборотъ. Видимо, всѣ постороннія заботы, не входившія въ кругъ обычныхъ воеводскихъ обязанностей, его тяготили, и онъ оказался ниже своего положенія въ столь трудное время. Спокойный за ввѣренный ему край, онъ сдѣлался апатиченъ къ положенію другихъ, крайне эгоистиченъ въ своихъ поступкахъ и своенравенъ. *Эта перемѣна въ немъ замѣчается съ весны 1609 года.*

---

*) Тамъ же, № 134, стр. 247.

**) Тамъ же, № 136, стр. 248—249 (отписка Шуйскаго) и № 137, стр. 250—53 (изъ Устюга).

***) Въ «Актахъ Историч.» II, № 253, стр. 299—301.

Бездѣятельностью Акинѣова особенно недовольны были Соликамцы, усерднѣе всѣхъ Пермичей служившіе ратному дѣлу. Мы сказали, что Акинѣовъ по особой памяти отъ 14 іюля потребовалъ отъ нихъ сбора добавочныхъ ратныхъ людей для посылки въ Ярославль. Это требованіе вызвало наконецъ смѣлый протестъ Соликамскаго судейскаго старосты *Василья Елисеѣва* съ товарищи, выраженный въ отпискѣ Акинѣову отъ 17 іюля 1609 г.*). Этотъ документъ настолько любопытенъ, что мы должны остановиться на немъ подробнѣе. На предложеніе Акинѣова Елисеѣвъ отписывалъ въ Чердынь: „И вамъ бы пожаловати (насъ) для государева дѣла, противъ нашего числа, зимнего отпуску, 20 чел. ратныхъ людей, что мы послали съ своея доли, съ Усолскіе землицы, съ полушты сошки, государю царю... на помощь 20 человекъ,— собрати противъ того въ дополнокъ, *что Чердынцы не дослали противъ нашего числа съ Перми съ Чердыни пятидесять человекъ, а съ Кайгородки 8 человекъ*; и собравъ тѣ ратные люди противъ нашіе Усолскіе землицы, съ тѣми ратными людьми *итти бы вамъ, Федоръ Петровичъ и Наумъ Романовичъ, которому нибуди, ко государю на помощь... А у насъ, господине, съ Усолскіе землицы... ратные люди въ прибавку государю на помощь тотчасъ готовы... И вы и зимнего отпуску, противъ нашего числа, съ Чердыни 50 чел., а съ Кайгородка 8 чел. ратныхъ людей не дослали. Такъ-ли государевымъ дѣломъ промышляютъ?*“ Далѣе Соликамцы указываютъ на то, что они раньше отправленнымъ своимъ людямъ уже послали 80 руб. денегъ на жалованье, и въ заключеніе ставятъ упрекъ Акинѣову, что онъ доселѣ не пересылаетъ въ Казань никакихъ вѣстей „и посямѣста, іюля по 14 число, въ Казань съ государевыхъ грамотъ списковъ не посылавали“. Повидимому, эта отписка подтверждаетъ показаніе Строгановскаго человекъ Шумилы Швеца въ Сольвычегодскѣ. Но

*) Въ «Актахъ Историч.» т. II, № 247, стр. 294—295.

дѣло въ томъ, что по расчету съ 5 жеребьевъ Чердынцы должны были послать 100 человекъ, а не 50. И мы видѣли, что Акинѳовъ зимой посылалъ Чердынцевъ ратныхъ людей, но кажется они вернулись съ пути самовольно, послѣ чего вновь собрано было 50 чел., которые и прошли чрезъ Устюгъ съ головою Третьякомъ Михайловымъ, о чемъ сами Устюжане упоминаютъ въ отпискѣ Акинѳову отъ 11 мая 1609 г., о которой сказано выше *). Очевидно, Елисѣевъ не зналъ по-длинно объ этомъ, а относительно 8 Кайгородцевъ былъ правъ. Какъ видимъ, фактъ посланки Чердынскихъ 50 чел. не подлежитъ сомнѣнiю, разъ онъ засвидѣтельствованъ самими Устюжанами въ оффиціальной отпискѣ. Если слова Устюжской отписки: „объявилось 82 чел.“ понимать въ смыслѣ: „записалось“ въ ратники, то уже никакъ нельзя будетъ объяснить факта написанiя „памяти“ отъ 1 марта 1609 г. на имя Чердынскаго посадскаго человекъ Третьяка Михайлова и крестоцѣловальной приводной записи, списки съ которыхъ были посланы Акинѳовымъ въ Москву при отпискѣ отъ 8 марта (см. „Акты Ист.“ т. II, № 110, стр. 211—213). Въ концѣ этой отписки самъ же Акинѳовъ заявляетъ, что „въ Черми Великой единомышленно всѣ православные крестьяне за тебя, государя, умереть (готовы)“, что заявляется и во многихъ другихъ актахъ, нами упомянутыхъ, а въ такомъ случаѣ не за чѣмъ было воеводѣ уклоняться отъ дѣйствительнаго сбора людей, о которомъ онъ доносилъ царю; да и трудно допустить, что бы такъ нагло, фальшивыми актами, рѣшилсѣ воевода обманывать царя. Просто, Акинѳовъ запоздалъ на два мѣсяца съ посылкою своихъ Чердынцевъ второго сбора, а безуспѣшность первыхъ новобранцевъ породила неправильные слухи, будто воевода вовсе не посылалъ изъ Чердыни ратныхъ людей. Слово „объявилось“ въ смыслѣ „пришли“ мы встрѣчаемъ еще въ отпискѣ Устюжанъ отъ 17 марта.

*) 11 мая 1609 г. Стрѣшневъ писалъ Акинѳову: «И отъ васъ всего объявилось 82 человекъ», т. е. 50 Чердынцевъ, 20 Усольцевъ и 12 Кайгородцевъ.

Съ наступленіемъ 1610 сентябрьскаго года послѣдовала отставка судейскаго старосты и другихъ служилыхъ людей Усоля Камскаго. 24 августа 1609 г. воевода шлетъ туда память „старостѣ судетцкому Василью Елисеѣву, да таможеннымъ и кабатцкимъ цѣловалникомъ Ивану Филипову съ товарищи*“, въ которой писалъ, чтобы всѣ денежные доходы съ Соликамска на 1609 годъ и тѣмъ доходамъ книги и ратнымъ людямъ, по ряднымъ записямъ, мѣсячныя деньги были доставлены въ Чердынь. „Да Василью жъ съ товарищи и всѣмъ земскимъ людямъ выбрати ко 118 (1610) году на свое мѣсто старость и цѣловалниковъ, и къ таможенному сбору цѣловалниковъ, противъ прежнего, а выбравъ ихъ привести къ крестному цѣлованью; а кого именовъ въ старосты и въ цѣловалники выберуть—и Василью съ товарищи на тѣхъ выборныхъ людей прислати въ Чердынь.... выборъ; а государевыхъ кабатцкихъ запасовъ новымъ цѣловалникомъ для отводу будетъ къ Соли Наумъ Романовъ“.

Сибирскія дѣла въ свою очередь требовали обычной переписки и заботъ отъ воеводы Акинѣова, отвлекая его отчасти отъ другихъ дѣлъ. На 1609 г. съ Перми Великой въ Сибирь потребовалось значительно болѣе хлѣбныхъ запасовъ, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, чѣмъ, быть можетъ, объясняется его особенная воздержность отъ всякихъ другихъ расходовъ. Грамотою отъ 19 января на имя Акинѣова отъ царя Василія Ивановича повелѣно было на 1609 годъ собрать для Сибири „въ непашенные города — на Березовъ, въ Мангазѣю, въ Сургутъ, въ Томской городъ, на Тару, служилымъ людямъ на жалованье, съ Вятки, съ Перми, съ Устюга Великаго, съ Соли Вычегоцкой“ (т. е. съ *поморскихъ городовъ*) хлѣбныхъ запасовъ 8358 чети муки ржаной, 696 чети крупъ, столько же толокна, изъ того числа Перм-

*) Въ «Актахъ Истор.» II, № 256, стр. 303—304.

ская земля должна была поставить 970 чети муки и по 172 чети крупъ и толокна*). Противъ 1608 года съ Перми требовалось больше на 223 чети ржаной муки. Пермскіе запасы велѣно было Пермичамъ везти на своихъ подводахъ, не примѣшивая дорогою къ хлѣбу каменьевъ и песку, что случалось прежде. Да имъ же велѣно было отправить въ Верхотурье 7 плотниковъ со всею плотничьею „снастью“, а Пермскимъ посошнымъ людямъ велѣно вывезти на Верхотурье лѣсу, для судового дѣла, сколько понадобится. Затѣмъ отъ 6 августа 1609 г. Акинѣевъ получаетъ царскую грамоту о сыскѣ бѣжавшихъ изъ Сибири пашенныхъ людей, 10 чело-вѣкъ, присланныхъ изъ Московскихъ тюремъ въ Пелымъ**), и двѣ грамоты о вызовѣ охочихъ людей отъ 50 до 100 чел. въ Целымскій уѣздъ, для заведенія пашень въ Таборинской волости***). Изъ дальнѣйшихъ грамотъ видно, что не только Пермь, но и прочіе поморскіе города, прежде исправно снабжавшіе Сибирь хлѣбомъ, въ 1609 г. въ этомъ отношеніи оказались весьма не исправны. Постоянные поборы на жалованье ратнымъ людямъ, видимо, сильно истощили всѣ запасы поморскихъ городовъ. Въ грамотѣ на имя Акинѣева отъ 20 сентября 1609 г. царь упрекаетъ его, что Сибирскихъ запасовъ въ сборѣ все еще нѣтъ, а въ приложенной къ ней отпискѣ князя Михаила Вас. Шуйскаго, писанной въ октябрѣ тому же воеводѣ****), сказано: „Били челомъ государю царю. . . . изъ Сибири, Тобольскаго города и всѣхъ Сибирскихъ городовъ служилые люди, Литва и казаки и стрѣльцы и ружники и оброчники и всякіе люди, а сказали: посылали деи къ нимъ напередъ сего во всѣ Сибирскіе города хлѣбные запасы, служилымъ людямъ на жалованье, съ Устюга

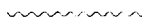
*) См. эту грамоту въ «Актахъ Археогр. Экспед.» II, № 101, стр. 198—199.

**) «Акты Истор.» II, № 250, стр. 297.

***) Тамъ же, № 251, стр. 297—299 и въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, № 133, стр. 246. Обѣ грамоты отъ 6 августа 1609 г.

****) Обѣ см. въ «Актахъ Истор.» II, подъ однимъ № 261, стр. 313—314.

Великаго, съ Соли Вычегодской, съ Вымскіе земли, съ Вятки, съ Перми Великіе; *а нынѣ деи къ нимъ съ тѣхъ городовъ хлѣбныхъ запасовъ... на прошлой 117 и на нынѣшней 118 годы не присылывано, и въ Сибирскихъ деи городовъ служилые люди помираютъ голодною смертью*". Поэтому 9 октября 1609 г. Акинѣову была послана царская грамота *), разрешавшая всѣмъ охочимъ торговымъ людямъ везти хлѣбъ въ Сибирь и тамъ торговать имъ безпрепятственно, не боясь, что хлѣбъ будетъ взятъ на государя служилыми людьми, которымъ о томъ писано отъ царя особо.

Сибирскія дѣла отчасти объясняютъ медленность Акинѣова въ исполненіи правительственныхъ распоряженій, но не оправдываютъ его вполне. Несомнѣнно, что хлѣбные запасы были истощены и въ Перми, какъ въ другихъ поморскихъ городахъ, но все таки Акинѣовъ въ 1609 году, съ весны, распоряжался очень вяло, безъ должной расторопности и настойчивости; дождавшись нѣсколькихъ напоминаній объ одномъ и томъ же дѣлѣ, онъ наконецъ исполняетъ его въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Сѣтованія на его медленность, все чаще повторявшіяся, поэтому, имѣли свои основанія. Послѣдуемъ теперь далѣе за событіями съ сентября 1609 г. Послѣ многократныхъ напоминаній съ разныхъ сторонъ, Акинѣовъ пишетъ 27 сентября „наказную память“ Кайгородцамъ и Зюздинской волости (тогда причисленной къ Чердынскому уѣзду) старостѣ о сборѣ денегъ, суконъ, камки и тафты на жалованье наемнымъ Шведскимъ и Крымскимъ ратнымъ людямъ **). Такая же память послана была и въ другой Великопермскій пригородъ—Соликамскъ (она не сохранилась). Ни тамъ, ни тутъ не нашлось просимаго. На этотъ

*) «Акты Арх. Экспед.» II, № 141, стр. 257. Въ ноябрѣ Тобольскій воевода Иванъ Катыревъ-Ростовскій самъ проситъ Акинѣова о скорѣйшей присылкѣ хлѣба въ Сибирь. См. его отписку тамъ же, № 146, стр. 260—261.

**) «Акты Истор.» II, № 263, стр. 315—316.

разъ воеводу выручили мѣстные ипородцы Вогуличи и Остяки, собирать которыхъ Акинѳовъ хотѣлъ еще весной 1609 г., но послѣ раздумалъ и сталъ брать съ нихъ усиленный ясакъ мѣхами. Въ началѣ октября онъ посылаетъ въ Москву, князю Мих. Вас. Шуйскому, на жалованье ратнымъ людямъ, этотъ ясачный сборъ при особой челобитной *), извѣщая его, что суконь, камни и тафты не оказалось въ продажѣ во всѣхъ городахъ Перми, что денежные доходы онъ не можетъ прислать до зимы, а теперь посылаетъ отъ Чердынцевъ семь сороковъ соболей, да лично отъ себя—40 соболей и лисицу черную и отъ Наума Романова—40 соболей. И этотъ сборъ мѣхами отправленъ былъ къ князю, можетъ быть, потому, что изъ Москвы посланъ былъ въ Пермь лично нѣкто Василий Байдинъ-Зеленого, котораго нельзя было отправить обратно съ пустыми руками. 18-го ноября измѣнники—воры и Луговая Черемиса заняли Котельничъ и угрожали разореніемъ всей Вятской землѣ, почему кн. Ухтомскій обратился за помощью къ Акинѳову **). Вятскій воевода князь Михаилъ Ухтомскій справедливо выставлялъ опасность для самой Перми отъ такого вторженія воровъ въ сосѣдную область. О томъ же онъ писалъ отъ 1 декабря Стрешневу на Устюгъ, а этотъ—Строгановымъ въ Сольвычегодскъ. Всѣ четверо Строгановыхъ вполне соглашались съ кн. Ухтомскимъ относительно возможности вторженія мятежниковъ въ Пермскіе предѣлы, почему они также просили Великопермскаго воеводу въ декабрѣ помочь Вяткѣ ратными людьми ***). 1 декабря кн. Ухтомскій вторично взывалъ о помощи къ Акинѳову, какъ къ ближайшему, сосѣднему воеводѣ, и въ то же время его просилъ о томъ, помимо Вычегодцевъ, Велико-Устюжскій

---

*) «Акты Арх. Эксп.» II, № 140, стр. 255—257. Челобитная неправильно отнесена здѣсь къ сентябрю.

**) См. его отписку отъ ноября 1609 г. тамъ же, II, № 143, стр. 258—259.

***) См. ихъ отписку Акинѳову тамъ же, II, № 147, стр. 261—263.

воевода Иванъ Филипповичъ Стрѣшневъ*). Что же предпринимаетъ Акинѳовъ въ виду этой опасности отъ врага и ради всѣхъ этихъ убѣдительныхъ просьбъ о помощи сосѣдней землѣ? 10 декабря онъ пишетъ память въ Усолъе Камское посадскому человѣку Саввѣ Никитину, едва-ли не преемнику Василия Елисѣева, приказывая ему и находившемуся тамъ же подъячому Науму Романову „собрати ратныхъ людей съ Усолъя Камского, съ сохи по 5 человѣкъ“ и отослать ихъ съ Никитинымъ въ Кайгородъ, куда имѣлъ потомъ прибыть и Наумъ Романовъ, котораго велѣно тамъ «создать». Затѣмъ въ концѣ декабря Акинѳовъ пишетъ на Вятку земскимъ людямъ Ѳедору Артемьевичу Резанцову, старостамъ и цѣловальникамъ о томъ же, присовокупляя, что онъ и Наумъ Романовъ уже собрали людей и послали ихъ на Вятку (?), „а съ достальными съ ратными съ Пермскими людьми и съ Вогуличи съ Вишерскими и съ Котимскими (въ верхнемъ теченіи Вишеры есть рѣчка Кутимъ), и съ Остяки съ Сылвинскими и съ Иренскими хотѣлъ быти къ вамъ Наумъ“. Далѣе Акинѳовъ пишетъ, что 21 декабря съ Вятки отписывалъ ему Василій Ивановъ, будто кн. Ухтомскій, по очищеніи Котельнича отъ воровъ, оставилъ тамъ только одну тысячу ратныхъ людей, а остальныхъ распустилъ по домамъ, почему „достальныхъ“ ратныхъ людей онъ, Акинѳовъ, и не прислалъ на Вятку съ Перми. Прося еще разъ объ этомъ написать ему «подлинно», онъ замѣчаетъ, что „на себя ему измѣнниковъ ждать нечего: коли милосердый Богъ.... на нихъ страхъ пустилъ, и тылъ они показали изъ Котельнича, тогда надъ ними и промыслятъ, прося у Бога милости“ (т. е. однимъ Вятчанамъ, безъ сторонней помощи). Еще далѣе Акинѳовъ сообщаетъ, что 22 декабря изъ Вятки пріѣхалъ къ нему въ Пермь Сибирскій сынъ боярскій Василій Тыр-

*) Эти отписки и еще восемь таковыхъ см. въ «Актахъ Историч.» II, подъ однимъ № 271, стр. 322—327. Въ числѣ ихъ двѣ отписки Акинѳова—одна въ Соликамскъ отъ 10 декабря, другая—въ Вятку.

ковъ, а сказалъ, будто въ Котельничѣ измѣнниковъ было 1400 чел., а у князя Ухтомскаго противъ нихъ было 12000 чел., а при такихъ силахъ нечего и помогать ему. Такъ-то смотрѣлъ Акинѣевъ на тогдашнее положеніе Вятской земли! Трудно допустить, чтобы онъ дѣйствительно вѣрилъ въ нелѣпые рассказы боярскаго сына Тыркова, посланнаго съ Верхотурья на Вятку для сбора и приѣма Сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ; чтобы Василій Ивановъ, сослуживецъ кн. Ухтомскаго, могъ писать въ Пермь о роспускѣ ратныхъ людей по домамъ. Очевидно, тутъ допущена была со стороны Акинѣева хитрость, съ помощью которой онъ хотѣлъ уклониться отъ послышки ратныхъ людей на Вятку. Они собраны были, по видимому, съ одного Усольскаго уѣзда и стояли на границѣ Перми Великой въ Кайгородкѣ, какъ бы для защиты этой границы отъ возможнаго вторженія измѣнниковъ, а за эту границу, вѣроятно, не переступали. Напрасно поэтому писалъ Акинѣевъ въ Вятку, что люди его уже идутъ туда на помощь сосѣдямъ; можетъ быть, это было его предположеніе, которое такъ и не осуществилось.—А между тѣмъ дѣйствительное положеніе Вятскаго края тогда было далеко не безопасно. Въ отпискѣ Акинѣеву отъ 24 декабря кн. Ухтомскій сообщалъ, что хотя онъ и освободилъ Котельничъ отъ измѣнниковъ, но они утвердились въ Яранскѣ, гдѣ у нихъ было „собранье великое“, по разспросамъ тамошнихъ людей*). Естественнo поэтому сильное негодованіе всѣхъ Вятчанъ на Пермичей, выраженное въ отпискѣ отъ конца декабря 1609 г. (число не показано) кн. Ухтомскаго, Василя Иванова и прочихъ служилыхъ и земскихъ людей г. Вятки**). Въ рѣдкомъ официальномъ актѣ XVII вѣка можно встрѣтить столь рѣзкій тонъ выраженія, какъ въ этой *последней* отпискѣ князя Михаила Ухтомскаго къ Акинѣеву и Романову! Вотъ нѣкоторыя ея мѣста: „Писали мы къ вамъ многижда, чтобъ

*) Отписку отъ 24 декабря 1609 г. см. въ «Акт. Арх. Эксп.» II, № 148, стр. 263.

***) См. ее тамъ же подъ слѣдующимъ № 149, на стр. 263—264.

вамъ прислати къ намъ на Вятку ратныхъ людей, . . . а вы къ намъ нынѣ писали самую глупостью, а не токмо что глупостью—пьянствомъ; видите надъ нами отъ воровъ разоренье великое, а у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а къ Вяткѣ ихъ не пришлете; а которыхъ было ратныхъ людей къ Вяткѣ и послали, и вы ихъ и съ дороги воротили, а къ намъ пишете, велите ссылатись съ государевыми измѣнники. И мы на вашу глупость не смотримъ, помнимъ Бога, . . . съ измѣнники ся не ссылаемъ, а надъ воруы промышляемъ и противъ воровъ стоимъ. . . . А вы ради есте крестьянскому кровопролитію и разоренью: Вятскую землю воровъ въ разоренье напрасно подаете. . . . И вы себѣ сами предатели и своею вамъ глупостью погинути. И напередъ сего къ вамъ посланы государевы два измѣнника, а велѣно ихъ вамъ казнити смертью (разумѣются Павликъ Мокѣевъ и Петрушка Лукьяновъ): и вы надъ тѣми ничего не сдѣлали. Смотрите на то, какъ служить и прямять государю Устюжана и Соль Вычегоцкая . . . А что вамъ Ѳедору да Науму сказывалъ Василей Тырковъ—и вы тому плутанью вѣрите, а нашему писму ничему не вѣрите: и вамъ бы самимъ таковымъ пьянымъ всегда быть, каковъ пьянъ былъ на Вяткѣ Василей Тырковъ“*). Достоинно замѣчанія, что, не смотря на всю рѣзкость языка, Вятчане въ концѣ этой отписки все таки просятъ Акинѣова прислатъ имъ на помощь ратныхъ людей. Безучастіе Пермичей къ Вятчанамъ дѣйствительно трудно оправдать въ данномъ случаѣ; они проявили себя съ самой непривлекательной стороны и заслужили справедливое осужденіе нашихъ историковъ. Болѣе всѣхъ отвѣтственъ въ этомъ безучастіи къ бѣдѣ ближнихъ тогдашній воевода Акинѣовъ, человекъ своенравный, упрямый, съ ограниченными понятіями. Ратные люди подчинялись его распоряженіямъ и указамъ.

*) Этотъ любопытный документъ привезъ въ Пермь 18 января 1610 г. Чердынецъ Тимошка Колокольничъ. Онъ найденъ въ подлинникѣ на 2-хъ листкахъ въ Соликамскомъ архивѣ.

Вскорѣ послѣ приведенной отписки кв. Ухтомскій оставляетъ Вятское воеводство и на его мѣсто назначается Петрѣ Ив. Мансуровѣ. Тотчасъ по занятіи должности, новый воевода посылаетъ и новыя отписки въ поморскіе города, и въ числѣ ихъ въ Чердынѣ, съ просьбою о помощи противъ сидѣвшихъ въ Яранскѣ измѣнниковъ. Сохранившаяся отписка его Акинѣоу и Романову написана совсѣмъ въ другомъ духѣ *). Въ томъ же родѣ и они отвѣчали Мансурову, опять обѣщая собрать съ Перми ратныхъ людей и поясняя, что таковыя и были уже собраны, но по отпискамъ кв. Ухтомскаго и Василя Иванова были распущены по домамъ **). На какія отписки, будто-бы полученныя отъ 17 декабря отъ этихъ лицъ изъ Вятки, указываютъ они тутъ—не извѣстно; ранѣе они ссылались на сомнительную отписку Василя Иванова отъ 21 декабря и на совсѣмъ уже невѣроятное и нелѣпое свидѣтельство Василя Тыркова отъ 22 декабря, о которыхъ теперь умалчивали. Однако и на этотъ разъ все участіе ихъ къ Вятчанамъ ограничилось только обѣщаніемъ скорой помощи людьми.

Между тѣмъ въ теченіе декабря 1609 г. изъ Москвы пришли къ Акинѣоу три царскія грамоты—одна отъ 2 и двѣ—отъ 15 числа ***), изъ которыхъ Пермичи узнали, что посланные ими раньше даточные ратные люди, Митька Селивановъ съ товарищи, выслужили сроки въ полкахъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, почему просили или отпустить ихъ домой, или дать новое жалованье. Въ грамотѣ отъ 2 декабря встрѣчаемъ опять прямое указаніе на то, что у князя Михаила Шуйскаго служатъ всѣ Пермичи, именно *Чердынцы, Усолицы и Кайгородцы*, что служить новымъ опроверженіемъ ложныхъ свидѣтельствъ Шумилы Швеца

*) Помѣчена декабремъ 1609 г. безъ обозначенія числа во II томѣ «Актовъ Арх. Экспед.» № 150, стр. 264.

**) Эту отписку отъ января 1610 г. см. тамъ же, № 156, стр. 268.

***) Въ «Актахъ Историч.» II, № 273, стр. 330 и примѣчаніе къ грамотѣ отъ 2 декабря.

о томъ, будто изъ Чердыни не вышло ниодного ратнаго челоуѣка. Такъ какъ смута въ государствѣ продолжалась, то люди изъ Перми опять были задержаны на службѣ, а за деньгами на жалованье имъ кн. Михаилъ Вас. Шуйскій послалъ въ Пермь Богдана Порошина при особомъ наказѣ отъ января 1610 г.*). Но прежнее требованіе кн. М. В. Шуйскаго о сборѣ на наемъ нѣмецкихъ людей по 50 руб. съ сохи теперъ было отмѣнено царскою грамотою отъ 30 декабря 1609 г., въ виду присылки изъ Перми Великой соболей и лисиць**). За два дня предъ тѣмъ, по грамотѣ отъ 28 декабря, Соликамцы по челобитной ихъ старосты Олѣимка Степанова за многія службы предъ царемъ были пожалованы зачетомъ издержанныхъ ими на Сибирскіе запасы денегъ—въ долгъ таможенной и кабацкой казнѣ, „что они займывали на наемъ ратнымъ людямъ“***). Содержащаяся въ этой грамотѣ челобитная Усольцевъ подробно перечисляетъ ихъ пожертвованія на ратное дѣло, которыя мы и укажемъ теперь совокупно. 1) въ 1609 г. они отпустили на Вологду ратныхъ людей 20 чел.—вдвое противъ прежняго, давъ имъ найму на 4 мѣсяца 162 руб. 30 алтынъ 2 деньги; 2) головѣ ихъ сверхъ того дано 7 р. 20 ал., да на подводы имъ 11 руб. 20 алт.****); 3) безъ участія Чердынцовъ и Кайгородцевъ, они «Верхотурскую дорогу бродили, чистили въ первой путь на 20 лошадехъ и стало имъ то 14 рублевъ»—отъ Соли Камской до Косвы рѣчки, для провоза Сибирской соболиной казны; 4) отвезли на Верхотурье хлѣбные запасы,

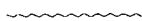
*) Въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, № 154, стр. 267.

**) См. тамъ же отписку кн. М. Шуйскаго отъ декабря 1609 съ требованіемъ этихъ денегъ (№ 152, стр. 266) и грамоту отъ 30 декабря съ отмѣною требованія (№ 153, стр. 267).

***) Грамоту 28 декабря 1609 г. см. тамъ же, II, № 151, стр. 265—266.

****) Дѣлается оговорка, что Чердынцы должны были послать съ 5 жеребьевъ 100 чел., а послали только 50, Кайгородцы же вмѣсто 20 послали 12. Тѣ и другіе отпустили людей два мѣсяца спустя послѣ Усольцевъ. Вотъ полное опроверженіе показаній Швеца!

давъ за нихъ своихъ денегъ 43 руб. 17 алт., не взявъ ихъ изъ казны; 5) поставили для провоза запасовъ 26 лошадей наймомъ, давъ за это 68 руб., да запасному цѣловальнику на подмогу и на судовое сдѣлье, на смолу и проч. 21 руб. 24 алт. 5 ден., да плотнику найму дали 6 руб. и кромѣ того по полтора рубля на мѣсяць; 6) лѣтомъ 1609 г., по отпискѣ изъ Ярославля, послали туда своимъ 20 ратникамъ впередъ на 2 мѣсяца 83 р. 3 ал. 2 ден., да цѣловальнику на подмогу и подводы 6 р. 16 ал. 4 ден., при чемъ имъ пришлось занять для ратныхъ людей изъ Усольской таможенной и кабацкой казны 271 руб. 5 ал. 4 д.; 7) снова отправили въ Ярославль своимъ 14 ратникамъ впередъ на 2 мѣсяца 56 руб. и цѣловальнику 8 руб., заняли деньги тамъ же. Таковъ былъ расходъ съ Соликамска на государственныя потребности въ теченіе одного 1609 года! Мы и рапѣ видѣли большую исправность Усольцевъ въ выполненіи всѣхъ повинностей сравнительно съ Чердынцами и Кайгородцами; они же болѣе вѣрно служили ратному дѣлу, проявляли болѣе готовности помогать отечеству при всей скудости мѣстныхъ средствъ. Это отличаетъ Усольцевъ среди другихъ Пермичей въ Смутную эпоху.

Такъ закончился для Пермскаго края 1609-й годъ. Въ общемъ участіе Пермичей въ „великомъ ратномъ дѣлѣ“ Русской земли нельзя не признать болѣе чѣмъ скромнымъ. Причиною того былъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, повинности по отношенію къ сосѣдней Сибири, еще раньше истощившія мѣстные ресурсы, и личныя качества тогдашняго воеводы Ѳедора Акинѳова, человѣка небольшихъ способностей, мало отвѣчавшаго на своемъ посту исключительнымъ требованіямъ того времени. Въ началѣ 1610 г., отъ 14 января, Устюжскій воевода Иванъ Филипповичъ Стрѣшневъ посылаетъ къ нему послѣднюю отписку съ радостнымъ, но

невѣрнымъ извѣстіемъ о смерти второго самозванца*). Съ того времени мы не встрѣчаемъ въ Великопермскихъ грамотахъ и отпискахъ имени воеводы Акинѣова. Онъ былъ переведенъ въ Туринскъ**), а Пермь дождалась наконецъ новаго воеводы въ лицѣ *Ивана Ивановича Чемоданова*, съ которымъ пріѣхалъ въ Пермь и новый подьячій Пятой Фалелѣвичъ Филатовъ. Это воеводство въ Перми Великой совпадаетъ съ междучарствіемъ въ Русской землѣ.

Изъ сохранившихся грамотъ, писанныхъ на имя Чемоданова въ Пермь Великую, первая относится къ 20 іюля 1610 г.***). Она возвѣщала о сведеніи съ царскаго престола Василя Ивановича Шуйскаго, вслѣдствіе народнаго неудовольствія,—возвѣщала отъ имени бояръ, окольничихъ, приказныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, гостей и торговыхъ людей и всего Московскаго государства всякихъ служивыхъ и жилецкихъ людей. „И іюля въ 17 день государь царь и в. кн. Василей Ивановичъ всеа Русіи, по челобитью всѣхъ людей, *государство отставилъ*, гласила грамота, и съѣхалъ на свой на старой дворъ и нынѣ въ черницяхъ. И мы, бояре и околничіе и . . . . цѣловали животворящей крестъ на томъ, что *намъ встѣмъ противъ воровъ стояти встѣмъ государствомъ заодно* и вора на государство не хотѣти; и вамъ бы всѣмъ, всякимъ людемъ, стояти съ нами вмѣстѣ заодно и быти въ соединеньѣ“. Грамота заканчивалась словами: „И на Москов-

*) Такую же отписку онъ послалъ и Верхотурскимъ воеводамъ Годунову и Плещѣву. См. обѣ въ «Актахъ Истор.» II, № 276, стр. 333—335. Лжедмитрій 2-й былъ убитъ 11 декабря 1610 года въ Калугѣ.

**) Это видно изъ отписки Тобольскаго воеводы Катырева-Ростовскаго къ Тюменскому—Матвѣю Мих. Годунову отъ іюля 1612 г., которую см. въ «Русской Ист. Библіотекѣ», томъ II, № 100, стр. 288. Тутъ читаемъ: «А противъ сей грамоты отписать бѣ тебѣ въ Епанчинѣ (напечатано ошибочно Еланчикъ) къ Ѳеодору Окинѣову, чтобъ ему тѣ вѣсти были вѣдомы, а жилъ бы въ Туринскомъ острогѣ бережно». Составитель «Системат. перечня Сибирскихъ воеводъ» *Газенвинкель* не зналъ фамиліи этого Туринскаго воеводы (см. стр. 31). Восполняемъ этотъ его пробѣлъ.

***) Напечатана въ «Актахъ Археогр. Экспед.» II, № 162, стр. 277—278.

ское бѣ государство обирати бѣ намѣ государя вѣсмѣ заодинѣ всею землею, сослався со вѣсми города, кого намѣ государя Богъ дастъ“. Отъ 19 августа 1610 г. Чемодановъ получилъ грамоту боярина князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго*) съ извѣщеніемъ Пермичей о заключеніи подъ Москвою договора съ гетманомъ Жолкѣвскимъ на счетъ избранія королевича Владислава на царство. „А вамъ велѣно всѣхъ чиновъ людямъ ѣхати къ Москвѣ, писалъ Мстиславскій, чтобъ выбрать государя на Московское государство“. О томъ же онъ отписалъ 30 августа въ г. Казань**). Извѣстно, что Владиславъ началъ уже писаться въ грамотахъ „государемъ царемъ и вел. княземъ всеа Русіи“, и что патріархъ Гермогенъ писалъ къ Русскому народу воззванія о незаконности какъ этого избранія, такъ и низведенія Василя Шуйскаго съ престола***). Не излагая общеизвѣстныхъ событій междоусарствія, мы остановимъ опять главное вниманіе на внутренней жизни сѣверо-восточной Россіи за то время.

Отъ 7 августа 1610 г. воевода Чемодановъ отвѣчалъ на Вятку Дмитрію Юрьевичу Пушечникову и Ивану Ѳедотовичу Поздѣеву, по поводу значительнаго собранія воровъ и измѣнниковъ въ Черемисской землѣ, что „тое вашу отписку мы во всемъ мірѣ чли и ратныхъ людей въ Пермь Великой собираемъ, а собравъ, на Вятку къ вамъ тотчасъ пошлемъ. А на Лозву и на Вишеру по Вогуличъ и на Сылву и на Ирень по Остяковъ послали, а какъ Лозвенскіе и Вишерскіе Вогуличи и Сылвенскіе и Иренскіе Остяки въ Пермь придуть, и мы ихъ къ вамъ за тѣми жъ за ратными людьми пошлемъ тотчасъ“. Припомнимъ, что мысль о сборѣ Пермскихъ инородцевъ въ ратную службу принадлежала предмѣстнику Че-

*) См. тамъ же, № 164, стр. 279—280. Королевичъ въ грамотѣ называется Владиславомъ Жигимонтовичемъ, а Жолкѣвскій—Желтовскимъ.

***) Тамъ же, подъ № 165, стр. 280—284.

***) Для примѣра см. тамъ же, во II томѣ, подъ № 166, грамоту королевича о пожалованіи супругѣ царя Юанна Вас. старицѣ Марѣѣ Устюжны и подъ № 169—два воззванія Гермогена къ народу.

моданова, воеводѣ Акинѳову, который такъ и не собрался привести ее въ исполненіе. Въ заключеніи отписки отъ 7 августа Чемодановъ просилъ Вятскихъ воеводъ отписывать о новыхъ вѣстяхъ про измѣнниковъ *). Обѣщаніе собрать людей не было исполнено въ скоромъ времени. 18 сентября Пушечниковъ и Поздѣевъ снова просятъ о томъ же Чемоданова, который ровно чрезъ два мѣсяца послѣ первой отписки шлетъ имъ другую, отъ 7 октября 1610 г., списанную съ предъидущей почти дословно **). Дальнѣйшіе документы о сношеніяхъ Пермичей съ своими сосѣдями относятся уже къ слѣдующему 1611 году. Уже по смерти второго Лжедмитрія, убитаго, какъ извѣстно, въ Калугѣ 11 декабря 1610 г., Казанцы вздумали присягнуть несуществовавшему болѣе царю Дмитрію Ивановичу, будучи введены въ заблужденіе какими-то нелѣпыми слухами. Казанскіе воеводы Василій Морозовъ, Богданъ Бѣльскій и дѣяки Никаноръ Шульгинъ и Степанъ Дичковъ, присягнувъ царю Дмитрію Ивановичу 9-го января 1611 г., чрезъ нѣсколько дней посылаютъ отписку о томъ въ Вятку съ предложеніемъ тамошнимъ жителямъ также цѣловать крестъ Дмитрію Ивановичу. Вятчане дѣйствительно присягнули ему, о чемъ въ свою очередь послали отписку въ Пермь отъ имени воеводъ Дмитрія Пушечникова и Ивана Поздѣева ***). Въ Перми удивились такой новости, приняли отписку изъ Вятки къ свѣдѣнію, но присягать царю Дмитрію не рѣшились, такъ какъ еще отъ 14 января 1610 г. ими получено было отъ Устюжскаго воеводы Стрѣшнева извѣстіе о гибели Лжедмитрія. Пермичи не знали конечно, что Стрѣшневъ сообщилъ имъ невѣрный слухъ, такъ какъ самозванецъ былъ живъ еще до 11 декабря 1610 года****),

*) См. его отписку въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, № 163 стр. 278—279.

**) Обѣ отписки см. въ «Акт. Ист.», II подъ однимъ № 293, стр. 352—353.

***) Обѣ отписки Казанскую и Вятскую отъ января 1611 г. см. въ «Актахъ Арх. Экспед.» II, № 170, стр. 291—293.

****) Самыя достовѣрныя свѣдѣнія о смерти второго Лжедмитрія заключаются въ «Распросныхъ рѣчахъ отъ 14 декабря 1610 г. двухъ Романовскихъ Татаръ въ Московскомъ станѣ», напечатанныхъ въ «Актахъ Историч.» т. II, № 307, стр. 364—365.

но въ данномъ случаѣ эта ошибка уже не могла имѣть никакого значенія. Чердынскій воевода Чемодановъ отпискою отъ 18 февраля 1611 г. далъ только знать Пушечникову, что извѣстіе о новой присягѣ Казанцевъ и Вятчанъ получено и просилъ сообщать ему о новыхъ вѣстяхъ*); а между тѣмъ другою отпискою отъ 28 февраля просилъ совѣта у новаго Устюжскаго воеводы Алексѣя Иван. Зузина (или Зюзина), какъ поступить ему, Чемоданову, въ данномъ случаѣ. Зузинъ только сослался на другія отписки, полученные имъ изъ Тотмы отъ 23 февраля, не имѣвшія ничего общаго съ вятскою и казанскою, препроводилъ при своей отпискѣ списки съ нихъ и просилъ переслать ихъ, по прочтеніи въ Чердыни, дальше—въ Верхотурье и во всѣ города Сибири**). Ясно, что Пермь и Устюгъ Великіе не послѣдовали примѣру Казани и Вятки изъ благоразумной предосторожности.

17 марта 1611 г., въ вербное воскресенье, изъ Чердыни выступилъ третій отрядъ даточныхъ ратныхъ людей, опять въ числѣ 50 человекъ „съ луки и пицалми и со всею службою“, въ сопровожденіи цѣловальниковъ Ивана Дмитріева и Ѳедора Путникова, которымъ воевода Ив. Ив. Чемодановъ вручилъ особый наказъ и отписку святѣйшему патріарху Московскому Гермогену, подписанные того же марта 13-мъ числомъ***). Наказъ предписывалъ цѣловальникамъ „въ дорогѣ и въ городѣхъ тѣхъ ратныхъ людей отъ воровства и отъ питья и отъ зерни уимати“, а на ослушниковъ „сказывати воеводамъ и діакомъ и приказнымъ людямъ“. Идти велѣно было на Устюгъ, Вологду, Ярославль и Москву, предъявляя попутнымъ воеводамъ отписки Пермскаго воеводы

*) Отписку Чемоданова см. въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, № 171, стр. 293—294.

**) О всемъ этомъ говорится въ отпискѣ Зузина къ Чемоданову и Филатову отъ февраля 1611 г. которую см. тамъ же, № 174, стр. 295—296.

***) Наказъ напечатанъ въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, подъ № 181, на стр. 308—309, а отписка Гермогену—въ «Актахъ Истор.» II, № 323, стр. 383—384. День выступленія рати изъ Чердыни точно указанъ въ отпискѣ Пермичей Казанцамъ отъ 23 июня 1611 г., которую см. въ «Актахъ Историч.» II, № 329, стр. 395—397.

Чемоданова. По прибытіи же въ Москву, Дмитріеву и Пугникову со всѣми ратными людьми надлежало такуюю же отписку Чемоданова отдать „въ полкахъ подь Москвою боярамъ и воеводамъ“, а затѣмъ лично вручить особенную отписку отъ Великопермскаго духовенства, гражданскихъ властей и всѣхъ земскихъ людей—святѣйшему патріарху Гермогену. Эта отписка была отвѣтомъ на одно изъ воззваній патріарха, дошедшихъ до Перми. Вся Пермская земля выражала готовность стоять за православную вѣру заодно съ другими ратными людьми, отовсюду стекавшимися къ Москвѣ. Въ концѣ отписки заявлялось: „а съ Пермскихъ, государь, пригородовъ, Усолья Камскаго и Кайгородскихъ ратныхъ людей, собравъ, за тѣми жъ поплемъ тотчасъ“. Значить, весь отрядъ въ 50 чел. состоялъ изъ однихъ Чердынцевъ. „Да мы жъ, государь, заявлялось далѣе, послали сборщиковъ Пермскіе жъ земли по ясашныхъ Татаръ, по Вишерскихъ, по Печерскихъ, по Котимскихъ, по Лозвинскихъ, по Косвинскихъ, по Чусовскихъ, по Сылвинскихъ, по Иренскихъ, по Таныбскихъ; а собравъ, государь, тѣхъ Татаръ отпустимъ, за тѣми жъ ратными людьми, подь Московское государство на Полскихъ и на Литовскихъ людей—тотчасъ“. Подь отпискою подписались: подьячій Пятой Филатовъ, черный попъ Евграфъ, соборные попы Потапъ и Андрей, староста судецкій Митка Верещагинъ и нѣсколько посадскихъ лучшихъ людей. Самъ воевода Чемодановъ почему-то не подписался, хотя въ началѣ отписки его имя значится первымъ.

По отправленіи ратныхъ людей подь Москву, воевода Чемодановъ получаетъ новыя вѣсти о дѣлахъ въ Россіи. Отъ 23 марта 1611 г. получена отписка Устюжанъ съ приложеніемъ отписокъ Солигаличанъ къ Тотмичамъ о ратныхъ вѣстяхъ, гетмана Яна Сапѣги къ князю Юрію Трубецкому и Прокопія Ляпунова въ Суздаль *). Отъ 13 апрѣля про

*) Налечатаны подь-рядъ, подь однимъ № 182 «Актовъ Арх. Экспед.», т. II, стр. 309—312.

нѣкоторыя вѣсти, полученныя изъ Устюга, отписывалъ въ Чердынъ Соликамскій староста Борисъ Васильевъ, доводя вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія воеводы жалобу посланнаго въ Верхотурье Усольскаго цѣловальника Гаврила Лябова, съ котораго правили тамъ лишній запасъ за прошлый 1610 годъ, „за Чердынцовъ да за Кайгородцовъ по Сарычеву писму, а по отпискѣ Наума Романова“, да на нынѣшній годъ правятъ на немъ же свыше 158 четей муки и 32 четей крушъ и толокна *). Отъ 12 іюня 1611 года получена въ Чердыни обширная отписка отъ Казанцевъ, которые уже сознали свое недавнее заблужденіе и приглашали Пермичей соединиться съ ними, чтобы сообща идти на освобожденіе Москвы отъ польскихъ и литовскихъ людей. Къ этой отпискѣ приложены были списки съ 4 отписокъ Ярославцевъ, Костромичей, Владимірцевъ и Прокопія Ляпунова съ извѣщеніемъ о страшномъ разореніи Россіи Поляками **). Въ Казанской отпискѣ между прочимъ сказано, что посланіе отъ Ляпунова доставили въ Казань 1 мая 1611 г. Казанцы дѣти боярскіе Воинъ Левашевъ и Семенъ Пелепелицынъ, едва ли не братъ или сынъ достопамятнаго Чердынскаго воеводы Василя Пелепелицына. Обо всемъ этомъ Чемодановъ въ свою очередь сообщилъ въ Сольвычегодскъ особой отпиской отъ 15 іюля 1611 г. ***). Вмѣстѣ съ тѣмъ о готовности всей Пермской земли стоять заодно съ другими противъ непріятелей и объ отправленіи ратныхъ людей изъ Чердыни Чемодановъ пишетъ: въ Казань отъ 23 іюня и подъ Москву 17 августа 1611 г. ****). Послѣдняя отписка писана на имя воеводъ князя Дмитрія Трубецкаго, Ивана Заруцкаго и Прокопія Ляпунова, стояв-

*) См. отписку Васильева отъ 13 апрѣля въ «Актахъ Истор.» II, № 326, стр. 393—394.

**) Всѣ отписки см. подъ однимъ № 188, стр. 318—327, во II томѣ «Актовъ Археогр. Экспед.».

***) Тамъ же подъ слѣдующимъ № 189, стр. 327.

****) Отписку въ Казань см. въ «Актахъ Истор.» II, № 329, стр. 395—397, а подъ Москву—въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, № 191, стр. 330.

нихъ съ полками подѣ Москвою. На первой отпискѣ въ Казань мы должны остановиться подольше, такъ какъ она подробно рисуеъ тогдашнее матеріальное положеніе Пермскаго края. На просьбу Казанцевъ прислать людей и денегъ воевода Чемодановъ отвѣчалъ, что люди изъ Чердыни ушли подѣ Москву еще 17 марта въ вербное воскресенье, а о деньгахъ писалъ: „*А денегъ, господа, въ Перми Великой, въ государевъ казнѣ, нѣтъ, послати къ вамъ нечего, потому: что было денежныхъ доходовъ прошлыхъ годовъ — и тѣ, господа, всѣ денги посланы къ Москвѣ*“. Далѣе Чемодановъ сообщалъ, что денги послѣдняго сбора 1611 г. въ суммѣ 308 руб. отосланы по грамотамъ въ г. Сургутъ служилымъ людямъ на жалованье. „А иные, господа, денги, писалъ онъ, даны Пермичемъ за хлѣбные запасы нынѣшняго 119 году, которые отвезли на Верхотурье, Сибирскимъ служилымъ людямъ на жалованье, да за Вымскіе запасы прошлаго 118 году; а иные, господа, денги выданы въ Перми на жалованье и на кабацкіе и на избные расходы“ *). Дорого обходились Перми Великой сибирскіе служилые люди! При такомъ положеніи края становится понятнымъ, почему и такой заботливый воевода, какимъ былъ Чемодановъ, все таки не могъ собрать новаго отряда ратныхъ людей изъ Усольцевъ, Кайгородцевъ и мѣстныхъ инородцевъ, о которомъ онъ заявлялъ неоднократно въ своихъ отпискахъ на Вятку и самому патриарху Гермогену. По крайней мѣрѣ изъ сохранившихся документовъ не видно, чтобы такой отрядъ былъ отправленъ изъ Перми въ 1611 году вслѣдъ за Чердынскими ратными людьми.

Въ дальнѣйшихъ воеводскихъ и другихъ отпискахъ главнымъ предметомъ обсуждения былъ вопросъ объ избраніи для Россіи новаго православнаго царя непременно всею Русскою землею. Извѣстно, что за этотъ принципъ въ то время настойчиво ратовалъ патриархъ Гермогенъ. Въ

*) Томъ II «Актовъ Историч.», стр. 397.

августѣ 1611 г. онъ повсюду разсылалъ грамоты съ убѣжденіемъ, чтобы Русскіе православные люди отнюдь не избирали на царство сына Марины Мнишекъ. Одна изъ такихъ грамотъ попала въ руки Казанскаго митрополита Ефрема, который по согласію съ воеводами Никаноромъ Мих. Шульгинымъ и Степаномъ Яковл. Дичковымъ посылаетъ ее въ Пермь при особой отпискѣ отъ 30 августа 1611 г. *). „И мы, господа, писали Казанцы Чемоданову и Филатову, выслушавъ съ патриаршескія грамоты списокъ, приговорили съ Ефремомъ, митрополитомъ Казанскимъ и Свѣяжскимъ, и со всею землею Казанскаго государства, что намъ отнюдь на царство проклятого паньина Маринкина сына не хотѣти,.... а выбрати бѣ намъ на Московское государство государя, сослався со всею землею, кого намъ государя Богъ дастъ“. Казанцы называли своего бывшаго митрополита Гермогена „своимъ отцомъ, учителемъ и новымъ проповѣдникомъ“; вся отписка ихъ къ Пермичамъ дышетъ глубокимъ уваженіемъ къ его духовному авторитету. Вскорѣ они извѣщаютъ Пермичей о гибели „промышленника и поборателя по Христовѣ вѣрѣ, Прокофья Петровича Ляпунова, который стоялъ за православную крестьянскую вѣру и за домъ Пречистыя Богородицы и за Московское государство противъ Полскихъ и Литовскихъ и Рускихъ людей воровъ“ **). Сообщая о смерти его отъ рукъ казаковъ, Казанцы пишутъ: „А выбрати бы намъ на Московское государство государя всею землею Російскія державы; а будетъ казаки учнутъ выбирати..... по своему изволенью одни, не сослався со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣти“. 18 сентября 1611 г. Чемодановъ и Филатовъ отписывали Казанцамъ „и Татаромъ, и Чювашѣ,

*) См. ее въ «Актахъ Арх. Экспед.» II, № 194, стр. 332—334.

***) Эта отписка на имя Чемоданова и Филатова, безъ обозначенія мѣсяца и числа, а только 1611 г., напечатана тамъ же, подъ № 197, стр. 335—336. Кромѣ того см. отписку изъ Казани въ Пермь отъ августа 1611 г. въ «Собраніи Госуд. Грам. и Догов.», томъ II, № 269, стр. 568—569.

и Черемисѣ, и Вотякомѣ“, что они отписки ихъ „чи во весь міръ многижда“ и въ Пермскіе пригороды (т. е. Соликамскъ и Байгородъ) послали списки, „и въ любви и въ совѣтѣ и въ соединенѣ съ вами быти и за православную христіанскую вѣру стояти ради, и о добромъ совѣтѣ (на счетъ избранія царя всею землею) мы съ вами одномысленны“*). Вскорѣ послѣ того Чемодановъ и его товарищъ Филатовъ оставили Чердынское воеводство. Въ одной грамотѣ отъ 26 мая 1612 г. князя Дмитрія Мих. Пожарскаго Верхотурскимъ воеводамъ Степану Годунову и Ивану Плещѣеву о взысканіи денегъ съ торговыхъ людей и скорѣйшей присылкѣ хлѣба въ Сибирь еще дѣлается ссылка на Чемоданова и Филатова („А въ Пермь Великую, къ Ивану Чемоданову да къ подъячему къ Пятому Филатову писано жѣ“)**), но тутъ разумѣется одна изъ отписокъ еще прошлаго 1611 года. Какъ увидимъ сейчасъ, Чердынское воеводство Чемоданова кончилось въ октябрѣ 1611 года.

До назначенія новаго воеводы въ Пермь Великую, которое почему-то замедлилось на этотъ разъ, управленіе этой областью временно поручено было тогдашнему Тюменскому воеводѣ боярину *Матвѣю Михайловичу Годунову*. Это ясно видно изъ двухъ отписокъ въ Пермь—одной изъ Сольвычегодска отъ конца 1611 г. и другой изъ Устюга отъ 1612 г.***), которыя написаны на имя боярина и воеводы Матвѣя Михайловича, подъ которымъ должно разумѣть только Годунова, правившаго тогда Тюменью. Вычегодцы писали Пермичамъ объ установленіи всенароднаго поста, при чемъ ссылались на Устюжскую отписку отъ 9 октября 1611 года, а Устюжане просили Пермичей о присылкѣ ратныхъ людей

*) Отписку отъ 18 сентября 1611 г. см. въ «Актахъ Истор.» II, № 333, стр. 399.

**) См. ее тамъ же, II, № 337, стр. 402—403.

***) См. ихъ въ «Актахъ Арх. Эксп.» т. II, первую подъ № 199 и другую подъ № 200, на стр. 337—338.

для защиты Вологды отъ Нѣмцевъ. Только въ концѣ декабря 1612 г. въ Пермь прибылъ новый самостоятельный воевода *Петръ Степановичъ Нащокинъ* съ дьякомъ Иваномъ Митусовымъ. Это видно изъ отписки Верхотурскаго воеводы Степана Годунова къ Тюменскому—Матвѣю Годунову же отъ 27 декабря 1612 г.*), которая начиналась такъ: „Въ нынѣшнемъ во 121 году декабря въ 27 день писали ко мнѣ (на Верхотурье) изъ Перми Петръ Нащокинъ да Иванъ Митусовъ, что *въ нынѣшнемъ во 121 году декабря въ 16 день писали съ Москвы* бояринъ и воевода князь Дмитрей Тимоѣевичъ Трубецкой да . . . кн. Дмитрей Мих. Пожарской *въ Пермь Великую къ прежнимъ приказнымъ людямъ*“—о молебствіи по случаю избавленія Москвы отъ Поляковъ. Вскорѣ, а именно отъ 14 января 1613 г. отъ тѣхъ же князей на имя Нащокина и Митусова прислана была въ Пермь другая отписка о дачѣ жалованья изъ Пермскихъ доходовъ Тарскимъ и Березовскимъ казакамъ, отпущеннымъ въ Сибирь**). Назначеніе новаго воеводы въ Пермь было необходимо, потому что среди тамошнихъ инородцевъ было неудовольствіе по поводу усиленныхъ поборовъ ясака, а главное—начавшагося вербованія ихъ въ число ратныхъ людей, что имъ особенно не понравилось. О глухомъ броженіи среди нихъ свидѣлствуетъ отписка Тобольскаго воеводы князя Ивана Катывева-Ростовскаго Тюменскому воеводѣ Матвѣю Годунову отъ іюли 1612 г.***)). Тобольскій воевода извѣщалъ Годунова о готовящемся возмущеніи Вогуличей и Остяковъ, предлагая послать въ Пелымъ воинскихъ служивыхъ людей на случай нападенія на этотъ городъ инородцевъ. Изъ разспросныхъ рѣчей выяснилось, что неудовольствіе инородцевъ первоначально возникло среди Вишерскихъ и Лозвинскихъ Вогуличей, слѣдова-

*) См. въ «Русской Исторической Библіотекѣ», томъ II, № 101, стр. 289—290. Кромѣ того см. тотъ же актъ въ «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. II, № 288, стр. 619.

**) Эту отписку см. въ «Актахъ Арх. Эксп.» II, № 221, стр. 375—376.

***) Налечтана въ «Русской Историч. Библіотекѣ», томъ II, подъ № 100, стр. 284—288.

тельно въ Перми Великой, откуда перешло и въ Сибирь. „А Вишерскій Вогулетинъ Сарьямытъ Воренкинъ въ роспросѣ сказалъ, что *умышляли во всѣхъ Вишерскихъ и Лозвинскихъ волостяхъ Вогуличи, и Пелымской де сотникъ Сынка съ товарищи, и Березовскіе де Вогуличи съ нами жъ во умышленье итти въ Пермь воевать, и въ Конду, и въ Таборы, и во весь Пелымской уѣздъ, и въ иные города ссылатца...* И тѣ Вишерскіе и Лозвинскіе Вогуличи сказали: хотѣли де насъ въ войну взять къ Москвѣ.... *чтѣмъ де намъ итти на Русь воевать въ войну, мы де и здѣсь воюемъ въ Сибирскихъ городѣхъ; государя де на Москвѣ нѣтъ, нынѣ де одни въ Сибири воеводы, а людей Рускихъ мало во всѣхъ Сибирскихъ городѣхъ; а слухомъ де во всѣхъ Сибирскихъ городѣхъ по уѣздомъ Татарове и Остяки и Вогуличи думу ихъ вѣдаютъ*“. Вообще изъ разспросовъ при пыткѣ выяснилось, что среди Пермскихъ и Сибирскихъ инородцевъ готовилось сильное и единодушное возстаніе противъ русской власти во время междуцарствія, которымъ они и хотѣли воспользоваться, какъ самымъ удобнымъ временемъ для отмщенія Русскимъ всѣхъ прежнихъ обидъ. По плану заговорщиковъ, предполагено было лѣтомъ 1612 года, именно въ Ильинъ день, сжечь новый русскій Пелымъ, разгромить всѣ русскія селенія въ Пелымскомъ уѣздѣ по Тавдѣ, Кондѣ и Лозвѣ, прихвативъ часть Верхотурскаго и Березовскаго уѣздовъ, направиться съ главными силами по старой Московской дорогѣ на верховья Вишеры и оттуда броситься на Пермь Великую и „Пермскія волости воевать“, какъ было въ 1580 году при Пелымскомъ князѣ Кихекѣ. Умыселъ былъ весьма недобрый, но, къ счастью, воеводы своевременно узнали о его существованіи и быстрыми, рѣшительными мѣрами успѣли предупредить страшную опасность для мѣстнаго русскаго населенія. Этою-то опасностью и слѣдуетъ объяснить временное назначеніе Великопермскимъ воеводою боярина Матвѣя Михайловича Годунова до прибытія Нащокина въ Чердынъ и съ другой

стороны тѣмъ же неудовольствіемъ инородцевъ объясняется неисполненіе обѣщаній прежнихъ Пермскихъ воеводъ Акинѣева и Чемоданова набрать ратныхъ людей изъ мѣстныхъ инородцевъ, въ полной покорности которыхъ оба они сильно ошибались: духъ неповиновенія все еще жилъ въ нихъ. Въ виду особенной опасности для Пелыма воевода Катыревъ-Ростовскій послалъ къ тамошнему воеводѣ Петру Исленьеву служилыхъ людей Литвы и казаковъ „съ огненнымъ боемъ“ 40 чел. и Татаръ 50 чел., оговариваясь въ отпискѣ, что „Тобольскіе служилые люди по городамъ въ разсылкѣ, въ Мангазеѣ и въ Сургутѣ, *для измѣннаго жъ дѣла*, и на Тару послано по соль“. Каково было это измѣнное дѣло въ далекой Мангазеѣ и въ Сургутѣ—намъ обстоятельно разъяснилъ недавно проф. П. Н. Будицскій *). Въ виду недостаточности военной силы, посланной въ Пелымъ изъ Тобольска, воевода Катыревъ-Ростовскій и предлагаетъ Матвѣю Годунову послать на помощь Пелыму изъ Тюмени еще 50 чел. русскихъ и столько же Татаръ— „тотчасъ на конѣхъ, полемъ, или въ судахъ, какъ мочно, и какъ бы было скорѣе, чтобъ Пелымскому городу какіе порухи не учинилось“. Туринскому же воеводѣ Ѳедору Акинѣеву просить отписать изъ Тюмени, чтобъ тотъ „жилъ въ острогѣ бережно“. Относительно Перми, какъ области, не подчиненной Тобольску, Катыревъ-Ростовскій не могъ дѣлать предписаній воеводѣ Матвѣю Годунову, который получалъ ихъ изъ Москвы. Изъ нихъ не сохранилось однако ни одной грамоты или отписки по этому дѣлу.

Среди такихъ-то тревогъ и опасеній, къ счастью, миновавшихъ благополучно, кончилось для Перми Смутное время! Участіе ея въ „великомъ ратномъ дѣлѣ“ оказывается весьма скромнымъ, въ сравненіи напримѣръ съ Устюжанами и Сольвычегодцами. Но не слѣдуетъ забывать, что Устюгъ Великій

*) См. его брошюры: 1) «Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 г.» и 2) «Мангазея и Мангазейскій уѣздъ». Харьковъ. 1898 г.

пережилъ невзгоды новгородскихъ смуть задолго до Смутнаго времени, а Пермь Великая еще живо помнила тогда Сибирское взятіе, которое она вынесла преимущественно на своихъ плечахъ. Соль же Вычегодская сыграла замѣтную роль въ Смутное время благодаря главнымъ образомъ Строгановымъ, которые тогда жили тамъ. Такъ какъ Пермь Великая изъ своихъ земныхъ нѣдръ дала имъ весьма значительную долю состоянія, то она имѣетъ основаніе оспаривать у Сольвыгодска нѣкоторую долю заслугъ его предъ отечествомъ. Кромѣ того Строгановы, какъ мы знаемъ, ограничились участіемъ въ первоначальномъ завоеваніи Сибири и поддержкѣ Ермака, а остальная Пермь Великая, т. е. Чердынь, Соликамскъ и Кайгородъ съ ихъ уѣздами, несли на себѣ потомъ всю тяжесть этого завоеванія, въ смыслѣ снабженія Сибири хлѣбными и всякими другими запасами, что сильно истощало ихъ матеріальныя средства. Скажутъ, что эта повинность лежала и на другихъ поморскихъ городахъ, но пусть вспомнятъ, что только Чердынь и Соликамскъ были порубежными городами на пути въ Сибирь, что именно на Великопермскихъ воеводъ ложилась наибольшая отвѣтственность за исправное снабженіе вновь завоеванной обширной страны предметами первой необходимости. Мы видѣли ихъ неоднократныя оффиціальныя заявленія верховной власти о томъ, что въ Перми, въ государевой казнѣ, денегъ нѣтъ, что недоимки составляли здѣсь обычное явленіе; но видѣли также, что, не смотря на то, они въ Смутное время по мѣрѣ возможности все таки служили общему дѣлу, чѣмъ и какъ могли, и только воевода Акинеовъ во вторую половину своего воеводства дѣйствительно бездѣйствовалъ, ограничиваясь постоянными обѣщаніями помощи и очень немного исполняя изъ этихъ обѣщаній. Принимая во вниманіе всѣ указанныя мѣстныя условія, мы должны прійти къ заключенію, что слишкомъ рѣзкій упрекъ Пермскимъ воеводамъ Смутнаго времени, отчасти за исключеніемъ Акинеова, едва-ли будетъ справедливъ съ точки зрѣ-

нія безпристрастнаго изслѣдователя, что отзывъ С. М. Соловьева о Пермичахъ того времени не основанъ на достаточномъ знакомствѣ съ исключительными мѣстными условіями жизни Пермскаго края на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, и что многія другія русскія области проявили въ то бѣдственное для Россіи время не большее участіе въ общемъ дѣлѣ спасенія ея отъ постигшихъ невзгодъ.

А. Дмитриевъ.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Въ приложеніяхъ къ IV выпуску „Пермской Старины“ я перепечаталъ первую царскую грамоту отъ 4-го апрѣля 1558 г., пожалованную Строгановымъ на земли въ Пермь Великой. Послѣ того я имѣлъ счастливый случай лично видѣть и прочесть эту важную въ исторіи края грамоту въ томъ самомъ экземплярѣ, который хранится въ главной С.-Петербургской конторѣ гр. С. А. Строганова, нынѣшняго владѣльца обширныхъ земель на Уралѣ, и съ котораго исторіографъ Г. Ф. Миллеръ сдѣлалъ первое ея изданіе въ своемъ „Описаніи Сибирскаго Царства“ 1750 года. Оказалось, что текстъ грамоты Миллеръ воспроизвелъ почти съ буквальной точностью, допустивъ только отступленія отъ правописанія оригинала, которое дѣйствительно не вездѣ исправно. Но Миллеръ, а послѣ того и проф. Устряловъ неправильно считали этотъ экземпляръ грамоты подлинникомъ, будучи введены въ ошибку, вѣроятно, сохранившейся красной восковой вислой печатью, теперь уже значительно попорченной отъ времени *). Послѣ нихъ историкъ Строгановыхъ Ѳ. А. Волеговъ первый высказалъ сомнѣніе въ подлинности этой грамоты, въ чемъ мы теперь окончательно убѣдились путемъ сравненія печатнаго экземпляра съ рукописнымъ: послѣдній оказался копіей подлинной грамоты, несомнѣнно утраченной;

*) На одной сторонѣ ея изображенъ Георгій Побѣдоносецъ и кругомъ слова: «Иванъ, Вожію милостию чарь господарь всея Руси», на другой—двуглавый орелъ и кругомъ слова: «И великій князь Володимерскій, Московскій, Новгородскій и иныхъ». Цѣльное изображеніе тогдашняго государственнаго герба можно видѣть подъ грамотою Іоанна IV князю Ивану Юрьевичу Морткину отъ ноября 1577 г. на отдачу въ кормленіе города Карачева, въ «Собраніи Госуд. Грамот. и Договоровъ», томъ II, № 46, стр. 65. На Строгановской грамотѣ отъ 4 апрѣля 1558 г. была эта самая печать.

но эта копія въ своей вѣрности засвидѣтельствована приложеніемъ государственной печати на шелковомъ шнурѣ, конечно, по просьбѣ Строгановыхъ. Миллерова „Пыскорская курья“ въ этой древнѣйшей копіи грамоты называется *Пызноской курьей*—отъ рѣчки Позь, какъ думаютъ нѣкоторые, а не отъ рѣчки Пыскорки, какъ полагалъ Миллеръ. Передѣлка имъ этого названія, написаннаго отчетливо, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ понятна для насъ. Кромѣ того въ изданіи Миллера приведены не всѣ подписи въ концѣ грамоты, какъ будто онъ по копіи хотѣлъ возстановить самый подлинникъ. Если такъ, что Миллеръ тоже сомнѣвался въ подлинности экземпляра грамоты, бывшаго въ его рукахъ, но въ своемъ изданіи хотѣлъ дать подлинный ея видъ, чѣмъ и объясняются, можетъ быть, указанныя отступленія его отъ рукописной копіи грамоты. Такихъ издательскихъ правилъ не раздѣляла наша Археографическая Коммиссія, почему и пропустила въ своихъ „Актахъ Историческихъ“ и „Дополненіяхъ“ къ нимъ грамоту 1558 г., не смотря на всю важность ея содержанія, но внесла въ I-й томъ „Дополненій“ къ актамъ вторую и третью грамоты Строгановыхъ отъ 2 января 1564 г. и 25 марта 1568 г., какъ сохранившія подлинный видъ (см. стр. 168—175) *). Подлинныхъ подписей на копіи грамоты 1558 г. нѣтъ ниодной. Указанныя Миллеромъ подписи на оборотѣ грамоты всѣ сдѣланы одной рукой, слѣдовательно, онѣ просто *списаны* съ подлинной грамоты, а не суть дѣйствительные автографы. Но Миллеръ совсѣмъ уже не приводитъ слѣдующихъ словъ, обозначенныхъ на подклеенномъ подѣ грамотою, въ правомъ нижнемъ углу ея, листкѣ (грамота писана почти на квадратномъ листѣ бумаги): „*А подпись на грамотѣ: царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси. А подписалъ государевъ дьякъ Петръ Даниловъ. Приказали околничей Ѳедоръ Ивановичъ Умной да Алексѣй Федоровичъ Адашевъ да казначѣй Федоръ Ивановичъ*“

*) См. «Пермс. Стар.» I, 96—99 и 101 и вып. IV, 103—104.

Сукинъ да Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ. А приказъ подписалъ дьякъ Третьякъ Карачаровъ“. Вотъ эта-то только подпись царя Ивана Васильевича и его дьяка Петра Данилова и была на подлинной утраченной грамотѣ отъ 4 апрѣля 1558 г., а не та, которую увидалъ Миллеръ на оборотѣ копіи грамоты, принявъ ее за подлинную подпись. На копіи можно было написать: „а подпись на грамотѣ“ такая-то, но на подлинникѣ такой помѣтки не могло быть. Утраченный подлинникъ подписали только самъ царь Иванъ Васильевичъ и его дьякъ Петръ Даниловъ. Приказали выдать подлинную грамоту Строгановымъ Умною, Адашевъ, Сукинъ и Тютинъ, а этотъ ихъ приказъ о выдачѣ грамоты былъ подписанъ дьякомъ Карачаровымъ. Объ этомъ приказѣ на оборотѣ утраченнаго подлинника была сдѣлана только помѣтка, но едва-ли собственноручныя подписи перечисленныхъ лицъ, изъ коихъ подписью Адашева напрасно такъ восхищался Устряловъ, а послѣ него и Д. И. Иловайскій въ своей „Исторіи Россіи“ (т. III, 385). Самый приказъ, безъ сомнѣнія, утраченъ былъ еще раньше грамоты. Но когда и какъ утрачена была грамота и когда написана сохранившаяся копія ея—остается неизвѣстнымъ. Письмо этой копіи мелкое, четкое и можетъ быть отнесено къ концу XVI в. или къ первой половинѣ XVII вѣка, когда Строгановымъ, какъ мы знаемъ, опять сильно благоволила верховная власть. Они могли испросить эту копію во время частыхъ личныхъ посѣщеній Москвы и, весьма вѣроятно, самаго двора Московскихъ царей, который еще хорошо помнилъ щедрія пожертвованія Строгановыхъ въ Смѣтное время. Но вѣроятнѣе всего, копія грамоты была дана еще при томъ же Іоаннѣ IV, до его опалы на Строгановыхъ.

Мы сочли необходимою эту библиографическую поправку потому, что въ IV выпускѣ нашего изданія перепечатали грамоту 1558 г. въ редакціи того же Миллера, который ошибался въ подлинности документа. Такъ какъ въ настоя-

щемъ выпускѣ намъ опять пришлось много говорить о Строгановыхъ, то считаемъ совершенно умѣстнымъ напечатать здѣсь рядъ неизданныхъ еще грамотъ, жалованныхъ Строгановымъ, — отчасти въ полномъ видѣ, а большею частію въ извлеченіяхъ, за неимѣніемъ полныхъ списковъ. Эти грамоты списалъ съ подлинниковъ еще въ началѣ нашего вѣка Ѳ. А. Волеговъ во время своей службы въ главной С.-Петербургской конторѣ Строгановыхъ, а затѣмъ въ ихъ Пермскихъ имѣніяхъ*), почему на правильность копій можно положиться. Рядъ издаваемыхъ нами грамотъ XVI — XVII в.в. ясно покажетъ намъ отношеніе верховной власти къ именитымъ Пермскимъ людямъ въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе фамиліи Строгановыхъ въ общей исторіи государства.

Кромѣ Строгановскихъ грамотъ мы помѣщаемъ здѣсь извлеченія изъ двухъ старинныхъ синодиковъ, которыя могутъ служить новымъ матеріаломъ для родословной Строгановыхъ, уже изданной нами въ III томѣ сборника „Пермскій Край“ (Пермь. 1895 г.).

А. Дмитриевъ.

---

*) См. нашу статью: «Ѳедотъ Алексѣевичъ Волеговъ. Очеркъ его жизни и перелиска» въ III томѣ сборника «Пермскій Край». Пермь. 1895 г.

Строгановскія грамоты XVI—XVII в.в.

1) Грамота отъ 2 апрѣля 1564 года Аеанасію Владимірову Строганову на землю у Соли Вычегодской.

Для пониманія этой грамоты нужно смотрѣть родословную Строгановыхъ во II вып. «Пермской Старины» (таб. на стр. 69), къ которой добавляемъ слѣдующія указанія:

Владиміръ Ѳеодоровъ Строгановъ
(братъ извѣстнаго Аники)

Въ Пермскихъ вотчинахъ	$\left\{ \begin{array}{c} \\ \text{Аеанасій} \\ \\ \text{Иванъ} \\ \\ \text{Петръ} \\ \\ \text{Аеанасій.} \end{array} \right\}$	Крестьяне Устюжскаго и
никогда не участвовали.		Сольвычегодскаго уѣздовъ.

Полный текстъ грамоты таковъ:

«Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми Усолца Афанасья Владимірова сына Строганова, что намъ билъ челомъ, а сказалъ, что деи есть противу Усолсково острову за рѣкою, подъ Бранцовымъ, по старой рѣкѣ, отъ нижнево конца Минсково острова песокъ, да по той же рѣкѣ отъ нижнево конца Козминсково острова до.... присадка по материкъ внизъ, и того де песку и присадки въ писцовыхъ книгахъ не написано, и оброку съ нихъ въ нашу казну не платитъ никто. И намъ бы Усольца Афонку Строганова пожаловати—велѣти ему дать тотъ песокъ и присадку на оброкъ, а платитъ ему съ того песку и присадки оброку ежегодъ по полуполтинѣ на годъ. А будетъ такъ, какъ намъ Афонка Строгановъ билъ челомъ, а того будетъ песку и присадки на оброкъ нѣтъ ни за кѣмъ и въ писцовыхъ книгахъ къ посаду и къ деревнямъ къ Усолскимъ не приписано, и оброку съ того песку и съ присадки въ нашу казну не платитъ никто, и язъ Царь и Вел. Кн. Иванъ Васильевичъ всеа Русіи Афонку Строганова пожаловалъ, велѣлъ ему тотъ песокъ и присадку дать на оброкъ, а давать ему съ того песку и съ присадки оброку ежегодъ по полуполтинѣ на годъ. А норука по

Усолць Афонкѣ Строгановѣ въ томъ оброкѣ Усолцы жъ Исакъ Андрѣевъ сынъ Несвигаевъ да Василей Ананьинъ сынъ Пищалкинъ, что Афонкѣ Строганову съ того песку и съ присадки оброку платить и пошлинъ платить на срокъ на Срѣтеневъ день ежегодно безволокитно. А не учнетъ Афонка съ того песку и съ присадки платить оброку на Срѣтеневъ день ежегодно безволокитно, и тотъ оброкъ на Афонкиныхъ порукахъ искать и на прошлые годы сполна по сей грамотѣ и по книгамъ. Дана грамота на Москвѣ лѣта 7072 апрѣля въ 2 день (1564)».

А позади грамоты пишетъ: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи.

„Лѣта 7105 октября 13 день (1596) Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи, сей жалованныя грамоты слушавъ, Усолца Афонку Владимірова сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ ему сію грамоту подписать на свое Цареве и Вел. Кн. Ѳедора Ив—ча всеа Русіи имя, и сей у него грамоты рушити не велѣлъ никому ни въ чемъ, а велѣлъ у него ходити во всемъ потому, какъ въ сей грамотѣ писано“.

(Далѣе сдѣлана такая же подтвердительная надпись на грамотѣ отъ царя Бориса Ѳедоровича, только съ обозначеніемъ въ концѣ ея 7107 года января 31-го (1599-го) и фамиліи дьяка Василя Нелюбова. Еще ниже слѣдуютъ точно такія же надписи уже на имя Ивана Афанасьева сына Строганова отъ 7116 года апрѣля безъ числа (1608 г.) царя Василя Ивановича и отъ 7128 г. октября 25 (1619) царя Михаила Ѳеодоровича—последняя надпись за скрѣпою думнаго дьяка Томилы Луговскаго).

„А у списка на оборотѣ писано тако: Афанасей Владиміровъ сынъ Строгановъ былъ мнѣ, Афонкѣ Петрову сыну Строганову, ирадѣдъ, а подлинная государева грамота у меня, Афонки“.

2) Извлеченіе изъ грамоты отъ 8 августа 1570 г. Якову Аникіевичу Строганову о торговлѣ иноземцевъ.

7078 году августа 8 дня въ грамотѣ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича къ Соли Вычегодской Якову Аникіеву Строганову написано:

„И какъ сія наша грамота придетъ, и ты бѣ Аглинскимъ Нѣмцомъ, какъ придутъ къ Соли Вычегоцкой, торговати до Москвы никакимъ товаромъ не давалъ, а ѣздили бы со всякими товарами на Москву, чтобъ на Двинѣ была наша заповѣдъ, что oprичъ

Аглинцовъ инымъ гостемъ не торговати. И нынѣ есми всеѣмъ иноземцомъ гостемъ велѣли торговати. А которые грамоты наши жалованные у Аглинцовъ поимали да и намъ прислали; а не скажутъ Аглинцы грамотъ, и вы бѣ о томъ нашу заповѣдь учинили, что тѣ наши грамоты, которые Аглинцомъ даваны, не въ грамоты, а иноземцы бѣ всеѣ торговали по нашему жалованью, а врознь Аглинцомъ никакими товары торговати не велѣли, и по подворьемъ нигдѣ ни хъ кому съ товары и безъ товаровъ ходити имъ не велѣли. А которой товаръ въ аршины продаютъ, и тотъ продавать поставомъ, а вѣсчей товаръ въ пудъ, а золото и серебро и шолкъ литрами, а кружива золотые и серебряные въ гривенку. Да и въ Новѣ-городѣ и во Исковѣ торговати есми велѣли Аглинцомъ потому жъ, а въ Нижней Новгородѣ, и въ Казань, и въ Астрахань, и въ Тюмень, и въ Шекалы Аглинцовъ торговати не пропускать; да и въ Ругодивѣ и на Иванѣ городѣ торговати по тому жъ нашему указу. А тамгу бѣ съ Аглинскихъ гостей и съ купцовъ имали бѣ со всеѣхъ ихъ товаровъ по тому жъ указу, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей емлютъ. Да учинили бѣ есте заповѣдь о продажныхъ винѣхъ и о вѣсномъ товарѣ, чтобъ врознь не продавали, а учнутъ продавати, то имати заповѣдь отъ чарки по два рубля, а отъ стопы по три рубля, отъ ведра по пяти рублевъ, а отъ золотника имать по два рубля, а болши того или менши—и то по росчѣту; а льну и поскони безъ нашего указу купити имъ не велѣлъ, и въ заѣзды бы ихъ по селомъ не пускали и конать не дѣлали. А кто что продастъ заповѣдное безъ нашего указу, и на томъ продавцѣ заповѣди по пятидесять рублевъ. А что пожаловалъ азъ царь и вел. князь Аглинскихъ гостей—позволилъ ставити у желѣзныхъ рудъ, гдѣ желѣзо дѣлаютъ, домницы, и нынѣ то повольство отставити, дѣлати имъ не ослобожати; а что на корабельное дѣло шолъ лѣсъ, и того впредь не ослобожати; да сыскали бы есте: на корабельное дѣло лѣсъ у васъ Аглинцы дѣлали-ль и по сколку того лѣсу на корабельное дѣло на годъ выходило, и какими иными товары Аглинцы у Соли Вычегоцкіе промышляютъ, да сыскавъ отписали бы есте къ намъ на Москву въ Четвертной Приказъ“.

3) Извлеченіе изъ грамоты отъ 28 сентября 1570 г. Вычегодцамъ объ уплатѣ денегъ Григорію Аникіевичу Строганову.

7079 г. сентября 28 дня въ грамотѣ государя царя и вел. князя Іоанна Васильевича въ Устюжской уѣздѣ Вычегодской Соли*) посадскимъ излюбленнымъ судьямъ Андрюшкѣ Бутусину съ товарищи, да околородныхъ деревень Федотку Логупову и Пачезерскому судѣ Гришкѣ Иванову сыну Макаровскому съ товарищи, да данному цѣловальнику Ивашкѣ Корнилову съ товарищи написано: „Здѣсе на Москвѣ въ мою Цареву и Вел. Князя казну въ Четвертной Приказъ дьяку Кургану Лапину да Ивану Савину заплатилъ на нынѣшней 79-й годѣ Григорей Аникьевъ Строгановъ съ Соли Вычегодской съ посаду за намѣстничъ доходъ и за присудѣ оброку и пошлинѣ 327 руб. 23 ал. пол-6 денги; да мыту водяного оброку и пошлинѣ 17 руб. 29 ал. 4 д.; да съ Усолскихъ съ четырехъ деревень оброку и пошлинѣ 143 руб. 31 ал. пол-4 денги; да съ села съ Пачезера Великого и съ деревень и съ починковъ оброку и пошлинѣ 92 руб. и 3 денги; да съ Вычегодскіе Соли съ посаду и съ уѣзду дани и за оброчной хлѣбъ и всякихъ оброковъ твоего Ивашкина збору Корнилова 485 руб. 7 ал. 2 денги; да съ лѣсу съ чернаго и съ угодей по обѣ стороны Нотбы рѣки внизъ до Вычегды и по рѣчкѣ по Радбежу по обѣ стороны и съ Терюшинымъ болотомъ, да и отъ Терюшина болота до Варжи рѣки на нынѣшней 79 годѣ наддачи 1 рубль 9 алтынъ; да на прошлой 78 годѣ наддачи, что не доплатилъ излюбленной судья Антипко Галечанинъ, 1 рубль и 2 алтына. А сказалъ Григорей Строгановъ, что онъ заплатилъ тѣ всѣ денги своими денгами для того, чтобы по крестьянѣ въ томъ приставѣ не ѣздилъ; да и описи дьяки наши въ тѣхъ во всѣхъ денгахъ Григорью дали. И будетъ Григорей Строгановъ тѣ оброчные денги и данные денги, которые въ сей грамотѣ писаны, платилъ своими денгами, а не посацкихъ людей и не волостными, и какъ еъ вамъ сія наша грамота придетъ, и вы бѣ тѣ денги съ посаду и съ волостей собрали, а собравъ тѣ денги, отдали Григорью Аникьеву сыну Строганову по нашимъ описямъ. А что ему денегъ заплатите, и вы бѣ у него въ тѣхъ денгахъ отписи взяли“.

*) Сольвычегодскъ состоялъ тогда въ вѣдѣніи Приказа Устюжской Четверти.

4) Подорожная память отъ 13 января 1573 г.

7081 года генваря 13 дня въ памяти написано: „Отъ Великаго Новагорода до Вологды и до Соли Вычегоцкіе по ямомъ ямщикомъ и по волостемъ и по погостомъ старостамъ и всѣмъ волостнымъ людемъ, чей хто ни будь, чтобы есте давали Яковлевѣ дочерѣ Аникьева по наслѣгомъ и по станомъ вездѣ подворья, гдѣ ей лучитца стати; а государевымъ посланникомъ и гонцомъ у нее въ подводы не имати“*).

5) Извлеченіе изъ грамоты отъ 12 декабря 1573 г. Якову Ан. Строганову о доставленіи соболей ко двору.

7082 г. декабря 12 дня въ грамотѣ государя царя и вел. кн. Іоанна Васильевича Якову Аникіеву Строганову написано: „И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ купилъ на насъ соболей сорокъ по осми рублевъ, и по 9 рублевъ, и по 10 руб., и по 11 руб., и по 12 руб., и по 13 рублевъ, да и дорогихъ соболей-единцовъ купилъ, сколько добудешь; да искупишь тѣ соболи и единцы, прислалъ бы еси къ намъ часа того наборзѣ. А на которые соболи денегъ нѣтъ, и ты бѣ соболи поималъ на договорѣ, да къ намъ отписалъ, и мы къ тебѣ за тѣ соболи денги пришлемъ тотчасъ“.

6) Изъ грамоты и подорожной отъ 12 марта 1574 г. Якову и Григорію Строгановымъ на пріѣздъ въ Александровскую слободу.

7082 г. марта 12 дня въ грамотѣ царя Іоанна Васильевича Якову и Григорію Аникіевымъ Строгановымъ написано: „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ были къ намъ въ Слободу часа того на подводахъ, а подорожную еси къ вамъ послали съ сею жъ грамотою вмѣстѣ“.

Въ подорожной отъ того же 12 марта значилось: «Отъ Москвы до Слободы по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безъ отмѣны, чей хто ни будь, чтобы есте давали Якову

---

*) У Якова Аникіевича Строганова было двѣ дочери: Анна и Θεодосія. О которой здѣсь идетъ рѣчь—не извѣстно. См. родословную во II вып. «Пермс. Старины». Сравнить ниже съ № 6-мъ.

да Григорью Аникіевымъ дѣтямъ Строгановымъ по двѣ подводѣ да по проводнику въ оглобли вездѣ, не задержавъ ни часу»^{*)}).

7) Изъ грамоты отъ 23 сентября 1574 г. тѣмъ же Строгановымъ о зачетѣ денегъ за присланныя ими ширинки.

7083 года сентября 23 дня въ грамотѣ царя Іоанна Васильевича Якову и Григорію Аникіевичамъ Строгановымъ написано: „Прислали есте къ намъ ширинки, и что вы дали за ширинки, и что у васъ иманы на насъ и на товары (деньги)—и мы васъ пожаловали, велѣли за тѣ ширинки и за иные товары зачестъ князю Юрью Ивановичю Токмакову (?) да дьяку Петру Григорьеву въ тѣ денги, которые намъ на васъ имать; а достальныя бы есте ширинки однолично докупили, а денги вамъ велимъ зачестъ изъ тѣхъ же денегъ“.

8) Изъ грамоты отъ 1 октября 1574 г. тѣмъ же Строгановымъ о покупкѣ для двора гусянаго пуху.

7083 г. октября 1 дня въ грамотѣ царя тѣмъ же Якову и Григорью Строгановымъ написано: „Чтобъ есте купили часа того пуху гусяна добраго, мелкаго, новаго, чистаго—пудъ съ пять или больше, а денегъ послали еси къ вамъ двадцать рублевъ; и вы бѣ однолично новаго пуху купили и прислали тотъ пухъ къ намъ съ Шестакомъ съ Васильевымъ наборзо“.

9) Изъ грамоты отъ 8 декабря 1574 г. тѣмъ же Строгановымъ о новой покупкѣ для двора ширинокъ.

7083 г. декабря 8 дня въ грамотѣ царя тѣмъ же Строгановымъ написано: „Послали еси къ Москвѣ Семена Володиміровича Безобразова, да съ нимъ 300 рублевъ, а велѣли ему на тѣ денги съ вами вмѣстѣ купити на насъ ширипокъ**), питыхъ золотомъ да серебромъ, накищиваны (съ кистями?), или которые

---

^{*)} Сравнить выше съ № 4. Пслѣдствіемъ этой поѣздки Строгановыхъ къ царю было дарованіе имъ извѣстной грамоты отъ 30 мая 1574 г. на земли въ Сибири, о чемъ см. «Пермс. Стар.» V, 124. Братья Строгановы, очевидно, были тогда въ Москвѣ.

^{**) Судя по этому, братья Строгановы тогда все еще проживали въ Москвѣ, по пріѣздѣ изъ слободы. Надо полагать, что не даромъ досталась имъ грамота на земли въ Сибири!}

не накищиваны—полторы тысячи; а купити велѣли еси ширинку по 4 руб., и по 3 руб., и по полу-по 3 руб., и по 2 руб., и по полу—по 2 руб., и по 1 рублю, и по полу-30 алт., и больше и меньше, которые ширинки по цѣнѣ доведетца купити; и вы бѣ съ Семеномъ Безобразовымъ вмѣстѣ за одинѣ купили, а купили бѣ есте ширинки лутче тѣхъ, какъ вы прежь сего купили. А будетъ у васъ денегъ нашихъ не достанетъ, и вы бѣ за тѣ ширинки доплатили свои денги; а что вы денегъ своихъ за тѣ ширинки доплатите, и вы о томъ къ намъ отписали, и мы вамъ велимъ тѣ денги въ зачетъ подписать; а однолично бѣ есте полторы тысячи купили намъ ширинокъ добрыхъ“*).

10) Подорожная Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу Строгановымъ отъ 13 мая 1608 г.

7116 года маія 13 дня въ подорожной отъ царя Василья Ивановича Шуйскаго написано: „Отъ Москвы по дорогѣ до Вологды и до Вычегоцкіе Соли по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безъ отмѣны, чей хто ни будь, чтобъ есте давали Максиму да Никитѣ Строгановымъ по пяти подводъ съ седлы, да проводниковъ на подводѣ вездѣ, не задержавъ ни часу; а за тѣ подводы иманы у нихъ прогоны по нашему указу“.

11) Изъ грамоты отъ 19 іюня 1608 года Максиму и Никитѣ Строгановымъ съ просьбою о дачѣ денегъ.

7116 г. іюня 19 дня въ грамотѣ царя Василія Ивановича къ Соли Вычегодской Максиму и Никитѣ Строгановымъ написано: „И вы, Максимъ да Никита, дали намъ на Москвѣ въ подмогу, служивымъ людемъ на жалованье, тысячу рублевъ, да и на Москвѣ и по городомъ многіе лутчіе люди, гости и торговые люди въ подмогу денегъ давали жъ, и тѣхъ денегъ служивымъ людемъ не достало; которые наши четвертные кабацкіе денги нынѣшняго 116 году въ зборѣ будутъ и тѣ денги по срокамъ въ собранѣ будутъ къ Семеню дню. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и вы бѣ ещо нынѣ дали въ заемъ для поспѣ-

---

*) Замѣтимъ, что всѣ братья Строгановы и ихъ отецъ Аника были приняты Іоанномъ въ опричину еще по грамотѣ отъ 16 августа 1566 г., почему и пользовались благоволеніемъ царя. См. «Дополненія къ Актамъ Историч.». т. 1, 172.

шенія пять сотъ рублей, а мы вамъ тѣ денги велимъ отдать изъ Усолскихъ четвертныхъ доходовъ, какъ въ зборѣ будутъ, а ваше радѣнье и ссуда служилымъ людямъ въ забвеньѣ не будетъ“*).

12) Изъ грамоты отъ 26 января 1609 г. Максиму и Никитѣ Строгановымъ о сборѣ ратныхъ людей.

7117 г. января 26 дня въ грамотѣ царя Василя Ивановича къ Соли Вычегодской Максиму и Никитѣ Строгановымъ написано: „И намъ вѣдомо учинилось, что вы за православную вѣру и за святя Божія церкви стоите и намъ во всемъ радѣете и прямите. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и вы бѣ съ Соли съ посаду и съ Усолскаго уѣзду велѣли собрати ратныхъ людей съ копы и съ пищалми, и съ рогатинами, и со всякимъ ратнымъ боемъ, сколько будетъ пригоже, передъ прежнимъ вдвое и будетъ возможно—инобъ и втрое; и свѣстясъ съ тутошными съ ратными людми, велѣли есте итти на Вологду, а на Вологдѣ есте тѣмъ ратнымъ людямъ велѣли быти въ собраньѣ; и съ Вологды шли бѣ въ Даниловскую слободу, а дожидаться имъ велѣли инымъ городомъ ратныхъ людей—съ Костромы и съ Галича, и съ Бѣлаозера, и съ Двины. А запасу бѣ имали съ собою сухари и толокно и крупы до весны, а у дву человекъ подъ запасомъ было по лошади съ саньми; да были бѣ у всякаго человека лыжи; и велѣли бѣ у нихъ быти для береженья у ста человекъ по человеку, выбравъ изъ Усолскихъ лутчихъ людей, чтобъ тѣ ратные люди идучи дорогою не грабили“.

13) Изъ грамоты отъ 4 августа 1609 г. Максиму, Никитѣ, Андрею и Петру Строгановымъ съ предложеніемъ радѣть и прямить во всемъ царю.

7117 г. августа 4 дня въ грамотѣ царя Василя Ивановича къ Соли Вычегодской Максиму, Никитѣ, Андрею и Петру Строгановымъ и Сольвычегодскимъ посадскимъ и уѣзднымъ старостамъ

---

*) Дѣйствительно, въ томъ же году Максимъ и Никита еще получили грамоту о несудимости ихъ и людей ихъ на мѣстѣ и другихъ льготахъ. Извлеченіе изъ нея приведено въ сводной грамотѣ Строгановымъ отъ 25 іюля 1692 г., напечатанной Устряловымъ («Именитые люди Строгановы». СПб. 1842 г., стр. 44), почему мы его здѣсь не помѣщаемъ. Слѣдующая грамота 1609 г. тоже включена въ сводную, но какъ наша выписка полнѣе, то мы помѣщаемъ ее здѣсь подъ № 12.

и цѣловальникамъ и всѣмъ земскимъ людямъ написано: «И на томъ вамъ помози Богъ, что о нашемъ и о земскомъ дѣлѣ радѣете, помня наше крестное цѣлованье. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и впредь бы есте намъ служили, и о нашемъ и о земскомъ дѣлѣ радѣли и промышляли, какъ Богъ помочи подасть; а какъ дастъ Богъ, въ землѣ нашей гнѣвъ Божей поминуется, и мы васъ за вашу службу и за радѣніе пожалуемъ».

14) Изъ грамоты князя Мих. Вас. Скопина Шуйскаго отъ 28 августа 1609 г. тѣмъ же Строгановымъ съ просьбою о дачѣ средствъ на наемъ ратныхъ людей.

7117 г. августа въ 28 день въ грамотѣ князя Михаила Васильевича Шуйскаго Максиму Яковлевичу, Никитѣ Григорьевичу, Андрею и Петру Семеновичамъ Строгановымъ написано: «И вы бѣ, господіе, сами и торговымъ, и середнимъ, и всякимъ людемъ говорили, чтобъ для покою и крестьянскіе избавы и для того, чтобъ Московское государство за наемными денгами и досталь не разорилося, дали на наемъ ратнымъ людемъ денегъ и суконъ, и камокъ, и тафтъ, сколько кому мочно. А какъ дастъ Богъ, отъ воровъ и Литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, государь царь и вел. князь Василій Ивановичъ всеа Русіи велить тѣ денги заплатить, а кто сколько денегъ и суконъ, и камокъ, и тафтъ дастъ, и вы бѣ, то все писавъ въ книги имянно, прислали тѣ денги и сукна, и камки, и тафты ко мнѣ въ полки тотчасъ, наскоро».

15) Изъ грамоты отъ 27 декабря 1609 г. отъ того же князя Михаила Шуйскаго съ товарищи тѣмъ же Строгановымъ о береженьѣ отъ измѣнниковъ.

7118 г. декабря 27 дня въ другой грамотѣ того же князя Мих. Вас. Шуйскаго Максиму, Никитѣ, Андрею и Петру Строгановымъ, да подъячему Григорью Рукавову къ Соли Вычегодской написано: „И вы бѣ отъ государевыхъ измѣнщиковъ и отъ Черемисы у Соли Вычегодскіе жили съ великимъ береженьемъ и государевымъ дѣломъ промышляли, сколько Богъ помочи подасть“.

16) Изъ грамоты отъ 24 марта 1610 года отъ царя Василія Шуйскаго Максиму и Никитѣ Строгановымъ съ похвалою за заслуги ихъ фамиліи предъ отечествомъ и съ просьбою дать денегъ.

7118 г. марта 24 дня въ грамотѣ царя Василія Ивановича Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу къ Соли Вычегодской написано: „Всемирнаго ради грѣха, а по заводу Литовскихъ людей, и воры Рускіе люди совокупляся съ Литовскими людми, въ нашемъ Россійскомъ государствѣ многіе города и волости смутили и какія злыя и нестерпимыя бѣды подѣлали, и многимъ людемъ разореніе, и грабежи, и убивства, и плѣнъ, и расхищеніе учинили, и землю государства нашего пусту учинили же; а которые бояре и дворяне и всякіе служивые люди, помня Бога, въ осадѣ сидѣли и всякую нужду и голодъ претерпѣвали, и намъ служили на бояхъ и на сторожахъ безпрестани,—и наше жалованье имъ давано денгами, и золотыми, и жемчугомъ, и платьемъ, и рухлядью, и въ томъ казна наша истощала. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ помятовали къ себѣ наше жалованье и свою къ намъ прежнюю службу и радѣніе, насъ ссудили, дали намъ въ заемъ денегъ, чѣмъ бы намъ служивыхъ людей пожаловать, чтобъ Божиимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы заступленіемъ и всѣхъ святыхъ молитвами, а бояръ нашихъ и дворянъ и служивыхъ людей къ намъ прямою службою и вашимъ вспоможеніемъ, Литовскихъ людей и Рускихъ воровъ одолѣемъ, какія милости отъ Бога сподоблены будете, а отъ насъ великое жалованье и честь пріимете и отъ всѣхъ людей похвалу получите! Попомните, въ прежнихъ временахъ великаго князя Василія Васильевича окупилъ изъ полону. Какой великой чести сподоблены! А вы только насъ ссудите немалыми денгами тысячъ съ десять“.

17) Изъ грамоты отъ того же 24 марта 1610 г. Андрею и Петру Семеновичамъ Строгановымъ о ссудѣ двухъ тысячъ рублей.

7118 года марта 24 дня въ другой грамотѣ царя Василія Ивановича Андрею и Петру Семеновичамъ Строгановымъ къ Соли Вычегодской написано: „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ помятовали къ себѣ наше жалованье и свою къ

намъ прежнюю службу и радѣнье, насъ ссудили, намъ дали бы въ заемъ двѣ тысячи рублей, чтобъ нынѣ служивыхъ людей пожаловать, чтобъ Божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы заступленіемъ и всѣхъ святыхъ молитвами, а бояръ нашихъ и дворянъ и служивыхъ людей прямою службою и вашимъ вспоможеніемъ, Литовскихъ людей и Рускихъ воровъ одолѣемъ, какіе милости отъ Бога сподоблены будете, а отъ насъ великое жалованье и честь примете и отъ всѣхъ людей похвалу получите! А мы вамъ тѣ денги велимъ заплатить въ поморскихъ городѣхъ изъ доходовъ. А какъ вы намъ денги дадите, и вы бѣ о томъ къ намъ писали“*).

18) Изъ грамоты отъ 27 мая 1610 года Максиму, Никитѣ, Андрею и Петру Строгановымъ о новомъ достоинствѣ денегъ въ Россіи.

7118 г. мая 27 дня въ грамотѣ царя Василя Ивановича въ Сольвычегодскѣ на имя всѣхъ четырехъ Строгановыхъ написано: «Указали есьмя дѣлати въ Московскомъ государствѣ новгородки и московки золотые, плава начисто, и то золото давати служивымъ людямъ въ наше жалованье, и нѣмцомъ и всякимъ иноземцомъ въ наемъ и на кормъ, чтобъ Московскіе и пріѣзжіе гости и торговые люди у служивыхъ людей и у иноземцовъ и межъ себя за взятіе товаровъ вмѣсто денегъ имали новгородку золотую за гривну, а московку за десять денегъ; и по сему нашему указу золотой угорской станеть по полтинѣ, а серебряными денгами торговали жъ по прежнему; и велѣли есьмя новгородки и московки золотые имати въ нашу казну во всякіе наши подати и съ ихъ товаровъ въ таможную пошлины, и съ лавокъ оброкъ, и съ судныхъ дѣлъ пошлины; и межъ себя бы торговые и всякіе люди золотыми торговали. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли о томъ у себя во всѣхъ городкахъ и слободахъ и деревняхъ, которыя по Камѣ и по Чусовой, по торговь и по ярманкамъ кликати по многіе торговые дни, чтобъ про то всякимъ людямъ было вѣдомо; а какъ во всѣхъ городѣхъ и въ слободахъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ, которые за вами, учнутъ всякіе торговые пріѣзжіе и пашенные люди золотыми

---

*) Въ сводной грамотѣ отъ 25 іюля 1692 г., напечатанной у Устрялова, на стр. 44—46 приведены извлечения еще изъ нѣсколькихъ грамотъ того же 1610 года.

торговати, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ, къ Москвѣ. А которые люди мимо сей нашъ указъ за всякіе товары новгородокъ и московокъ золотыхъ имати не учнутъ, и тѣмъ людемъ по нашему указу дѣлали бы есте наказанье и заповѣди имали».

19) Грамота отъ 30 іюля 1614 г. Андрею и Петру Строгановымъ подтвердительная на земли и права, коими владѣлъ отецъ ихъ.

„Божією милостію Мы, Вел. Госуд. Царь и В. Кн. Михайль Θεодоровичъ всея Русіи Самодерж., пожаловали есмь Андрея да Петра Семеновичевъ Строгановыхъ: били они Намъ челомъ и положили предъ Нами блаженныя памяти царя и вел. кн. Θεодора Іоанновича всеа Русіи жалованную грамоту на вотчину свою, на городки и на остроги, и на всякіе угоды, что отца ихъ Семена и ихъ вотчина старинная городокъ и остроги на Чусовой и на Сылвѣ и съ варницами, и съ цырены, и съ посадскими дворы, и съ деревнями, и съ починки, и съ мельницами—по Камѣ рѣкѣ и по Чусовой въ верхъ по правой сторонѣ и съ лугами, и съ лѣсами, и съ островами, и со всякими угоды по писцовымъ книгамъ, и съ береги пустыми, и съ истоки по Камѣ рѣкѣ отъ устья Чусовского внизъ по одной по лѣвой сторонѣ до Ласвинскаго бору,—съ рѣчками и съ озера, и съ рыбными ловлями, и съ пашенными землями, а Чусовою рѣкою отъ устья Чусовского въ верхъ по правой сторонѣ до Утки рѣки, и по по Сылвѣ рѣкѣ отъ Чусовые рѣки въ верхъ по обѣ стороны Сылвы рѣки и съ рѣчками, которые въ тѣ рѣки впади, отъ устья и до вершинъ, и съ озера, и съ рыбными ловлями, и съ ихъ дворовыми крѣпостными всякими людми, и съ посадскими людми, и съ деревенскими крестьяны, и со всякимъ городовымъ нарядомъ, и съ хлѣбомъ, и съ сѣномъ, и съ варничными дровы, и съ желѣзомъ, и со всякими желѣзными снастями, и съ лошадьми, и со скотомъ рогатымъ, и со всякимъ ихъ животомъ, чѣмъ отецъ ихъ Семень прежь сего владѣлъ порознь своими вотчинами, по дѣловымъ, что межъ собою отецъ ихъ Семень съ Максимомъ подѣлился, и наши всякіе доходы платить по писцовымъ книгамъ, дань и оброкъ порознь же, на срокъ на Благовѣщеневъ день. И блаженныя памяти царь и вел. кн. Θεодоръ Іоанновичъ всеа Русіи ихъ, Андрея да Петра, пожаловаль—велѣлъ имъ дати свою жалованную грамоту, почему

имъ владѣти отца ихъ и ихъ вотчиною—городкомъ и остроги на Чусовой, и на Сылвѣ, и на Камѣ со всѣмъ—съ деревнями и съ мельницами и со всякими угоды, чѣмъ отецъ ихъ Семень прежь сего владѣлъ своимъ жеребьемъ, по писцовымъ книгамъ и по дѣловой, городкомъ и остроги, деревнями и всякими угоды, и дворовыми людьми крѣпостными, и посадскими и деревенскими крестьяны владѣти велѣлъ имъ по прежнему и подати, дань и оброкъ платити по писцовымъ книгамъ по прежнему жъ, порознь, на Благовѣщеневъ день, какъ прежь сего отецъ ихъ Семень платилъ; и посадскихъ людей, и деревенскихъ крестьянъ имъ судити самимъ, или кому они прикажутъ,—по старинѣ, а наши Пермскіе и Сибирскіе воеводы и приказные люди и наши намѣстники Пермскіе и ихъ тиуны въ ихъ вотчину не вѣзжаютъ ни по что, ни кормовъ не собираютъ и людей ихъ и крестьянъ не судятъ; а кому будетъ до нихъ и до ихъ людей и крестьянъ какое дѣло—и имъ отвѣчать на Москвѣ, въ Казанскомъ Дворцѣ, на срокъ на Благовѣщеневъ день, чтобъ имъ и ихъ людямъ и крестьяномъ продажи и убытковъ не было; и съ Пермичи-бъ и съ Усольцы ни въ какіе Сибирскіе отпуски запасовъ и судовъ, и людей плотниковъ, и посошныхъ людей, и подводъ, и кормовъ, и проводниковъ воеводамъ и гонцомъ всякимъ и посломъ Сибирскимъ не давати жъ, платити имъ, Андрею да Петру, за все про все дань и оброкъ по прежнему, по писцовымъ книгамъ письма и мѣры Ивана Яхонтова да подьячего Третьяка Карпова 87 году и по дѣловой и владѣти по дѣловой же отца своего, какъ прежь того владѣлъ отецъ ихъ и они—Чусовскимъ городкомъ и острогомъ, своею стороною, съ дворами и съ варницами, и съ деревнями, и съ пашнями, и съ пожнями, и съ мельницами, и Камою рѣкою отъ устья Чусовского внизъ по одной по лѣвой сторонѣ до Ласвинского бору, и Чусовою рѣкою отъ устья Чусовского въ верхъ по правой сторонѣ до Утки рѣки, и съ малыми рѣчками и озерами и истоками, которые въ той межѣ впади въ рѣку въ Каму и въ Чусовую, и съ лѣсами, и со всякими угоды и пашнями, и пожнями, и рыбными и звѣриными ловлями, и Сылвою рѣкою отъ рѣки Чусовые въ верхъ по обѣ стороны Сылвы рѣки до Остяцкихъ улусовъ, и рѣчками и истоками, которые въ Сылву рѣку впади, отъ устья и до вершинъ, и деревнями, и лѣсами, и пашнями, и пожнями, и озерами, и рыбными и звѣриными ловлями и всякими угоды.

„И язъ, Царь и Вел. Кн. Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи, выслушавъ блаженныя памяти царя и вел. кн. Ѳеодора Іоанновича всеа Русіи и царя Василя Іоанновича всея же Русіи жалованныхъ грамотъ, Андрея да Петра Семеновичевъ Строгановыхъ пожаловаль—велѣлъ тое жалованную грамоту на ихъ вотчины и на угодыя переписать на свое цареву и вел. князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи имя, и тое у нихъ грамоты рушити не велѣлъ ни въ чемъ, и велѣлъ имъ на ту ихъ вотчину и на угодыя дати свою царскую жалованную грамоту, и велѣлъ имъ, Андрею да Петру, тою ихъ вотчиною городкомъ и острогомъ на Чусовой и на Сылвѣ и на Камѣ—дворами и варницами, и деревнями, и посадскими людьми, и деревенскими крестьяны, и пашнями, и пожнями, и мельницами, и рыбными и звѣринными ловлями, и лѣсы, и рѣками, и всякими угодыи владѣти по сей нашей царской жалованной грамотѣ и по писповымъ книгамъ, и по своимъ дѣловымъ, какъ межъ ими за ихъ руками писаны дѣловые, межъ отцами ихъ Семеномъ и Максимомъ, и посадскихъ людей, и деревенскихъ крестьянъ судити имъ самимъ, или кому прикажутъ,—по прежнему, а Пермскіе и Сибирскіе воеводы и приказные люди и наши Пермскіе намѣстники и ихъ тіуны ихъ, Андрея и Петра, и людей ихъ, и посадскихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ и въ ихъ вотчину не вѣзжаютъ и не посылаютъ ни по что, оприче разбоя и татбы съ поличнымъ; и Сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и посошныхъ людей, и плотниковъ, и подводъ, и проводниковъ никому не давати опричь ратнаго вѣстоваго дѣла; коли мимо поѣдутъ городокъ Чусовую и на Сылву—и нашимъ Пермскимъ намѣстникомъ и ихъ людямъ, и Сибирскимъ посломъ, и гонцомъ всякимъ кормовъ никакихъ не давати, и съ Пермичи никотораго счету ни въ чемъ не держати, а судомъ и всякими нашими податями вѣдаютъ ихъ на Москвѣ въ Приказѣ Казанскаго Дворца дѣяки наши; а платити имъ въ нашу казну, въ Казанской и Мещерской Дворецъ, Андрею да Петру съ своей вотчины—съ городка съ Чусовой, и съ острога, и съ варницъ и слободъ, и съ деревень, и съ рѣкъ, и съ лѣсовъ, и съ озеръ, и съ звѣринныхъ и съ рыбныхъ ловель и со всякихъ угодей дань и оброкъ по писповымъ книгамъ на срокъ на Благовѣщеневъ день ежегодъ, безпереводно“.

„Дана ся наша царская жалованная грамота на Москвѣ лѣта 7122 года іюля въ 30 день“.

На подлинной грамотѣ написано тако:

А подписалъ Государя Царя и Вел. Кн. Михаила Ѳеодоровича всеа Росіи Самодержца діакъ Петръ Микулинъ.

Да на оборотѣ подписано дьячьєю жъ рукою: Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Росіи Самодержецъ.

У той же грамоты вислая красная печать.

20) Грамота отъ 31 января 1641 года Дмитрію Андреевичу Строганову подтвердительная.

«Божією милостію Мы, Вел. Госуд. Царь и В. Кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, пожаловали есми Дмитрію Андреевича Строганова, что билъ челомъ Намъ, Вел. Гос. Ц. и В. К. Михаилу Ѳеод—чу всеа Русіи, отецъ его Дмитріевъ, Андрей, а сказалъ: Наши де жалованныя и прежнихъ государей старинныя ихъ родовыя вотчины ниже Перми Великой и у Соли Вычегодской, и на Устюгѣ Великомъ, а Наши де государскія и прежнихъ государей жалованныя грамоты у него, Андрея, съ братомъ его Петромъ общія, а не порознь, и послѣ де грамотъ до писцовъ тѣ вотчины и промыслы Пермскіе и Усольскіе съ его Андреевымъ братомъ съ Петромъ по дѣловымъ книгамъ и по записямъ подѣлены*). А нынѣ де онъ, Андрей, старъ, и Намъ бы ихъ пожаловати—велѣти съ тѣхъ съ Нашихъ государскихъ жалованныхъ съ общихъ ихъ грамотъ на тѣ старинныя родовыя вотчины, на его Андрееву половину, дати Нашу особную грамоту сыну его Дмитрію и съ племянникомъ его съ Ѳеодоромъ росписать порознь. И положили предъ Нами Нашу государскую жалованную грамоту, какова дана обще ему, Андрею, и брату его, а Дмитріеву дядѣ Петру Строгановымъ во 122 году за приписью дьяка Нашего Петра Никулина, противъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ блаженныя памяти дяди Нашего Вел. Госуд. Царя и Вел. Кн. Ѳедора Іоанновича всеа Русіи; а въ той жалованной грамотѣ написано *(слѣдуетъ буквальное повтореніе предъидущей грамоты, а даме сказано)*:

„И Мы, Вел. Госуд. Царь и В. Кн. Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи, выслушавъ прежніе нашіе жалованныя грамоты,

*) Эти раздѣльные акты 1629 г. напечатаны въ полномъ видѣ въ «Дополненіяхъ къ Акт. Историч.» т. II и перепечатаны въ «Пермс. Лѣтописи» Шишонко—тоже во II томѣ. У насъ содержаніе ихъ приведено во II вып. «Пермс. Старины» на стр. 70—75.

Дмитрія Андреевича Строганова пожаловали: велѣли ему на тѣ его отцовскія вотчины, на его половину, дати Нашу царскую жалованную грамоту на его Дмитріево имя, противъ прежнія Нашия жалованныя грамоты, какова была дана обще отцу его Андрею и дядѣ его Петру, и тое у него грамоты рушити не велѣли ни въ чемъ, а велѣли ему тою отцовскою вотчиною—городкомъ и острогомъ на Чусовой и на Сылвѣ и на Камѣ—дворами и варницами, и деревнями, и посадскими людьми, и деревенскими крестьяны, и пашнями, и пожнями, и мельницами, и рыбными и звѣринными ловлями, и лѣсы, и рѣками, и всякими угоды—владѣти по прежней 122 году и по сей Нашей царской жалованной грамотѣ и по писцовымъ книгамъ, и по своимъ дѣловымъ, какъ межъ отцомъ его, Андреемъ, и дядею его Петромъ писаны дѣловыя записи за ихъ руками; и посадскихъ людей, и деревенскихъ крестьянъ судити ему самому, или кому прикажетъ, по прежнему, а Наши Пермскіе и Сибирскіе воеводы и приказные люди, и Наши Пермскіе намѣстники и ихъ тіуны его, Дмитрія, и людей его, и посадскихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ и въ его вотчину не вѣзжаютъ и не посылаютъ ни по что, опричь разбоя и татбы съ поличнымъ; и Сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и посошныхъ людей, и плотниковъ, и подводъ, и проводниковъ никому не давать, опричь ратнаго вѣстоваго дѣла; коли мимо поѣдутъ городокъ Чусовую и Сылву—и Нашимъ Пермскимъ намѣстникомъ и ихъ людямъ, и Сибирскимъ посломъ и гонцомъ всякимъ кормовъ никакихъ не давати и съ Пермичи некотораго счета ни въ чемъ не держати, а судомъ и всякими Нашими податями вѣдаютъ ихъ на Москвѣ, въ Приказѣ Новгородской Четверти, дьяки Наши; а Наши подати Дмитрію со своей половины вотчины—съ городка съ Чусовой и съ острогу, и съ варницъ, и съ слободъ, и съ деревень, и съ рѣкъ, и съ озеръ, и съ звѣринныхъ ловель, и со всякихъ угодій, дань и оброкъ платитъ по прежнему окладу Ивана Яхонтова да подъячего Третьяка Кирпова 87 году въ Казанскомъ Дворцѣ, и прибылые доходы, что прибыли по писцовымъ книгамъ Михайла Кайсарова съ товарищи 131 и 132 года, платитъ въ Новгородскую четъ на срокъ на Благовѣщеневъ день ежегодъ, безпереводно“.

„Дана сія Наша царская жалованная грамота на Москвѣ лѣта 7149 генваря въ 31 день“.

На подлинной грамотѣ подписано тако:

А подписалъ Вел. Гос. Царя и В. Кн. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца дьякъ Григорій Львовъ.

На оборотѣ у той грамоты подписано:

Божією милостію В. Г. Ц. и В. Кн. Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ.

„Лѣта 7160 марта въ 25 день Вел. Гос. Царь и Вел. Кн. Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи Самодержецъ, отца своего государевы блаженныя памяти В. Г. Ц. и В. Кн. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца грамоты слушавъ, пожаловаль именитаго челоуѣка Дмитрія Андреевича Строганова—велѣлъ ему сію грамоту подписать на свое Государево Царево и В. Кн. Алексѣя Михайловича всеа Русіи имя и о всемъ велѣлъ дѣлать потому, какъ въ сей отца его государевой блаженныя памяти В. Г. Ц. и В. Кн. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца грамотѣ написано“.

Подъ тѣмъ подписано тако:

Думной дьякъ Михайло Волошениновъ*).

У той грамоты красная вѣслая печать.

Примѣчаніе: Совершенно по той же формѣ и того же 31 января 7149 (1641) г написана и грамота на имя Ѳедора Петровича Строганова, на его половину изъ общей дотолѣ вотчины, почему этой грамоты мы здѣсь не приводимъ. Значеніе обѣихъ грамотъ уже указано нами въ «Пермск. Старинѣ» вып. II, стр. 77—78.

21) Грамота отъ 27 іюня 1688 г. именитому челоуѣку Григорію Дмитріевичу Строганову въ подтвержденіе всѣхъ прежнихъ привиллегій.

Представляя собою сводъ всѣхъ прежнихъ грамотъ, жалованныхъ Строгановымъ, эта грамота въ то же время является прототиномъ позднѣйшей, самой важной и обширной грамоты Петра Великаго отъ 25 іюля 1692 г., пожалованной тому же Гр. Дм. Строганову и полностью напечатанной въ книгѣ проф. *Устрялова:* «Именитые люди Строгановы» СПб. 1842 г. Для правильной оцѣнки нынѣ издаваемой нами грамоты необходимо поэтому сравнить ее какъ съ позднѣйшей грамотой того же государя отъ 1692 г., такъ и съ болѣе ранними двумя грамотами царя Алексѣя Михайловича (обѣ пожалованы 1 іюня 1673 г.) на имя того же Григорія Дм. Строганова. Содержаніе послѣднихъ мы уже привели во II вып. нашего изданія, на стр. 155—157.

„Бога въ Троицѣ славимаго милостію, Мы, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ

*) Объ отношеніяхъ этого думнаго дьяка Волошенинова къ Строгановымъ см. нашу «Пермск. Старину», вып. IV, 86—87.

Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, Московскіе, Кіевскіе, Владимірскіе, Новгородскіе Цари, Казанскіе Цари, Астраханскіе Цари, Сибирскіе Государи, Псковскіе и Великіе Князи Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятскіе, Болгарскіе и иныхъ, Государи и Великіе Князи Новагорода, Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Кондинскіе, Удорскіе, Обдорскіе, и всея Сѣверныя страны Повелители и Государи Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники, Государи и Обладатели, Наше Царское Величество, пожаловали, по своему Царскому милосердому усмотрѣнію, въ нашихъ Государствахъ Нашего Царскаго Величества именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строганова—повелѣли ему дати сію Нашу Царскаго Величества жалованную грамоту на прародительскія его выслуженныя и родовыя и купленныя вотчины, что въ Пермь Великой, на Чусовой, на Сыльвенской, на Яйвенской остроги, на Орель-городокъ, на Новое Усолъе, на Очеръ и на данныя пустыя земли и на село Кишертъ съ слободами и съ деревнями и съ починки и со всякими угоды, и Устюга Великаго и Соли Вычегодской на вотчины жъ и на всякія угоды для того: билъ челомъ Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству, онъ Нашего Великороссійскаго Государства именитый человѣкъ Григорій Дмитріевичъ Строгановъ и положилъ предковъ нашихъ Государевыхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, также и дѣда нашего Государева блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великаго Государа Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и отца Нашего Государева блаженныя жъ и вѣчнодостойныя памяти Великаго Государа Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и брата Нашего Государева блаженныя жъ и вѣчнодостойныя памяти Великаго Государа Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца жалованная грамоты и сотную, чтобъ Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству, пожаловати его—повелѣтъ съ тѣхъ

Государскихъ жалованныхъ грамотъ и съ сотной дать ему на всё прародительскія его вотчины Нашу, Великихъ Государей, Нашего Царскаго Величества, милостивую жалованную грамоту вновь, по чему ему и женѣ его и дѣтемъ и внучатомъ тѣми вотчинами впредь владѣть.

А въ сотной грамотѣ писца Ивана Яхонтова съ товарищи 7087 года за приписью дьяка Андрея Щелкалова написано: въ Перми Великой за Семеномъ да за Максимомъ Строгановыми слобода Чусовая, а въ ней острогъ съ деревнями и съ починки на рѣкѣ на Чусовой, а къ слободѣ Чусовой пять деревень, шестнадцать починковъ, а къ деревнямъ и къ починкамъ пашенные добрые земли двадцать три чети, сто пятьдесятъ девять чети средніе земли, обоего средніе и добрые земли сто восемьдесятъ двѣ чети, перелогу пятьдесятъ одна четь въ полѣ, а въ дву потому жъ, лѣсу пашеннаго двѣсти двадцать пять десятинъ, сѣна три тысячи триста двадцать пять копенъ; да Семенова жъ да Максимова сѣна на рѣкѣ на Чусовой на кругломъ лугу тысяча пятьсотъ семьдесятъ копенъ со всѣми угодья и крестьянскими дворы; а въ деревняхъ и въ починкахъ сошнаго письма соха безъ трети, а съ той вотчины со всякихъ статей оброчные деньги платить имъ, Семену и Максиму, по писцовымъ книгамъ Ивана Яхонтова 87 года; а уѣзду къ слободѣ къ Чусовой: отъ межи Никиты Строганова слободы отъ Орла, отъ Карышева острова, внизъ рѣкою Камою до усть-Чусовой рѣки восемьдесятъ верстъ, а отъ усть-Чусовые рѣки внизъ по Камѣ до рѣчки до Ласвы двадцать верстъ, а отъ Камы рѣки Чусовою рѣкою вверхъ до усть рѣки Сылвы десять верстъ, а отъ усть рѣки Сылвы въ верхъ Чусовою рѣкою до слободы Чусовые сорокъ верстъ, а отъ слободы Чусовые вверхъ по рѣкѣ по Чусовой до деревни до Калина луга сорокъ верстъ, а отъ Калина луга вверхъ по Чусовой до Вогулскихъ улусовъ и до Утки рѣки, а въ той межѣ по обѣ стороны тѣхъ рѣкъ берега пустые и острова и рѣчки, которые пали въ рѣку въ Каму и въ Чусовую отъ устья и до вершинъ, и озерка лѣшіе съ истоки, и лѣса дикіе Семеновы да Максимовы, а Карышева острова Семену да Максиму двѣ трети. Да за ними жъ, за Семеномъ да за Максимомъ Строгановыми, слобода Сылва на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ слободѣ острогъ, а къ слободѣ Семеновой да Максимовой пашенной земли сто десять четей, перелогу триста двадцать шесть четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, земли доброй, лѣсу пашеннаго пятьдесятъ восемь десятинъ, сѣна по

рѣкѣ по Сылвѣ и на Васильевѣ дугу тысяча восемь сотъ пятьдесятъ копенъ; да къ той же слободѣ къ Сылвѣ три деревни да пять починковъ; пашни Семеновы и Максимовы и деревенскихъ крестьянъ сто восемьдесятъ одна четъ, перелогу триста тридцать двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, земли доброй, лѣсу пашеннаго сто шестьдесятъ четыре десятины, сѣна двѣ тысячи девять сотъ семьдесятъ пять копенъ, сошнаго письма полъ-сохи и полъ-полтрети сохи, съ той слободы и со всякихъ оброчныхъ статей оброчные деньги платить имъ, Семену и Максиму, по писцовой книгѣ Ивана Яхонтова 87 года; а уѣзду къ слободѣ къ Сылвѣ: отъ рѣки Чусовые рѣкою Сылкою вверхъ до острога двадцать верстъ, а отъ острога вверхъ рѣкою жъ Сылкою до деревни до Верхолузья десять верстъ, а отъ деревни Верхолузья вверхъ рѣкою Сылкою до Остяцкихъ улусовъ; и въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Сылвы берега и острова пустыи и рѣчки, которые пали въ Сылву и до вершинъ, и озера лѣшіе съ истоки и лѣса дикіе Семеновы да Максимовы. Да за ними же, за Семеновомъ и за Максимомъ Строгановыми, слободка Яйва на рѣчкѣ на Усолкѣ, къ той же слободкѣ Яйвѣ Семеновы да Максимовы пашни сорокъ четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, земля средняя, крестьянской пашни пятнадцать четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, земля средняя, лѣсу пашеннаго сорокъ пять десятинъ, сѣна Семенова да Максимова на рѣкѣ на Яйвѣ и на рѣчкѣ Усолкѣ тысяча пять сотъ копенъ, крестьянскаго сѣна на Яйвѣ жъ и на Усолкѣ триста копенъ; да къ Яйвенской же слободкѣ въ деревняхъ и въ починкахъ Семеновы жъ да Максимовы крестьянскіе пашни семьдесятъ три чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, земля средняя, лѣсу пашеннаго шестьдесятъ семь десятинъ, сѣна тысяча девять сотъ тридцать копенъ, сошнаго письма въ слободкѣ Яйвѣ и въ починкахъ полтрети и полъ-полтрети сохи, а съ Яйвенской слободки со всякихъ оброчныхъ статей оброчные деньги платить по писцовой книгѣ Ивана Яхонтова 87-го года; а уѣзду къ слободкѣ къ Яйвѣ: внизъ по рѣкѣ по Яйвѣ до рѣчки до Унвы пятьдесятъ верстъ, а отъ слободки отъ Яйвы отъ усть рѣчки Усолки вверхъ по рѣкѣ по Яйвѣ до рѣчки до Вилвы и до рѣчки до Чанвы семьдесятъ верстъ; и въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Яйвы рѣчки малые и озера дикіе и лѣсъ Семеновъ да Максимовъ. Всего въ Перми Великой за Семеновомъ да за Максимомъ Строгановыми три слободы, а къ слободамъ восемь деревень, двадцать четыре починка,

а въ нихъ сто тридцать дворовъ крестьянскихъ, пашни Семеновы да Максимовы и крестьянскіе двѣсти четыре чети доброй земли, да семьдесятъ три чети средней земли, да сто пятьдесятъ девять четей худой земли, и обоего добрые и средніе и худые земли четыреста тридцать шесть четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, перелогу триста восемьдесятъ три чети, лѣсу пашеннаго сто шестьдесятъ одна десятина, сѣна на девять тысячъ на восемь сотъ копенъ; сошнаго письма въ слободахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ двѣ сохи безъ полчети сохи, а положено въ соху по шести десять дворовъ, пашни явилось въ соху добрые и средніе и худые земли перелогу по триста по девяти четей и съ осминою, лѣсу пашеннаго по шестидесятъ десятиныхъ съ полдесятиною, сѣна по четыре тысячи и по девяти сотъ копенъ; а Нашего Царскаго Величества податей платить имъ за ямскіе и за примѣтные и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло двадцать восемь рублей и шестнадцать алтынъ четыре деньги, въ сохѣ по пятнадцати рублей, да пошлинъ казначеевыхъ и дьячихъ двадцать два алтына, съ сохи по одиннадцати алтынъ и по четыре деньги; да съ соляныхъ варницъ и съ мельницъ и съ рыбныхъ ловель съ невода, да съ ѡза давати имъ оброку восемьдесятъ рублей, да съ оброку пошлинъ казначеевыхъ и дьячихъ четыре рубли, съ рубля по десяти денегъ; да Семену жъ да Максиму Строгановымъ платить въ Нашу Великихъ Государей казну оброку съ рѣки Камы, да съ рѣки Чусовые, да съ рѣки Сылвы, да съ рѣки Косьвы, да съ рѣки съ Яйвы, да съ рѣки съ Обвы, да съ рѣки съ Иньвы, съ рыбныхъ ловель съ тѣхъ урочищъ, которые писаны въ уѣздахъ подъ слободами, и съ рѣчекъ, которые въ тѣ рѣки впали, и съ озеръ съ лѣшихъ, и съ острововъ, и съ лѣсовъ тридцать рублей, да съ оброку пошлинъ рубль и шестнадцать алтынъ четыре деньги, съ рубля по десяти денегъ; всего Семену да Максиму Строгановымъ платить дани и оброковъ и пошлинъ сто сорокъ четыре рубли двадцать два алтына двѣ деньги.

Да въ жалованныхъ грамотахъ предковъ Нашихъ Государевыхъ блаженныя памяти Вел. Гос. Ц. и В. Кн. Θεодора Иоанновича всея Россіи и дѣда Нашего, Великихъ Государей, блаженныя жъ и вѣчностойныя памяти Вел. Г. Ц. и В. Кн. Михаила Θεодоровича всея Россіи Самодержца 99 и 122 годовъ написано: пожаловали они, Великіе Государи, именитыхъ людей Максима да Андрея да Петра Строгановыхъ, велѣли имъ владѣть въ Перми

Великой старинными ихъ вотчинами городкомъ и острожками и слободами на Чусовой и на Усолеѣ, и на Сылвѣ, и на Яйвѣ съ варницами и съ цырены и съ посадскими дворами, и съ деревнями, и съ починками, и съ мельницами, по Камѣ рѣкѣ и по Яйвѣ, и по Чусовой, и по Сылвѣ, и по Обвѣ, и по Иньвѣ, и по Косьвѣ, съ лугами и съ лѣсами и съ островами и со всякими угоды и съ берегами пустыми и съ истоки по обѣ стороны Камы рѣки и Яйвы, и Чусовой, и Сылвы, и Обвы, и Иньвы, и Косьвы и съ рѣками, которые въ тѣ рѣки впади, и съ озера, и съ рыбными ловлями, и съ ѣзы, и съ ихъ дворовыми крѣпостными всякими людьми и посадскими и деревенскими крестьяны по прежнему, по государскимъ жалованнымъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ, и по сотной съ книгъ письма и мѣры Ивана Яхонтова да подъячего Третьяка Карпова 87 года, и рушить ихъ ни въ чемъ не велѣли, и быть имъ такъ, какъ въ нихъ написано.

Да въ жалованной же грамотѣ 99 года написано: блаженныя памяти Вел. Гос. Ц. и Вел. Кн. Феодоръ Иоанновичъ всея Россіи пожаловалъ именитаго человекъ Никиту Строганова, повелѣлъ старинными родовыми вотчинами городкомъ Орломъ и слободою съ деревнями и съ починками и съ варницами и со всякими угоды владѣти по прежней государственной жалованной грамотѣ и по писцовымъ книгамъ Ивана Яхонтова, да подъячего Третьяка Карпова 87 года, а въ писцовыхъ книгахъ написано: слобода Орель на рѣкѣ на Камѣ, въ ней девяносто дворовъ крестьянскихъ, сошнаго письма соха съ третью и полтрети сохи; да семь дворовъ пустыхъ, да въ Слободскомъ уѣздѣ Никиты жъ Строганова три деревни, четыре починка, а въ нихъ девять дворовъ, пашни Никитины и крестьянскіе сто двадцать восемь четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, земля худая, лѣсу пашеннаго сто осмнадцать десятинь, сѣна четыре тысячи сто восемьдесятъ копенъ, сошнаго письма полтрети сохи, въ соху по шестидесяти дворовъ; а уѣзду къ слободѣ къ Орлу: отъ рѣки отъ Камы вверхъ по рѣкѣ по Яйвѣ Чердынскаго уѣзда деревни Романовы до Чешкорскаго Городища двадцать верстъ, да отъ слободы отъ Орла до рѣки до Пыскорки до межи Спасскаго монастыря вверхъ рѣкою Камою четырнадцать верстъ, отъ слободы жъ отъ Орла внизъ по Камѣ до Карышева острова сорокъ верстъ, а Карышева острова Никитѣ Строганову треть; да отъ рѣки отъ Камы вверхъ рѣкою Кондасомъ и до вершины, и въ

той межѣ по обѣ стороны рѣки Камы и рѣки Яйвы и рѣчки Кондаса берега пустыя и лѣса дикіе и рѣчки, которые впади въ рѣку въ Каму и въ Яйву и въ Кондасъ, и всего въ слободѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ сошнаго письма полторы сохи и поль-полтрети; а дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло съ сохи по пятнадцати рублей, да пошлинъ казначеевыхъ и дьячихъ съ сохи по одинадцати алтынъ по четыре деньги; всего съ слободы Орла и съ деревень и съ починковъ и съ рѣкъ и со всякихъ оброчныхъ статей дани и оброку и съ оброковъ пошлинъ девяносто семь рублей.

Да въ жалованной же дѣда Нашего Великихъ Государей блаженные и вѣчнодостойныя памяти Вел. Гос. Ц. и В. Кн. Михаила Ѳеодоровича всея Великія Россіи Самодержца грамотѣ 122 года написано: пожаловалъ онъ, Великій Государь, Никиту Строганова, что онъ положилъ жалованную прежнюю грамоту 99 года на вотчину свою на Орель городокъ и на слободу, и на варницы, и на деревни, и на починки, и на мельницы, и на рыбныя ловли, и на рѣки, и на озера, и на пашни, и на сѣна, и на лѣса, и на всякія угодыя, чтобъ тое вышеименованную жалованную грамоту переписать вновь, а въ той Государевой жалованной грамотѣ написано: по писцовымъ книгамъ 87 года, его Никитина вотчина на Камѣ рѣкѣ Орель городокъ и съ слободою и съ посадскими дворами, и съ деревнями, и со крестьяны, и варницы, и деревни, и починки, и съ мельницы, и рыбныя и звѣринныя ловли, и пашни, и пожни, и рѣки отъ Орла городка до рѣки до Пыскорки, до межи Спасскаго монастыря, вверхъ Камою четырнадцать верстѣ, а въ низъ отъ Орла городка по Камѣ до Карышева острова сорокъ верстѣ, а Карышева острова Никитѣ Строганову треть; да отъ Камы рѣки вверхъ по рѣкѣ по Яйвѣ до Чердынскаго уѣзда до деревни Романовы до Чешкорскаго городища двадцать верстѣ; да отъ Камы жъ рѣки вверхъ рѣкою Кондасомъ и до вершины въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Камы и рѣки Яйвы и Кондаса рѣчки малые и до вершинъ, которые впади въ Каму рѣку и въ Яйву и въ Кондасъ, и берега пустыя, и лѣса дикіе, и озера лѣшіе, и всякія угодыя велѣно ему, Никитѣ, тою вотчиною со всѣми угодыями владѣть, и дань и оброкъ платить по прежней жалованной грамотѣ и по писцовымъ книгамъ, какъ онъ напредъ того тою вотчиною со всѣми угодыями владѣлъ.

Да въ жалованной грамотѣ 123 года написано: дѣдъ Нашъ Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Вел. Гос. Ц. и В. Кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Великія Россіи Самодержецъ, пожаловалъ его жъ, Никиту Строганова, велѣлъ ему по прежней жалованной грамотѣ дать въ вотчину и на льготу межъ Пермскихъ вотчинъ по Камѣ рѣкѣ полтретья ста верстъ, а отъ Казани полъ осма ста верстъ, а отъ Ласвы рѣчки внизъ по Камѣ по правой сторонѣ до рѣчки до Ошану пятьдесятъ пять верстъ, и въ той межѣ въ Каму рѣку по обѣ стороны рѣчки впали Сюзъва да Нытва, да Югъ, да Очеръ, да Ошанъ, и по Камѣ рѣкѣ отъ Ласвы рѣчки внизъ до Ошану по обѣ стороны и иные малые рѣчки дикіе, которые впали въ Ласву и въ Сюзъву, и въ Нытву, и въ Югъ, и въ Очеръ, и въ Ошанъ по обѣ жъ стороны съ устья и до вершинъ, берега и лѣса дикіе, и селища чюдскіе, и заросли, и озера и истоки, и островки, и наволочки дикіе лежатъ порозжи, а никакихъ людей на тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ земель и лѣсу и деревень нѣтъ, и оброковъ никакихъ съ тѣхъ мѣстъ въ казну ничего нейдетъ, и не отдано никому, и не владѣетъ тѣми мѣстами никто, лежатъ пусты, и въ писцовыхъ книгахъ ни за кѣмъ не записаны; и ему, Никитѣ, на томъ мѣстѣ поставить острогъ для прихода воинскихъ людей и называть на то мѣсто пашенныхъ гулящихъ людей, и дворы строити, и пашню роспахивати, и пожни разчищати, и въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу ловити, и гдѣ будетъ найдеть соляной росоль въ тѣхъ мѣстехъ, и ему варницы ставить, и соль варити, и трубы соляныя и колодези дѣлати, и дрова сѣчь къ соляному варенью; а какъ льгота съ того острога съ пашни и съ земли и со всякихъ угодій отойдетъ, и Никитѣ всякіе подати платити до писцовъ, чѣмъ его писцы опишутъ и дозорщики обложатъ.

Да въ жалованной же грамотѣ дѣда Нашего Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Вел. Гос. Ц. и В. Кн. Михаила Ѳеодоровича всея Великія Россіи Самодержца 123 года написано: велѣно Андрею да Петру Строгановымъ владѣти пустыми мѣсты, что по Камѣ рѣкѣ выше Осинскіе слободы отъ рѣчки отъ Тулвы по Камѣ рѣкѣ вверхъ до Никитинской вотчины межи Строганова до рѣчки до Ошана, и въ той межѣ въ Каму рѣку по обѣ стороны впали рѣчки малыя дикія отъ устья и до вершинъ и съ истоки, и озера и лѣса дикіе, и селища чюдскіе, и пустоши, и береги и острова пустыя въ вотчину изъ льготы, а льготы дано имъ на десять лѣтъ со 123 года по 133 годъ; и Андрею и

Петру въ тѣхъ урочищахъ велѣно острогъ поставити для прихода воинскихъ людей, и пашенныхъ крестьянъ на тѣ мѣста называти, и дворы строити, и пашни въ тѣхъ мѣстахъ роспахивати, и пожни разчищати, и въ рѣкахъ и въ озерахъ рыба ловити, и гдѣ будетъ найдуть въ тѣхъ мѣстехъ соляной росоль, и имъ въ тѣхъ мѣстехъ варницы ставити, и соль варити, и трубы соляныя и колодези дѣлатъ къ соляному варенью, дрова сѣчь; а въ тѣ льготные годы съ тѣхъ людей, которые учнутъ у Андрея и у Петра въ тѣхъ мѣстехъ жити, податей никакихъ не имати, издѣлій всякихъ имъ не дѣлати, и подводъ съ нихъ посланникомъ и гонцомъ не имать.

Да въ жалованныхъ же грамотахъ 133 и 149 годовъ написано: дѣдъ Нашъ Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Вел. Г. Ц. и В. Кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Великія Россіи Самодержецъ, пожаловалъ именитыхъ людей Ивана да Максима да Ѳедора Строгановыхъ, повелѣлъ имъ владѣть старинными вотчинами—городкомъ Чусовскимъ и городкомъ Орломъ и Очеромъ, и острожками, и слободами, и посадскими и крестьянскими дворами, и варницами, и деревнями, и починки, и съ мельницами, и пашнями, и пожнями, и лѣсами, и сѣнными покосы, и рыбными и звѣринными ловлями, и всякими угодыи по прежнимъ вышеименованнымъ Государскимъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ 87 года.

Да въ выписѣ письма и мѣры Михайла Кайсарова съ товарищи 131 и 132 годовъ написано: за Андреемъ да за Петромъ Строгановыми городокъ Чусовской съ деревнями и съ починки и съ займищи и съ пашенными землями и съ сѣнными покосы и со всякими угодыи и съ оброчными всякими мѣстами по сотной Ивана Яхонтова 87 года; да къ тому жъ Чусовскому городку по жалованнымъ грамотамъ и по сотной же Ивана Яхонтова 87 года и по дѣловой къ тому жъ къ Андрееву, да къ Петрову къ Чусовскому городку уѣзду: рѣкою Камою отъ усть рѣки Чусовые въ низъ по лѣвой сторонѣ до Ласвинскаго бора, да рѣкою Чусовою отъ устья вверхъ по правую сторону Чусовые до рѣчки до Утки съ малыми рѣчками и озера и съ истоки, которые въ той межѣ впали въ рѣку въ Каму и Чусовую, съ пашнями, и пожнями, и лѣсами, и съ рыбными и звѣринными ловлями, и со всякими угодыи. Да за Андреемъ же и за Петромъ Строгановыми къ ихъ же вотчинѣ къ Чусовскому городку въ Казанскомъ уѣздѣ по обѣ стороны рѣки Камы займище чудское и селище, и пус-

тошъ, и береги, и острова, и пашенные и непашенные земли, и гари, и сѣнные покосы, и рѣчки малые и истоки, и источины, и озера по обѣ стороны Камы рѣки, и по Камѣ жъ по пескамъ и по островамъ, и въ рѣчкахъ, и въ озерахъ, и въ истокахъ рыбныя ловли, и пустоши, и дикой лѣсъ, со всеми угоды; а межа тѣмъ землямъ и всякимъ угодымъ выше Осинскіе слободы отъ рѣчки отъ Тулвы по рѣкѣ по Камѣ вверхъ, по правой сторонѣ, до Никитинской межи Строганова до рѣчки до Ошапу, а отведены имъ, Андрею и Петру Строгановымъ, тѣ пустыя земли по указу во 123 году; да по Михайловымъ же книгамъ Кайсарова съ товарищи 131 и 132 годовъ тѣмъ же Андреевымъ и Петровымъ пустымъ мѣстамъ и угодымъ учинена межа выше старыя межи по рѣкѣ по Камѣ вверхъ, по обѣ стороны Камы рѣки, отъ рѣчки Палю до Никитинской вотчины Строганова до рѣчки до Ошапа потому, что по отводу Андрея Хохлова въ той Андреевѣ да въ Петровѣ межѣ Строгановыхъ поставили дворы крестьяне Казанскаго уѣзда Осинскія Никольскія дворцовыя слободы. Да за Андреемъ же да за Петромъ въ Казанскомъ уѣздѣ по купчей пустошь Поспѣловская на рѣкѣ на Тулвѣ, а въ ней дворъ пустъ, пашни перелогомъ двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, а купили они тое пустошь въ 123 году Казанскаго уѣзда ново-Осинскія Никольскія слободы у крестьянина у Фомки Исаева сына у Поспѣлова Двинянина съ пашнею и съ прочистыми, и займищи, и съ лугами, и съ рыбными и звѣринными ловлями, и съ озера, и съ истоки, и со всякими угоды, чѣмъ онъ, Фомка, владѣлъ по отводу Осинскаго приказнаго человѣка Володимера Головина; а въ межахъ тѣ пашенныя земли и луга съ верхней стороны рѣки Тулвы и отъ рѣчки, что пала отъ Ананьи Костылева, да отъ тое межи на низъ до Тулвы рѣчки до межи до Ермака Матвѣева, да до Нечайки Архипова, да возлѣ озера истокомъ и до Тулвы рѣки, а животинной выпускъ съ Нечайкомъ Архиповымъ вмѣстѣ за озеркомъ и вверхъ по Тулвѣ рѣкѣ, и за рѣчкою за перегородою до воротецъ, а сѣнные покосы отъ оранныя земли по Тулвѣ рѣкѣ до межи Нечайки Архипова, что у нихъ съ Нечайкомъ межа сохою разѣхана отъ Тулвы рѣки до кустовъ къ горѣ поперегъ, и въ той межѣ кругомъ по прежнимъ межамъ, чѣмъ онъ, Фомка, владѣлъ; оброку на тѣ пустыя земли и на рыбныя и на звѣринныя ловли и на всякія угоды писцы положили вновь два рубли, да пошлинъ съ оброку три алтына двѣ деньги. Да за ними жъ, за Андреемъ и за Петромъ,

въ Усольскомъ уѣздѣ по купчей, по ихъ Андреевѣ и Петровѣ складной записи, что купилъ Андреевъ человекъ Строганова Ѳеодоръ Москвитинъ Соли Камской у жильцовъ у Максима да у Лазарька Григорьевыхъ дѣтей Рукавишниковыхъ да у Никитки Рукавишникова и у Гришкина внука отцовской ихъ жеребей на усть Усолки рѣчки, внизъ по Камѣ рѣкѣ на лѣвой сторонѣ, пожню и съ причистьми, а въ межахъ та пожня съ верхнева конца внизъ подлѣ Каму, а отъ Яковлевы пожни Кирсова до кочекъ, а съ нижнева конца та пожня въ межахъ съ тѣмъ Якушкомъ Кириловымъ, да съ братомъ его Степанкомъ, по тѣмъ же кочкамъ, а съ тѣхъ кочекъ межа отъ Камы прямо въ гору до березы затесныя, а отъ тое березы внизъ по Камѣ рѣкѣ до лугу по правой сторонѣ веретія на березы, что стоятъ въ томъ лугу на одномъ кореню три березы затесныя, а отъ тѣхъ трехъ березъ прямо на среднюю березу затесную по конецъ веретей, а въ межахъ та ихъ пожня на нижнемъ концѣ бока затесныя березы съ Левкомъ съ Пучкинымъ, а отъ той березы отъ затесныя впрямъ до болота по низкому лужку, по увалцу кругомъ, до большого увалу, по болоту, а вверхъ подлѣ уваль до лывы, а берегъ у Левки по купчей и по складной ихъ Андреевъ да Петровъ, а отъ лывы вверхъ подлѣ тотъ же уваль по правой сторонѣ до Камы, до тое жъ межи Якова Кирилова, что писана съ верхнева конца, а межа съ Яковомъ Кириловымъ на верхнемъ концѣ подлѣ уваль къ Камѣ рѣкѣ по правой сторонѣ, а что межъ ихъ Якушки Кирилова пожнями, и то болотцо межъ ихъ пожнями Государевыхъ крестьянъ; да за ними жъ, за Андреемъ да за Петромъ Строгановыми, по купчей, что купили по ихъ Андрееву и Петрову приказу люди ихъ Ѳедька Москвитиновъ, да Васька Григорьевъ въ 124 году Соли Камской у жильца у Якушки Кирилова сына въ Усольскомъ уѣздѣ на усть Усолки рѣчки, противъ креста, по старой его Якушкиной купчей, кругомъ по старымъ межамъ, съ верхнюю сторону Усолки рѣчки, въ межахъ та пожня съ Ваулиными дѣтьми съ Васькой да съ Евсейкомъ отъ черемуховыхъ кустовъ по конецъ озера, прямо въ гору, на осину на затесную, а отъ осины на липу на затесаную жъ, а съ липы на двѣ березы затесныя, а въ межахъ тѣ березы съ Петромъ Гребейшикомъ, а отъ дву березъ внизъ по Камѣ подлѣ увалецъ, по лѣвой сторонѣ увальца, и подлѣ березовую веретію внизъ же по Камѣ по лѣвой сторонѣ, по затеснымъ березамъ, по край увальца лѣвыя стороны, до трехъ березъ затесанныхъ, что стоятъ

тѣ три березы на одномъ корени, и отъ тѣхъ березъ на одинакую березу затесную, а та береза стоитъ въ межахъ съ Ѳеодоромъ казакомъ Бѣлкинымъ, да отъ той березы прямо къ ихъ межѣ, къ Андреевѣ да Петровѣ Строгановыхъ пожнямы, что бывали Максима Рукавишникова, на ель на сухую черезъ согру до увальцу, а сухая ель затесанная жъ, а отъ Андреевы и отъ Петровы пожни вверхъ по Камѣ подлѣ увалець, по лѣвую сторону увальца, да того жъ конецъ до верхнева конца до черемуховыхъ кустовъ до тѣхъ же, что въ межахъ съ Ваулиными дѣтьми, а отъ Камы въ межахъ та пожня нижнимъ концомъ съ Иваномъ Зиновьевымъ, подлѣ увалець же по старой купчей, по старымъ межамъ, чѣмъ владѣлъ усалець Якушко Кириловъ. Да за Андреемъ же да за Петромъ Строгановыми острожекъ Сылвенской на рѣкѣ на Сылвѣ съ крестьянскими и съ бобыльскими дворами, съ пашенными землями, съ сѣнными покосы и всякими угоды; а по грамотѣ жъ дѣда Нашего Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти В. Г. Ц. и Вел. Кн. Михаила Ѳеодоровича всея Великія Россіи Самодержца и по наказу писца Михайла Кайсарова съ товарищи Андреевѣ да Петровѣ вотчинѣ Строгановыхъ Сылвенскому острожку по сыску и по чертежу учинили между отъ рѣки отъ Чусовые, рѣкою Сылвою вверхъ до деревни Вороновы десять верстъ, а отъ деревни Вороновы до рѣчки Быковки двѣ версты, а отъ рѣчки Быковки верста, а отъ деревни Быковки до починка Гущина двѣ версты, а отъ починка Гущина до рѣчки Юрмана четыре версты, на усть Юрмана Строгановыхъ бывала мельница, а нынѣ тое мельницы и плотины нѣтъ; да по Юрману жъ вверхъ Строгановыхъ же до починка Гилева верста, а отъ Гилева до починка Усова двѣ версты, а отъ Усова до деревни до Качановой верста, а отъ Качановой рѣчкою Юрманомъ вверхъ до Татарскихъ юртовъ верста, и въ тѣхъ юртѣхъ на рѣкѣ на Юрманѣ живутъ Татаровя на Строгановыхъ землѣ, да по ихъ татарской сказкѣ выше Рожина улуса, а отъ усть Юрмана рѣчки Сылвою вверхъ до Строгановыхъ острожка верста, а отъ Чусовые Сылвою рѣкою вверхъ до того острожка всего двадцать верстъ, а отъ острожка Сылвою вверхъ до деревни до Кондаковой верста, а отъ Кондаковой до починка Быкова верста, а отъ починка Быкова до мельницъ, что на рѣкѣ на Бродовой, до деревни Симакиной верста, а отъ мельницъ и отъ деревни Симакиной до деревни Верхолузья семь верстъ, а отъ Верхолузья до деревни Микулина луга, что поселились послѣ Иванова письма Яхонтова, двѣ версты,

а отъ Микулина луга до рѣчки до Насадки Сылою же рѣкою вверхъ четыре версты, а сухимъ путемъ горою до тое рѣчки Насадки, а отъ острожка восемь верстѣ, а на той рѣчкѣ Насадкѣ на Строгановыхъ же землѣ живутъ на время Татаровя, дѣлають Строгановыхъ суды соляные; да выше тое рѣчки Насадки двѣ версты на рѣчкѣ на Сылвѣ у Чагина озера Строгановыхъ деревни Мальцова, стала послѣ прежнихъ писцовъ; да выше тое деревни и мельницы на рѣчкѣ на Сылвѣ жѣ, на усть рѣчки Серги, сталъ вновѣ жѣ Строгановыхъ починокъ Роспопово, а отъ деревни Мальцова до того починка рѣкою Сылою вверхъ четыре версты, а отъ починка Роспопова до рѣчки до Серги Сылою вверхъ тринадцать верстѣ, а отъ тое рѣчки Серги до истоку, что впалъ въ рѣку Сылву изъ озера изъ Вятскаго, до озера Вятскаго пять верстѣ, и тѣмъ озеромъ и истокомъ владѣють Строгановы, а отъ озера Вятскаго и отъ истоку рѣкою Сылою вверхъ до оврага и до татарскихъ кладбищъ и до озера до Прорывнаго съ истокомъ четыре версты, а въ томъ Прорывномъ озерѣ рыбу ловяють Строгановы, а отъ Прорывнаго озера Сылою вверхъ до Остяцкаго до Рожина улуса верста, и всего отъ Сылвенскаго острожка до того Остяцкаго до Рожина улуса Сылою рѣкою вверхъ сорокъ пять верстѣ, опричь того Остяцкаго Рожина улуса; да къ Строгановыхъ вотчинѣ къ Сылвенскому острожку съ деревнями вверхъ рѣкою Сылою иныхъ Остяцкихъ улусовъ по Сылвѣ рѣчкѣ ближе нѣтъ; и въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Сылвы острова пустыя, и земли и рѣчки, которые впали въ рѣку Сылву отъ устей и до вершинъ, и озера, и истоки, и лѣса дикіе Андреевы да Петровы, а Пермскихъ городовъ—города Чердыни и Соли Камской и Кайгородскихъ земель никакихъ угодей на рѣчкѣ на Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ съ тѣми Остяцкими улусы опричь Строгановыхъ земель нѣтъ, и въ сотныхъ прежнихъ писцовъ прежнихъ годовъ земель и никакихъ угодей по Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ межъ Строгановыхъ и Остяцкихъ улусовъ не написано жѣ: а отъ Пермскаго рубежа отъ деревни Мошевы до рѣчки Серги, что впала въ рѣку Сылву, двѣсти тридцать верстѣ, а Сылвенскихъ Татаръ и Остяковъ по рѣчкѣ по Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ, которые рѣчки впали въ рѣку Сылву, выше и ниже Строгановыхъ Сылвенскаго острожка и деревень, на Строгановыхъ земляхъ только бортныя угожья и звѣринныя ловли и они Татаровя и Остяки тѣми своими бортными и звѣринными ловлями владѣють, а съ того они Остяки и Татаровя ясакъ пла-

тять купницами; а гдѣ Остяцкіе и Татарскіе верховные бортные ухожьи и звѣринныя ловли ихъ въ тѣхъ мѣстѣхъ, по рѣкѣ по Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ, и тѣми землями и сѣнными покосы, и лѣсами и рыбными ловлями, и всякими угоды, по жалованнымъ грамотамъ и по сотной Ивана Яхонтова, владѣютъ изстари Андрей да Петръ Строгановы, и по тому Андреевѣ и Петровѣ Строгановыхъ вотчинѣ Сылвенскому острожку—землямъ и водамъ и всякимъ угодымъ межа учинена до Остяцкаго до Рожина улуса, что къ ихъ Строгановыхъ къ Сылвенскому острожку и къ деревнямъ иныхъ Остяцкихъ улусовъ опричь Рожина улуса ближе нѣтъ; и тою землю, о которой билъ челомъ Усолецъ Русинъ Елисеѣвъ, по рѣкѣ по Сылвѣ вверхъ отъ рѣчки Серги и Рожина улуса и до оврага на пять версть, а внизъ по Сылвѣ отъ рѣчки Серги до Невѣсткина городища, впредь владѣтъ Андрею да Петру Строгановымъ по прежнему, а Усольду въ той землѣ по сыску отказано, и впредь ему тою землю не владѣтъ, потому что тѣ урочища въ ихъ Андреевѣ и Петровѣ землѣ, и впредь Андрею да Петру Строгановымъ къ Сылвенскому острожку землями и водами и лѣсами и всякими угоды владѣтъ по рѣкѣ по Сылвѣ вверхъ до Остяцкаго до Рожина улуса. И всего за Андреемъ да за Петромъ Строгановыми, по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ и по сотнымъ, старые ихъ вотчины на рѣкѣ на Чусовой и на Сылвѣ городокъ да острожекъ, а къ нимъ въ уѣздехъ два сельца, двадцать деревень, двадцать одинъ починокъ, четыре пустоши, а въ городкѣ и въ острожкѣ и въ сельцахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ двадцать дворовъ церковныхъ причетниковъ, десять дворовъ вотчинниковыхъ, да двѣсти шесть дворовъ посадскихъ и уѣздныхъ крестьянъ, пятьдесятъ дворовъ бобыльскихъ и нищальничьихъ, двадцать четыре двора пустыхъ, одинадцать келей нищихъ; пашни паханые добрые земли четыре ста пятьдесятъ четей безъ полуосмины, да перелогомъ четыре ста сорокъ шесть четей безъ третника, лѣсу пашеннаго двѣсти одна десятина, сѣна десять тысячъ сто шестьдесятъ четыре копны, сошнаго письма на посадѣхъ и въ уѣздехъ въ живущемъ соха безъ чети, денежныхъ доходовъ дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло тридцать шесть рублевъ осьмнадцать алтынъ полпяты деньги, съ сохи по сороку по осми рублевъ по двадцати по пяти алтынъ, да пошлинъ казначеевыхъ и дьячыхъ двадцать восемь алтынъ и три деньги, да съ нищальничьихъ и съ бобыльскихъ дворовъ, и съ лавокъ, и съ варницъ,

и съ кузницѣ, и съ мельницѣ оброку и пошлинѣ тридцать восемь рублевъ двѣ денги, да съ рыбныхъ ловель—съ рѣкъ и съ озеръ, и съ острововъ, и лѣсовъ, и со всякихъ угодій, стараго оброка и пошлинъ двадцать шесть рублевъ двадцать пять алтынъ пять денегъ, да вновь прибавлено оброку пять рублевъ, да пошлинъ восемь алтынъ двѣ денги, и обоего стараго оброка и съ новою прибавкою и пошлинъ тридцать два рубли пять денегъ, да съ новыя ихъ вотчины, что на рѣкѣ на Камѣ выше Осы, а ниже Очерскаго острожка, съ пустыя земли и съ рыбныхъ и со всякихъ угодій положено оброку вновь два рубли, да пошлинъ съ того оброку три алтына и двѣ денги—всего съ Чусовскаго городка и Сылвенскаго острожка, съ новыя вотчины, съ пустыя земли, и съ угодей всякихъ денежныхъ доходовъ сто девять рублевъ осмнадцать алтынъ полтретья денги, опричь Ивана и Максима Строгановыхъ, и прибыло по новому письму Михайла Кайсарова съ товарищи сверхъ прежняго оклада тридцать семь рублевъ семь алтынъ полторы денги.

Да въ правой грамотѣ 157 года написано: били челомъ Отцу Нашему Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Вел. Гос. Ц. и В. К. Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Соликамской посадскіе люди земской староста Любимко Терентьевъ съ товарищи на Андрея да Ѳедора да на Данила Строгановыхъ о ихъ вотчинахъ, о селахъ и о деревняхъ, и о всякихъ угодьяхъ, и о торговыхъ людяхъ, которые за ними живутъ, и чтобъ имъ съ ними Усольцы быть въ тягль; а во 158 году Данило Строгановъ Отцу Нашему Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великому Государю билъ же челомъ Соли Камской съ ѣзжіе избы на подъячего на Антипка Вахутина о деревняхъ своихъ и о починкахъ и о пустошахъ, которыя деревни и починки и пустоши отвелъ онъ, Антипка, воровски къ Обвенской сохѣ, и въ томъ у нихъ въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ у Данила и у Дмитріева человѣка Строгановыхъ съ Усольцомъ съ посадскимъ человѣкомъ съ Мишкою Игумновымъ была очная ставка, и на очной ставкѣ Данило Строгановъ на вотчины свои положилъ прежнія жалованныя грамоты, да сотную, да писцовую выпись, а Усольской челобитчикъ никакихъ крѣпостей на тѣхъ земли не положилъ; а что и въ жалованныхъ грамотахъ о тѣхъ вотчинахъ написано, и то писано выше сего. И въ прошломъ во 159 году по указу Отца Нашего Великихъ Государей блаженныя и вѣчно-

достоинья памяти Великаго Государя и по приговору боярина нашего Князя Юрья Алексѣевича Долгорукова съ товарищи тѣми старинными вотчинами городками и острожками, и слободами, и селами, и деревнями, и съ починками займищи, и кабальными старинными людѣми, и крестьяны, и бобыли, и соляными варницами, и мельницами, и пашенными землями, и сѣнными покосы, и рѣками, и береги, и острова пустыми, рѣчками малыми, и озерками лѣшими съ истоки, и рыбными ловлями, и лѣсами дикими, и всякими угоды къ тѣмъ городкамъ и къ острожкамъ и къ слободамъ и къ селамъ и къ деревнямъ по старымъ межамъ и по урочищамъ, и по прежнимъ вышеписаннымъ жалованнымъ грамотамъ, велѣно владѣть Дмитрію и Ѳедору и Данилу Строгановымъ безповоротно; а выше Осинскія слободы землями и всякими угоды, что за ними въ Казанскомъ уѣздѣ, владѣть имъ же, Дмитрію и Ѳедору. А по новому письму Михаила Кайсарова тѣмъ пустымъ землямъ и угодымъ учинена межа выше старыя межи, потому что въ той ихъ межѣ поставили дворы крестьяне дворцовые Казанскаго уѣзда Осинскіе Никольскіе слободы; а усольцамъ посадскимъ людемъ въ томъ во всемъ отказано; а по новому письму съ тѣхъ Строгановыхъ вотчинъ прибыло сверхъ прежняго оклада всякихъ денежныхъ доходовъ семдесятъ шесть рублевъ двадцать четыре алтына двѣ деньги. Да въ выписи 193 года, какова дана Григорію Строганову у Соли Камской изъ приказной избы, записныхъ вотчинныхъ книгъ на Кишерскую вотчину написано: въ прошломъ во 176 году гостинной сотни Андрей и Борисъ Ѳедоровы дѣти Елисѣевы продали именитому человѣку Данилу Строганову половину своей вотчины на Сылвѣ рѣкѣ, что купили они у Сылвенскаго ясашнаго татарина у Турсунбайка Терегулова, по писцовой книгѣ Михайла Кайсарова, оприче половины братьей своихъ и племянниковъ; а межа той ихъ вотчинѣ вверхъ по Сылвѣ рѣкѣ отъ частыхъ острововъ по оврагу вверхъ въ дуброву, съ нижнюю сторону съ Юрманскими Татараы съ Чюрашемъ да съ Карабаемъ да съ Черепаномъ съ товарищи, да вверхъ по Сылвѣ рѣкѣ отъ оврага и отъ частыхъ острововъ до рѣчки Малые, пониже Тазу, и по рѣкѣ Малой вверхъ до вершины лѣвая сторона, а съ усть рѣчки Малые вверхъ по Сылвѣ рѣкѣ до рѣчки Тазу, а отъ рѣчки Тазу вверхъ по Сылвѣ рѣкѣ до Сухова ручья тѣхъ же Юрманскихъ Татаръ вотчина, а отъ Сухова ручья вверхъ по Сылвѣ до рѣчки Барды и по рѣчкѣ Бардѣ вверхъ лѣвая сторона до оврага, гдѣ положена

Лѣвко́ва жена, а съ усть Барды правая сторона по рѣчкѣ Бардѣ вверхъ до оврага противъ броду, а отъ рѣчки Барды вверхъ по Сылвѣ рѣкѣ лѣвая жъ сторона до Марамысковы курьи, съ пашенными землями и сѣнными покосы, и съ лѣсами, и съ озера, и съ бортовыми угодья, и со всякими угодья. Да ему жъ, Данилу Строганову, по той же купчей и по писцовой книгѣ на другой сторонѣ Сылвы рѣчки противъ тоежъ межи сѣна косить, и въ озерахъ рыба ловить, и истоки запирать съ братьями и съ племянникомъ ихъ обще; а взяли они Андрей и Борисъ у него Данила за тое вотчину, за свою половину, шесть сотъ сорокъ рублевъ. Да въ купчей же 181 года написано: марта въ 26 день Данило да Иванъ да Семень Ивановы дѣти, племянникъ ихъ Алексѣй Силянъ сынъ Елисеѣвы продали они въ Усольскомъ уѣздѣ на Сылвѣ рѣкѣ на лѣвой сторонѣ Кишерскую свою вотчину именитаго человѣка Даниловской женѣ Строганова вдовѣ Агафѣ Тимоѣевоѣ дочери и дѣтямъ ея Стефанидѣ и Аннѣ, по купчей и по писцовой книгѣ Михайла Кайсарова съ товарищи 131 и 132 годовъ—пашенныя свои земли и сѣнные покосы, и бортовые угодья, и лѣса отъ Сылвы рѣчки въ гору до Юскіева дворища, а отъ Юскіева дворища до верхъ высокіе горы по правую сторону, и по высокой горѣ до Кузминскаго логу и по Кузминскому логу вверхъ до Медвѣжья ельника до нижнего конца до межи, которая межа написана въ писцовой книгѣ и въ дѣловой записи, отъ частыхъ острововъ, и позадь Медвѣжья ельника по правую сторону до логу и по логу вверхъ по правую сторону до Безукладникова озера, а отъ Безукладникова озера по логу по правую сторону до верхъ Малой рѣчки до Юскіевского дворища, вверхъ по Сылвѣ рѣкѣ по лѣвой сторонѣ до Малой рѣчки, что ниже Тазу, и по рѣчкѣ Малой вверхъ лѣвою стороною до вершинъ. Да ей же, Агафѣ съ дѣтьми, по купчей и по писцовой книгѣ писца Михайла Кайсарова съ товарищи на другой сторонѣ Сылвы рѣчки ея жъ вотчины сѣно косить, и въ озерахъ рыбу ловить, и истоки запирать, и лѣса сѣчь, опричь бортей и бортеваго дерева, и на свою сторону возить; а съ тѣхъ вотчинъ оброкъ и пошлыны платить ей, Агафѣ съ дѣтьми, у Соли Камской въ приказной избѣ по вся годы, безпереводно.

А въ прошломъ во 189 году именитаго человѣка Данилова дочь Строганова дѣвка Анна старинными родовыми и выслуженными вотчинами отца своего Данила Строганова на рѣкѣ на Чусовой городокъ Усолка съ деревнями, да на рѣкѣ на Камѣ

слободка Слудка съ деревнями же, да на рѣкѣ жѣ на Яйвѣ острогѣ Яйвенской съ деревнями жѣ, да у Соли Вычегодской и на Устюгѣ Великомѣ вотчины жѣ въ разныхъ волостяхъ отца своего купленныя, и въ Кунгурскомъ уѣздѣ на Кишертѣ село Воскресенское съ деревнями, и въ нихъ крестьяне и бобыли, и варницы, и всякіе варничные иные заводы, и мельницы, и пашни и сѣнные покосы, и иные всякіе угоды, и на Москвѣ и въ городѣхъ дворы и огороды, и лавки, и анбары, и дворовые и огородные и анбарные и лавочные мѣста, все что ни есть, по жалованнымъ грамотамъ, и по писцовымъ и переписнымъ книгамъ, и по купчимъ, и по закладнымъ, и по поступнымъ, и по инымъ по всякимъ крѣпостямъ, тѣмъ владѣль отецъ ея Аннинъ Данило Строгановъ и его жена, а ея мать Агафья, и она, Анна, со всѣми угоды—поступила и сдала брату своему, именитому человѣку Григорію Дмитріевичу Строганову, и тѣ вотчины за нимъ, Григорьемъ, справлены, и отказныя книги въ Новгородской приказъ присланы, и Наша Великихъ Государей грамота ему, Григорью, дана—велѣно тѣми всѣми вотчинами владѣть ему, Григорью.

Да въ прошломъ во 194 году билъ челомъ Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству, именитой человѣкъ онъ же, Григорій Строгановъ: въ прошломъ де во 179 году дяди его имевитаго человѣка Ѳедора Строганова не стало, а послѣ смерти его осталась жена его, а его Григорьева тетка вдова Анна Никитина, да старинные родовые выслуженные вотчины на Камѣ рѣкѣ ниже Перми Великой половина Орла-городка, да половина Новаго Усоля, да половина Сылвенскаго и Очерскаго острожковъ, да вотчины жѣ у Соли Вычегодской и на Устюгѣ Великомѣ съ селы и съ деревнями, и со крестьяны, и съ бобыли, и варницы, и съ мельницы и со всякими заводы и угоды, а въ тѣхъ вотчинахъ въ разныхъ городѣхъ дворы и анбары, и лавки, и дворовые и лавочные и анбарные и огородные и всякіе мѣста, и всякіе угоды. И Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству пожаловати его, велѣти по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, и по уложенью, и по прежнимъ Нашимъ Государскимъ указомъ, тѣ всѣ вышеписанныя старинныя выслуженныя родовыя вотчины со крестьяны и съ бобыли, и съ варницы, и съ мельницы, и со всякими угоды и заводы, и дворы, и лавки, и анбары, и дворовые и лавочные и анбарные и огородные всякіе мѣста, по родству отдать ему, Григорью. А въ прошломъ во 194 году генваря въ 31 день по Нашему Великихъ

Государей указу изъ тѣхъ вышеписанныхъ изъ Ѳедоровскихъ вотчинъ Строганова и съ крестьянъ и съ бобылей, и со всякихъ соляныхъ заводовъ, и съ промысловъ, и всякихъ угодей, и мельницъ, и дворовъ, и съ лавокъ, и анбаровъ, и съ дворовыхъ мѣстъ, что за нимъ, Ѳедоромъ, ни было, чѣмъ онъ, Ѳедоръ, владѣлъ, велѣно владѣть по родству Григорью Строганову двумя долями, а женѣ его изъ тѣхъ вотчинъ третью долею, на что Нашего Царскаго Величества грамота ему, Григорью, о томъ дана.

Да въ нынѣшнемъ во 196 году февраля въ 29 день била челомъ Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству именитаго челоуѣка Ѳедоровская жена Строганова, вдова Анна Никитишна: прожиточнымъ де своимъ вотчиннымъ жеребьемъ, что дано было ей на прожитокъ въ Перми Великой и у Соли Вычегодской и на Устюгѣ Великомъ и въ иныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, пашенными землями и сѣнными покосы, и лѣсами, и крестьяны, и бобыли, и рыбными ловлями, и соляными варницы, и всякими заводы, и въ городѣхъ дворами, и лавками, и анбарами, и анбарными и лавочными мѣстами, и всякими заводы, что на ея жеребей ни досталось, всѣмъ поступилась Григорью Строганову и запись ему въ томъ дала, и чтобъ тѣ ея вотчины всѣ записать за именитымъ челоуѣкомъ, за нимъ, Григорьемъ Строгановымъ, и за женою его и за дѣтьми. И по нашему Великихъ Государей указу тѣ вотчины прожиточный ея жеребей за нимъ, Григорьемъ, записаны и велѣно тѣмъ жеребьемъ владѣть ему, Григорью Строганову.

Да въ Нашей же Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованной грамотѣ нынѣшняго 196 года, какова ему жъ, Григорью, дана, написано: что Мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество вышеобъявленныхъ жалованныхъ грамотъ и челобитья именитаго челоуѣка Григорья Дмитріевича Строганова и выписи слушавъ, указали и бояра Наши приговорили къ Нашимъ Государскимъ Зырянскимъ промысломъ приписать земли и сѣнные покосы и всякіе угодья по отписнымъ книгамъ и по сказкѣ стольника Ивана Одинцова—отъ усть рѣчки Зырянки до усть старые Яйвы, что пескомъ занесло, на полшесты версты, да на Камѣ рѣкѣ островъ Стрѣлецкой; а сѣна на тѣхъ земляхъ ставится по девяти сотъ по девяносту по девяти копенъ; а отъ усть старые Яйвы, что пескомъ занесло, до сопротивъ Зырянскихъ росохъ на двадцать верстъ. Да по письму именитаго челоуѣка Григорья Строганова, что онъ уступилъ изъ своихъ крѣпостныхъ

родовыхъ земель къ Нашимъ Великихъ Государей Зырянскимъ промысломъ—отъ устья рѣчки Волима прямо до Зырянскихъ росохъ, вверхъ по Яйвѣ рѣкѣ, до Чешкорскаго городища и до ручья, что течетъ изъ подъ Чешкорскаго городища—на тысячу на двѣсти на пятьдесятъ на четыре десятины съ полудесятиною, и въ томъ числѣ сѣнныхъ покосовъ шесть сотъ десять копенъ; а достальную старинную землю и сѣнные покосы и всякія угодья, по отписнымъ книгамъ стольника Ивана Одинцова, отъ усть старой Яйвы, что пескомъ занесло, внизъ Камою рѣкою до рѣки Яйвы, и Яйвою рѣкою вверхъ до рѣчки Волима, а отъ усть рѣчки Волима прямо въ гору, до сопротивъ Зырянскихъ росохъ, а отъ сопротивъ росохъ до усть старой же Яйвы, что пескомъ занесло, и на той землѣ Ошкароро городище, со крестьяны и съ строеньемъ, и на истокѣ мельничную старую плотину указали Мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество отдать ему, Григорью Строганову, для того, что по жалованнымъ Нашимъ Государскимъ грамотамъ и по писцовымъ и по отписнымъ и дозорнымъ книгамъ и по дозору тѣ земли и сѣнные покосы и Ошкорово городище со крестьяны, и мельничная старая плотина, что на истокѣ, и всякія на той землѣ угодья явились и написаны за родственники его Григорьевыми, и за дѣдомъ, и за отцомъ его, и за нимъ, Григорьемъ. А отписныя книги Усольцовъ посадскихъ людей Ивашка Суровцова съ товарищи 161 года по Нашему, Великихъ Государей, Нашего Царскаго Величества указу отставлены для того, что по сыску и по дозору стольника Ивана Одинцова явились тѣ книги въ описи и въ межеванѣ земель не правы, и взяты были у его Григорьевыхъ сродниковъ тѣ земли и всякіе угодья къ солянымъ промысломъ не дѣломъ, мимо прежнихъ граней и урочищъ, а тѣми землями и крестьяны и всякими угодья и строеніемъ владѣть ему, Григорію, и женѣ его, и дѣтямъ нынѣ и впредь по прежнимъ Нашимъ Государскимъ Нашего Царскаго Величества жалованнымъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ стольника Ивана Одинцова и быть во всемъ неподвижно, какъ въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ написано.

Да по тѣмъ же вышеименованнымъ жалованнымъ грамотамъ предковъ нашихъ Государевыхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти В. Г. Ц. и В. К. Россійскихъ и дѣда Нашего, Великихъ Государей, блаженныя жъ и вѣчнодостойныя памяти В. Г. Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича, всея Великія Россіи Самодержца, Казанскимъ и Пермскимъ и Сибирскимъ намѣстникомъ и бояромъ

Нашимъ и воеводамъ и Осинскимъ приказнымъ людямъ ихъ, именитыхъ людей, и людей ихъ и крестьянъ, и посадскихъ людей судить ни въ чемъ, также въ тѣ ихъ вотчины вѣзжать и посылать ни по что никого, опричь разбоя и татбы съ поличнымъ, не велѣно; а кому будетъ до нихъ, именитыхъ людей, какое дѣло и до людей ихъ и до крестьянъ, и имъ, именитымъ людямъ, и людямъ ихъ и крестьянамъ отвѣчать велѣно на Москвѣ на Благовѣщеневъ день, чтобъ имъ, именитымъ людямъ, и людямъ ихъ и крестьянамъ отъ того продажи и убытковъ не было; также и подводъ во всѣхъ городѣхъ сухимъ и водянымъ путемъ и судовъ и всякихъ судовыхъ снастей съ нихъ никому иматъ не указано, а иматъ въ сохахъ по разводу; а Казанскимъ и Пермскимъ намѣстникомъ и бояромъ Нашимъ и воеводамъ и гонцомъ и Осинскимъ приказнымъ людямъ подводъ и проводниковъ и кормовъ и никакихъ всякихъ поборовъ давать не велѣно, и съ Пермичи и съ Усолицы ни въ какіе Сибирскіе отпуски запасовъ и судовъ, и людей, и плотниковъ, и посошныхъ людей не отпускать и счету съ ними, Пермичи и съ Усолицы, ни въ чемъ не держать, опричь ратнаго вѣстоваго дѣла, которые погонять мимо тѣхъ ихъ вотчинъ въ Казань и въ Пермь.

Да въ прошломъ же во 132 году дѣдъ Нашъ Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти В. Г. Ц. и В. К. Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Великія Россіи Самодержецъ, пожаловалъ именитаго чловѣка Петра Строганова по прежней жалованной грамотѣ 114 года: когда онъ, Петръ, людей своихъ и крестьянъ пошлетъ отъ Соли Вычегодской въ вотчины свои въ Пермь, на Устюгъ, на Орелъ, и на Яйву, и на Чусовую, и на Усолку для своихъ промысловъ на подъемъ съ запасомъ всякимъ, которой и промысломъ его годенъ, и людямъ своимъ на обувь и одежду; также изъ тѣхъ же его вотчинъ люди его и крестьяна повезутъ къ нему, Петру, рыбу всякую и икру, и медъ, и иные всякіе запасы про себя, а не на продажу, лѣтомъ и зимою, и съ тѣхъ его людей и со крестьянъ и со всякихъ запасовъ съ непродажныхъ, которые запасы и одежду и обувь пошлетъ онъ по вотчинамъ своимъ, или которые запасы, и рухлядь, и рыбу всякую, икру, и медъ повезутъ къ нему изъ вотчинъ его—и на Вычегдѣ, на Еренскомъ городкѣ, и на Сысолѣ, на Пылядинскомъ яму, никакихъ пошлинъ не имати и пропускати ихъ вездѣ безпошлинно; а будетъ люди его и крестьяне повезутъ какіе про-

дажные товары, а торговати ими тамо не стануть и съ тѣхъ его съ непродажныхъ товаровъ имати проѣзжая пошлина по прежнему; а будетъ учнуть чѣмъ торговати и какіе товары продавати, и съ тѣхъ его со всякихъ продажныхъ товаровъ и съ людей всякіе пошлины имати по уставнымъ грамотамъ.

Да въ жалованной же грамотѣ Отца Нашего Великихъ Государей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти В. Г. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, 181 года написано: пожаловаль онъ, Великій Государь, именитаго челоуѣка Григорья Строганова за службы правдѣ его и за службы жъ именитыхъ людей дѣда Андрея да отца его Дмитрія Строгановыхъ, что они въ междуособную брань и въ смуту, будучи у Соли Вычегодской, Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству служили и прямили и отъ Московскаго Государства не отступали и къ Польскимъ и къ Литовскимъ людямъ и къ Русскимъ ворами не приставали и противъ Польскихъ людей и Русскихъ воровъ стояли крѣпко и ратныхъ многихъ людей противъ воровъ посылали и поморскіе и Казанскіе города отъ шатости укрѣпили; а у Андрея жъ Строганова во время мимошедшее, какъ стояли подъ Москвою бояра и воеводы и князь Дмитрій Тимоѣевичъ Трубецкой съ товарищи, взяты многіе деньги ратнымъ людямъ на жалованье; а правдѣ его, Григорьевъ, служба и радѣя Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству, призваль съ Волги атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи въ свои вотчины и на помощь ратныхъ многихъ людей наймоваль, и всему войску помощь чинилъ, и деньги, и платье, и боевое ружье, и порохъ, и свинець, и всякой запасъ къ воинскому дѣлу даваль изъ своихъ пожитковъ, и дворовыхъ своихъ людей съ ними посылалъ, и Сибирское Государство они взяли и подъ Нашу, Великихъ Государей, Нашего Царскаго Величества, Высокую руку Сибирцовъ привели; а во 124 году, какъ измѣнили Казанскіе Татаровя, Чуваши и Черемиса, и Отяки, и Башкирцы, и стояли подъ Казанью, и дѣдъ его, Григорьевъ, служба и радѣя Намъ, Великимъ Государемъ, Нашему Царскому Величеству, не жалѣя своихъ пожитковъ, многихъ людей наймоваль своими деньгами, и подъ осадные мѣста ихъ запасъ всякой и ружье, и порохъ, и свинець посылалъ изъ своей казны, и Осу и Сарпулъ выручили, и Татаръ многихъ побили, и достальныхъ привели подъ Нашу Государскую Высокую руку; а всего съ нихъ въ разоренье Московское

и послѣ раззоренья и смутнаго времени и въ Смоленскую службу пятинныхъ и запросныхъ денегъ, и солдатскихъ и нѣмецкихъ кормовъ, и посошныхъ людей, и подымныхъ денегъ съ вотчинъ ихъ двоюгривенныхъ и алтынныхъ пошлинъ съ ихъ промысловъ деньгами и хлѣбомъ и солью и всякими пожитки взято по 181 годъ восемь сотъ сорокъ одна тысяча семь сотъ шестдесятъ два рубли девять алтынъ; а которые деньги въ Московское раззоренье взяты были на жалованье ратнымъ людямъ у дѣдовъ его Григорьевыхъ, и у гостей, и у Нижегородцевъ по 158 годъ, и тѣ деньги гостямъ изъ казны отдаваны жемчугомъ и золотомъ и сосудами серебрянными, а Нижегородцамъ деньгами изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ назадъ, а прадѣды и дѣды его Григорьевы тѣхъ своихъ денегъ назадъ не взяли и прибыли себѣ въ томъ не чинили; да и въ Смоленскую жъ службу у отца его, Дмитрія, и у дяди его, Ѳедора, и у брата его, Данила Строгановыхъ съ Пермскихъ и съ Усольскихъ вотчинъ взято съ пяти дворовъ по человѣку и были на Купгурѣ и Степановѣ городищѣ многое время на ихъ проторяхъ.—И за тѣ за всѣ прадѣдовъ и дѣдовъ и дядевъ и братьевъ и отца его Григорьева службы повелѣли изъ всѣхъ приказовъ Нашея Царскаго Величества въ грамотахъ и въ наказехъ бояромъ Нашимъ и дворецкимъ и окольнічимъ и казначеямъ и думнымъ дворянамъ и дякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ всего Московскаго Государства по всѣмъ городомъ и во всякихъ дѣлехъ писать къ нему, Григорью, и къ дѣтямъ его съ вичемъ. И гдѣ ему въ отбѣздѣ случится быть самому, или дѣтямъ его, и внучатомъ, и братьямъ, и племянникомъ, или куды пошлютъ людей своихъ и крестьянъ съ какими товары и безъ товаровъ для иныхъ какихъ дѣлъ—и бояромъ Нашимъ и воеводамъ и дякомъ, и всякимъ приказнымъ людямъ въ городѣхъ его, Григорья, и дѣтей его, и внучать, и братью, и племянниковъ, и людей его, и крестьянъ судить ни въ чемъ не велѣно; а кому будетъ до нихъ дѣло—и ихъ судить на Москвѣ, кому Они, Великіе Государи, укажутъ; а людей своихъ и крестьянъ велѣно судить ему, Григорью, самому, а у вѣры ни въ какихъ искѣхъ ему, Григорью, и дѣтямъ его, и внучатомъ, и племянникомъ его не ставится, а велѣно имати и отвѣчати и у вѣры быти вмѣсто его, Григорья, людямъ его; а кто его чѣмъ обезчеститъ и по суду и по сыску доищется—и за безчестье его править по сту рублевъ; а питье всякое держати ему про себя безъявочно, и стояльщиковъ у него во дворѣхъ на Москвѣ и по

инымъ городомъ Русскихъ и всякихъ людей и иноземцовъ не ставить, и лѣтомъ во дворѣхъ избы и мыльни топить ему вольно, а печатати не велѣно; и подводъ у него во всѣхъ городѣхъ по городомъ и по ямомъ сухимъ и водянымъ путемъ—судовъ и всякихъ снастей судовыхъ съ его людей, и струговъ съ дворовъ насильствомъ никому не имати, а имати въ сохахъ по разводу; а пошлины съ него, Григорья Строганова, по всѣмъ городомъ всякимъ приказнымъ людямъ имати указано съ его товаровъ по уставнымъ грамотамъ, а сверхъ уставныхъ грамотъ лишнихъ пошлинъ имати не велѣно, чтобъ имъ въ томъ мотчанія и простою не было; а въ которыхъ городѣхъ для продажи или въ Сибирскихъ и понизовыхъ городѣхъ его Григорьевы люди и крестьяна будутъ съ товары, и тѣмъ его людямъ и крестьянамъ, которые будутъ съ его товары, во всѣхъ Сибирскихъ и въ понизовыхъ городѣхъ и въ Астрахани служебъ служить и подмоги съ нихъ въ службы имать и воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ по всѣмъ городамъ всего Московскаго Государства людей его съ солью и струговъ ни на которомъ городѣ задерживать, и тѣсноты и обидъ никакихъ чинить не велѣно, а пропускать ихъ безъ задержанія и безо всякихъ убытковъ; а въ городѣхъ ему и дѣтемъ его, и внучатомъ, и братьѣ, и племянникомъ, и людямъ его, и крестьянамъ, гдѣ случится ѣхать, и по тѣмъ по всѣмъ городамъ и межъ городами, гдѣ ни есть, всякимъ приказнымъ людямъ и откупщикомъ, чей кто ни будь, проѣзжаго мыту и головщины, и на рѣкахъ перевозовъ, и мостовщины съ нихъ имать не велѣно жъ, и ставитись имъ во дворѣхъ вездѣ безъявочно, и перевозить ихъ на рѣкахъ и пропускать на мостахъ безденежно.

А во 192 году по Нашему Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Великія Государыни Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, именному указу онъ, именитый человекъ Григорій Дмитріевичъ Строгановъ, пожалованъ: предковъ Нашихъ, Великихъ Государей, древнія жалованныя вышепомянутыя грамоты Нашего Царскаго Величества жалованною жъ грамотою обновлены и во всемъ повелѣли тому быть такъ, какъ въ вышерѣченныхъ древнихъ жалованныхъ грамотахъ написано будетъ; по Нашему Великихъ Государей указу назначень будетъ съ него, Григорья, въ Нашу Великихъ Государей казну какой денежный поборъ—и въ то время имати у него, Григорья, о пожиткахъ его и о вся-

кихъ промыслѣхъ сказки за его Григорьевою рукою, и по тѣмъ сказкамъ съ пожитковъ и съ промысловъ къ Нашимъ Государскимъ поборамъ окладывать его, Григорья, тѣмъ людямъ, кому Мы, Великіе Государи, укажемъ, а гостямъ его, Григорья, денежнымъ поборомъ не окладывать, потому что гость Ѳеодоръ Юрьевъ съ товарищи напередъ сего окладывали съ пожитковъ его многимъ числомъ съ посяжкою, и по тому ихъ неправому окладу въ Нашу Государскую казну взяты съ него были солю и кабалами многіе лишніе деньги—двадцать шесть тысячъ восемь сотъ пятьдесятъ пять рублей тридцать одинъ алтынъ четыре деньги, и тѣ переплатныя деньги ему, Григорью, зачтены въ иныя Нашего Царскаго Величества поборы.

А въ нынѣшнемъ во 196 году Мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество пожаловали именитаго человѣка Григорья жъ Строганова для вѣчнаго мира, который учинили между Нами Великими Государи и Королевскимъ Величествомъ Польскимъ, за многіе ихъ службы и денежные поборы мимошедшихъ временъ, взятые ратнымъ людямъ на жалованье, велѣно ему, Григорью, учинить окладъ помѣстный тысячу четей, денегъ съ прежнею указною статьею сто пятьдесятъ рублей, а гостямъ никому то не въ образецъ и не въ примѣръ. А что за ними жъ, именитыми людьми, за Григорьемъ Дмитріевичемъ, и за Ѳеодоромъ, и за Даниломъ Строгановыми Нашего Великихъ Государей жалованья на Устюгъ Великомъ и у Соли Вычегодской въ вотчинахъ сель и деревень, и починковъ, и крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и пашенныхъ земель, и сѣнныхъ покосовъ, и лѣсовъ, и рыбныхъ ловель, и всякихъ угодей, по писцовымъ книгамъ писцовъ столыника Григорья Овцына и подьячего Василья Крюкова 190 года, да столыника жъ Пояркова да подьячего Андрея Покрышкина 191 года, а тѣми вотчинами по задачамъ именитыхъ же людей—сестры его Григорьевой, Даниловой дочери, дѣвки Анны, да тетки его, Ѳеодоровской жены, вдовы Анны Никитишны Строгановыхъ—владѣть ему же, Григорью Дмитріевичу, а для подлиннаго владѣнья тѣхъ вотчинъ дать ему, Григорью, выпись изъ Приказу Устюжскіе чети.

„И Мы, Божіею милостію пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Вел. Кн. Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Вел. Госуд. благовѣрная Царевна и В. Княжна Софія Алексѣевна всея В. и М. и Б. Россіи Самодержцы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники, государи и обладатели, Наше

Царское Величество, тѣхъ вышеобъявленныхъ жалованныхъ грамотъ и челобитья именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строганова слушавъ, пожаловали: повелѣли ему, Григорью, и женѣ его и дѣтямъ владѣть въ Перми Великой тѣми вышечисанными родовыми и купленными вотчинами—Чусовскимъ городкомъ, Сылвенскимъ и Яйвенскимъ острожками, Орломъ—городкомъ и Новымъ Усольемъ, и данными и купленными землями, слободами и деревнями, и починками, и пустошми, и крестьянскими и бобыльскими и посадскими дворами, и пашенными землями, и сѣнными покосы, и лѣсами, и рыбными и звѣринными ловлями, и рѣчками, и озера, и истоки, и всякими угоды, что къ тѣмъ городкамъ и острожкамъ въ вышечисанныхъ грамотахъ и въ выписяхъ и въ крѣпостяхъ родовыхъ и купленныхъ вотчинъ со всякими угоды написано, чѣмъ владѣли прадѣды и дѣды, и дядья, и братья его Григорьевы, именитые жъ люди Максимъ и Андрей, и Петръ, и Никита, и Иванъ, и Ѳедоръ, и Данило, и отецъ его Григорьевъ Дмитрій по прежнимъ вышеобъявленнымъ и по сей Нашей Вел. Госуд. Нашего Царскаго Величества жалованнымъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ, и по старымъ межамъ и урочищамъ. Тѣхъ предковъ Нашихъ государевыхъ, вышечисанныхъ Вел. Госуд. Царей и В. Кн. Россійскихъ, и дѣда Нашего Царс. Велич. блаженныя и вѣчнодостойныя памяти В. Гос. Ц. и В. Кн. Михаила Ѳеодоровича, ... и Отца Нашего... Алексѣя Михайловича, и Нашихъ Царскаго Величества, прежь сей данныхъ, жалованныхъ грамотъ ни въ чемъ не рушить и премѣнить не велѣли, и быть имъ такъ, какъ въ нихъ именно изображено и написано.

„Да его жъ, именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строганова, Мы, Великіе Государы, Наше Царское Величество пожаловали: по прежнимъ Нашимъ государскимъ жалованнымъ грамотамъ, каковы даны были родственникамъ его и ему, Григорью, за службы ихъ и за денежные многіе платежи ратнымъ людямъ на жалованье—повелѣли въ Нашихъ государскихъ Нашего Цар. Вел. грамотахъ и въ наказѣхъ изо всѣхъ приказовъ бояромъ Нашимъ и воеводамъ, и окольныхъ, и думнымъ людямъ и дякомъ, и всякимъ приказнымъ людямъ всего великаго Россійскаго государства по всѣмъ городомъ какъ Нашего Царскаго Величества въ грамотахъ и въ наказѣхъ, такъ и во всякихъ письмахъ и дѣлахъ писать къ нему, Григорью, и къ дѣтямъ его съ *внечемъ*.

„А въ Казани и въ Перми, и въ Сибири, и въ иныхъ ни въ которыхъ городѣхъ бояромъ Нашимъ и воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ его, именитаго человѣка, и людей его, и крестьянъ, и посадскихъ людей судить ни въ чемъ и въ тѣ ихъ вотчины вѣзжать и посылать ни по что никого, опричь разбою и татбы съ поличнымъ, не велѣно. А гдѣ ему, Григорью, случится быть въ отѣздѣ самому или дѣтямъ его и внучатомъ, и братьямъ, и племянникомъ, или куда пошлетъ онъ людей своихъ и крестьянъ съ какими товары и безъ товаровъ для иныхъ какихъ дѣлъ— и бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людямъ въ городѣхъ его, Григорья, и дѣтей его, и внучать, и братью, и племянниковъ, и людей, и крестьянъ не судити же ни въ чемъ. А кому будетъ до него, именитаго человѣка Григорья Дмитриевича, и до людей его и до крестьянъ какое дѣло—и ему и людямъ его и крестьяномъ отвѣчать на Москвѣ, а судимъ ихъ Мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество или кому Мы, В. Г., Н. Ц. В—во укажемъ. А людей своихъ и крестьянъ судить ему, Григорью, самому и у вѣры ему, Григорью, и дѣтямъ его, и внучатомъ, и племянникомъ не ставиться, а велѣти имать и отвѣчать и у вѣры быти вмѣсто него, Григорья, и дѣтей его, и внучать, и племянниковъ людямъ его Григорьевымъ.

„А кто его, Григорья, чѣмъ обезчеститъ, а по суду и по сыску доищется—и за безчестье его правити на тѣхъ людехъ по сту по пятидесяти рублевъ; да ему жъ, кто его обезчеститъ, отъ Насъ, Великихъ Государей, быти въ опалѣ.

„А питье всякое держати ему про себя безъявочно, и стояльщиковъ у него на дворѣхъ на Москвѣ и въ городѣхъ Русскихъ—всякихъ чиновъ людей и иноземцовъ не ставить, и избы и мыльни топить ему вольно, а печатати не велѣть. И подводъ у него во всѣхъ городѣхъ по городомъ и по ямомъ, сухимъ и водянымъ путемъ, судовъ и всякихъ судовыхъ снастей съ его людей и съ крестьянъ и съ дворовъ насилствомъ никому не имати, а имать въ сохахъ по разводу. И въ Казани, и въ Перми, и въ иныхъ городѣхъ бояромъ Нашимъ и воеводамъ, и гонцомъ, и Осинскимъ приказнымъ людямъ подводъ и проводниковъ, и кормовъ, и никакихъ всякихъ поборовъ давать не велѣли; и съ Пермичи и съ Усолцы и съ Осинцы ни въ какіе Сибирскіе отпуски запасовъ и судовъ, и людей, и плотниковъ, и посошныхъ людей ему не отпускать и счету никотораго съ ними, Пермичи

и съ Усолицы, ни въ чемъ не держать, опричь военнаго случаю вѣстоваго дѣла которые погонять мимо тѣхъ ихъ вотчинъ въ Казань и въ Пермь Великую.

„А буде онъ, именитый человекъ Григорій Дмитриевичъ, учнетъ людей своихъ и крестьянъ посылати отъ Соли Вычегодской въ вотчины свои въ Пермь, на Устюгъ, на Орелъ, на Яйву, и на Чусовую, и на Сылву, и на Усолку для своихъ промысловъ на подъемъ съ запасы всякими, которые къ промыслу его будутъ годны и людямъ своимъ на обувь и платье, или съ тѣхъ же его вотчинъ люди его и крестьяне повезутъ къ нему, Григорью, рыбу всякую, и икру, и медъ, и иные всякіе запасы про себя, а не на продажу, лѣтомъ въ судѣхъ и въ каюкахъ и въ стругѣхъ, а зимнимъ путемъ на саняхъ черезъ Сысоль, мимо Пылядинскій ямъ,—и съ тѣхъ его людей и со крестьянъ и со всякихъ домовыхъ запасовъ съ непродажныхъ, также и съ запасовъ, которые запасы и рухлядь, и рыбу всякую, и икру, и медъ повезутъ къ нему, Григорью, изъ вотчинъ его,—и на Вычегдѣ, и на Еринскомъ городкѣ, и на Сысолѣ Пылядинскаго яму никакихъ пошлинъ не имати и пропускать ихъ вездѣ безошлинно. А буде люди его и крестьяне повезутъ какіе продажные товары, а торговати ими тамо не стануть—и съ тѣхъ его Григорьевыхъ съ непродажныхъ товаровъ имати проѣзжая пошлина по-прежнему; а буде учнутъ чѣмъ торговать и какіе товары продавать—и съ тѣхъ его со всякихъ продажныхъ товаровъ и съ людей всякіе пошлины имати по уставнымъ грамотамъ, казавъ имъ тѣ Наши государскія грамоты, а сверхъ уставныхъ грамотъ лишнихъ пошлинъ съ нихъ не имать, чтобъ имъ въ томъ мотчанія и простою не было.

„А какъ изъ его Григорьевыхъ Пермскихъ вотчинъ съ Орла городка, и съ Новаго Усоля, и съ Чусовые, и изъ иныхъ его острожковъ поѣдутъ люди и крестьяне съ солью его внизъ Камю рѣкою и до Казани, а изъ Казани до Нижняго, а изъ Нижняго въ верховые города, гдѣ у него соль положена, и будетъ въ которыхъ городѣхъ для продажи или въ Сибирскихъ и въ понизовыхъ городѣхъ его Григорьевы жъ люди и крестьяне будутъ съ товары—и тѣмъ его людямъ и крестьяномъ, которые будутъ съ его товары во всѣхъ Сибирскихъ и въ понизовыхъ городѣхъ и въ Астрахани, Нашихъ государскихъ служебъ служить не велѣтъ и въ подмоги съ нихъ въ Наши государскіе службы ихъ не имать, а бояромъ Нашимъ и воеводамъ и вся-

кимъ приказнымъ людемъ по всѣмъ городомъ всего Нашего Царскаго Величества Россійскаго государства людей его и крестьянъ съ солью и струговъ ни на которомъ городѣ не задерживать, и тѣсноты и обиды никакіе не чинить, и вездѣ ихъ пропускать безъ задержанія и безо всякихъ убытковъ, чтобъ имъ въ томъ однолично мотчанія никакого и простою ни отъ кого не было.

„А куды ему, Григорію Дмитріевичу Строганову, случится ѣхать въ дорогу самому, или дѣтямъ, или внучатомъ, или братьѣ, или племянникомъ, или людемъ его и крестьяномъ, по всѣмъ городомъ и межъ города, гдѣ ни есть, — и всякимъ приказнымъ людемъ и откупщикомъ, чей кто ни будь, проѣзжаго мыту и головщины и на рѣкахъ перевозовъ и мостовщины съ нихъ не имать, и ставитись имъ во дворѣхъ вездѣ безъявочно, и перевозить ихъ на рѣкахъ и пропускать ихъ на мостахъ безденежно, чтобъ имъ въ томъ мотчанія не было.

„Да его жъ, именитаго человѣка Григорья Дмитріевича Строганова, Мы, Вел. Гос—ри, Наше Царс. Величество, пожаловали: буде назначенъ будетъ впредь съ него, Григорья, въ Нашу Вел. Государя казну какой денежной поборъ — и въ то время имать у него, Григорья, о пожиткахъ его и всякихъ промыслахъ сказки за его Григорьевою рукою и по тѣмъ сказкамъ съ пожитковъ и съ промысловъ къ Нашимъ государскимъ поборамъ окладывать его, Григорья, тѣмъ людемъ, кому Мы, Великіе Государи, укажемъ, а гостямъ его, Григорья, денежнымъ поборомъ не окладывать.

„Да Мы жъ, Вел. Г—ри, Наше Цар. Вел—во, его жъ, именитаго человѣка Григорія Дмитріевича, пожаловали для вѣчнаго миру, который учинился между Нами, Великими Государи, и Королевскимъ Величествомъ Польскимъ, — за многіе его службы и денежные поборы мимошедшихъ временъ, ратнымъ людемъ на жалованье, велѣли ему учинить окладъ помѣстный тысячу четей и денегъ съ прежнею указною статьею сто пятьдесятъ рублей для того, что роду его Строгановы изстари знатные именитые люди и въ Уложенѣ имянно объ нихъ напечатано: а гостямъ никому то не въ образецъ.

„Дана ся Наша Царскаго Величества жалованная грамота въ Нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія міра 7196 мѣсяца іюня 27 день, государствованія Нашего въ 7 годъ“.

На подлинной грамотѣ написано тако: „Сее Великихъ Государей жалованную грамоту подписалъ Государственнаго Посольскаго Приказа дьякъ Иванъ Волковъ“.

У той грамоты красная вѣслая печать, а та грамота писана на пергаментѣ.

На оборотѣ той грамоты подписано тако: „Божіею милостию пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и Великая Государыня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы“.

Справиль Івашко Левкѣвъ.

Выписка изъ Сольвычегодскаго синодика Строгановыхъ.

Синодикъ носилъ заглавіе: «Книга, глаголемая синодикъ». На первой страницѣ значилось: «Благослови, Отче, Слава, и нынѣ» (гласъ 4)—и далѣе: «Аще и зомнаго царствія новый Каинъ, богоненавистникъ и братоненавистный, убійственнѣ лиши васъ: Христось же непреходящее и безконечное царство вамъ дарова. Ему же со Ангельскими воинствы предстояще, молитесь спасти любовію почитающія всечестную и многопразднственную память вашу. Аминь». Нижеслѣдующая выписка изъ синодика, какъ важный источникъ для генеалогіи Строгановыхъ, въ февралѣ 1855 г. доставлена была Ѳ. А. Вологову изъ Сольвычегодска Влад. Петр. Титовымъ и нынѣ найдена нами въ бумагахъ Ѳ. А. Вологова. Желая сохранить ее, мы помѣщаемъ ее въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску «Пермской Старины». Покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ издалъ одинъ Строгановскій синодикъ и также, помнится, Сольвычегодскій; не найдя этого изданія въ Перми, мы затрудняемся сказать: изъ того же ли самаго синодика, или изъ другого сдѣлана эта выписка, печатаемая нами для свѣдѣнія мѣстныхъ любителей генеалогіи. Въ подлинной выпискѣ вся хронологія означена церковно-славянскими литтерами*). Синодикъ хранился въ Сольвычегодскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, усыпальницѣ Строгановыхъ.

„Мѣсяца *Сентемврія* въ 1 день: память Симеону, Аникіеву сыну, Строганову—служити соборомъ.

Того жъ дни: память Марѣѣ, Никитинѣ дочери, Григорьева сына Строганова.

Того жъ дни: память другому Симеону—младенцу, Аникіеву сыну, Строганову.

Лѣта 7078 (1569) сент. во 2 день преставися Аникій, во иноцѣхъ Іоасафъ, Ѳедоровъ сынъ, Строгановъ въ 6 часъ дни, въ пятокъ; а жилъ 71 лѣто и 10 мѣсяцевъ. Служити соборомъ.

Того жъ мѣсяца въ 4 день: Моисею, Яковлеву сыну, Строганову память.

Тождь въ 6 день: память Михаилу, Аникіеву сыну, Строганову.

Лѣта 7086 (1577) сент. въ 8 день: преставися Іаковъ, Аникіевъ сынъ, Строгановъ въ 7 часъ дни. Служити соборомъ.

Тождь въ 9 день: память Іоакиму, Яковлеву сыну, Строганову.

Лѣта 7078 (1569) сент. въ 10 день: преставися Марія, во иноцѣхъ Марѣа, Ѳедорова жена, Охлопкова.

*) Предлагаемъ сопоставить нижепомѣщаемыя данныя съ родословной Строгановыхъ, изданной нами въ III томѣ сборника «Пермскій Край» и въ выпускахъ II и IV «Пермской Старины». Данныя значительно дополняютъ родословную.

Тожъ въ 17 день: память Софіѣ, Аникіевѣ женѣ Строганова. Служити соборомъ.

Тожъ въ 20 день: память Михаилу—младенцу, Максиму сыну, Строганову.

Тожъ въ 21 день: память Ѳеодору, Васильеву сыну, Охлопкову, а имя ему было Кондрать.

Лѣта 7077 (1568) сент. въ 25 день: преставися Ѳеодоръ, Васильевъ сынъ, Охлопковъ, во иноцѣхъ Корнилій.

Тожъ въ 28 день: преставися Михайло—младенецъ, Максимовъ сынъ, Строгановъ.

Тожъ въ 30 день: преставися Степанида, Семенова жена Строганова.

Мѣсяца *Октоврiя* въ 4 день: память Іакову, Аникіеву сыну, Строганову. Служити соборомъ.

Тожъ въ 18 день: память Луки, Козмина сына, Строганова.

Лѣта 7095 (1586) октовр. 22 день: преставленіе Симеону, Аникіеву сыну, Строганову. Служити соборомъ. Съ нимъ поминати Димитрія—младенца, Петрова сына Семеновича Строганова.

Тожъ въ 26 день: память Димитрію, Яковлеву сыну, Строганову.

Тожъ въ 27 день: память Нестору Алачинову, Семенову тестю Строганова.

7097 (1586) октовр. въ 30 день: преставися Ѳеодоръ Кобелевъ, Никитинъ тесть Строганова.

Мѣсяца *Ноемврiя* въ 4 день: память Аникію, во иноцѣхъ Іоасафу, Ѳеодорову сыну, Строганову. Служити соборомъ.

Лѣта 7086 (1577) ноябр. въ 5 день: преставленіе Григорію, Аникіеву сыну, Строганову въ 7 часъ ноци. Служити соборомъ.

7132 (1623) октовр. въ 29 день: преставися Марія—младенецъ, другая Петрова дочь Семеновича Строганова. Поминати съ Григорьемъ вмѣстѣ*).

7104 (1595) ноябр. въ 7 день: преставися Ирина, Григорьева жена Строганова.

Тожъ въ 8 день: память Михаилу Аникіеву с. Строганову, и того жъ дни память Михаилу Преподобову, Максиму тестю Строганова.

Тожъ въ 9 день: память Матронѣ, иноцѣ Марѣѣ, Ивановѣ женѣ Юрьева.

---

*) Это извѣстіе, очевидно, занесено было въ древній синодикъ позднѣе и поставлено не на своемъ мѣстѣ.

Тожъ въ 14 день: память Стефанидѣ, Семеновоѣ женѣ Аникіева сына Строганова.

Тожъ въ 28 день: память Ивану, Юрьеву сыну, во иноцѣхъ Исаія схимникъ.

Мѣсяца *Декемрія* въ 11 день: память Данилу, Григорьеву сыну, Строганову.

Тожъ въ 12 день: память Спиридону Строганову, и преставленіе Маріѣ, инокѣ Марѣѣ—схимницѣ, Лукинѣ женѣ Строгановой.

Тожъ въ 20 день: преставленіе Евфиміѣ, Ѳеодоровѣ женѣ Строганова.

Тожъ въ 27 день: память Стефану, Ѳеодорову сыну, Строганову.

Мѣсяца *Генваря* въ 5 день: память Григорію, Аѳанасьеву сыну, Строганову.

Тожъ въ 9 день: память Поліевкту—Петру, Андрееву сыну Бакулеву.

7115 (1607) генв. 17 преставися Аѳанасій, во иноцѣхъ Антоній, на память преподобнаго Антонія.

Тожъ въ 25 день: преставленіе Димитрію, Іаковлеву сыну, Строганову и память Григорію, Аникіеву сыну, Строганову. Служити соборомъ.

Тожъ въ 27 день: память Ивану, Григорьеву сыну, Строганову.

Мѣсяца *Феурала* въ 3 день: память Аннѣ, инокѣ Анастасіѣ—схимницѣ, Аникіевѣ дочери Строганова—служити соборомъ. Того жъ дни память Семену, Семенову сыну, Строганову, да Семену Петрову сыну Бакулеву, да Аннѣ Максимовѣ дочери Строганова.

Тожъ въ 8 день: память двумъ Ѳеодорамъ, Аникіевымъ сыномъ Строганова.

Тожъ въ 9 день: преставленіе Евдокіѣ Петровѣ женѣ Бакулева.

Тожъ въ 11 день: преставленіе Марѣѣ, Никитинѣ дочери Григорьева сына Строганова.

Тожъ въ 12 день: преставленіе Іосифу, Ѳеодорову сыну, Строганову и память Мелентію, Аѳанасьеву сыну, Строганову.

Въ 13 день: преставися Несторъ Алачиновъ, Семеновъ тесть Строганова, да память Симеону—младенцу, Семенову сыну, Строганову.

7105 (1597) феур. въ 15 день: преставися Моисей, Яковлевъ сынъ, Строгановъ.

Въ 17 день память Θεодору, во иноцѣхъ Θεодосію, Лукину сыну Строганову.

Въ 20 день, въ 4 часу нощи, преставися Іосифъ, Максимовъ сынъ, Строгановъ, а жилъ 6 лѣтъ и 10 мѣсяц. и 24 дни.

Въ 28 день память Василью Максиму Строганову.

Въ 29 день память Ивану, Семенову сыну, Строганову.

Мѣсяца *Марта* въ 1 день: память Евдокіѣ Петровѣ женѣ Бакулева.

Во 2 день преставися Агриппина, Максимова теща Строганова.

Лѣта 7101 (1593) марта во 2 же день, въ пятокъ, въ первомъ часу дни, преставися Евфимія, во иноцѣхъ Евфросинія, Яковлева жена Аникіева сына Строганова, а жила 58 л. 7 мѣс. и 22 дни. Служити соборомъ.

Тожь въ 4 день: преставленіе Еленѣ, инокѣ Александрѣ — схимницѣ, Григорьевѣ женѣ Несѣянцовѣ.

Въ 7 день память Василію, Григорьеву сыну, Строганову и Василью, Максиму шурина Строганова.

Въ 9 день: преставленіе Владиміру, Θεодорову сыну, Строганову.

7083 (1575) марта въ 12 день убиты отъ разбойникъ: Григорій, Аѳанасьевъ сынъ, Строгановъ, да Ананія, да Якимъ, Григорьевъ челоуѣкъ.

Тожь въ 17 день: преставленіе Θεодору, во иноцѣхъ схимнику Θεодосію, Лукину сыну Строганову.

7082 (1574) марта въ 19 день: преставленіе Аннѣ, инокѣ Анастасіи—схимницѣ, Аникіевѣ дочери Строганова. Служити соборомъ. Съ нею поминати Симеона—младенца, Семенова сына Строганова, да Дмитрія—младенца, Петрова сына Семеновича Строганова.

Въ 22 день память Василью, иноку Варлааму—схимнику, Аѳанасьеву сыну, Строг—ву.

Въ 25 день преставленіе Мелентію, Аѳанасьеву сыну, Строганову и Симеону—младенцу, Семенову сыну, Строганову,

Въ 31 день преставленіе Ивану, Григорьеву сыну, Строганову.

Мѣсяца *Апрѣля* въ 4 день: память Іосифу, Θεодорову сыну, Строганову и Іосифу, Максиму сыну, Строганову.

7094 (1586) апр. 4 преставленіе Ѳеодосіи, Яковлевой дочери Строгановой—служити соборомъ.

Въ 11 день преставленіе Іоанну, Лукину сыну, Строганову.

Въ 12 день память Василью, Ѳеодорову сыну, Ларіонову*).

Лѣта 7092 (1584) апрѣл. въ 12 же день преставися Кирилль, Максимовъ сынъ, Строгановъ.

7095 (1587) того жъ дни преставися Ѳеодосія, Максимова дочь, Строганова.

Въ 15 день преставленіе Василию, Григорьеву сыну, Строганову.

7076 (1568) апр. въ 22 день преставленіе Іоанну—Вешняку, Ѳеодорову сыну, Строганову.

Въ 27 день преставленіе Іоанну, Семенову сыну, Строганову и Василию Максиму шурина Строганова.

7075 (1567) мѣсяца *Маія* въ 1 день: преставися Софія, Аникіева жена Строганова, а жила 57 лѣтъ и пол-пята мѣсяца—служити соборомъ. Съ нею поминати Василія - младенца, Петра Семеновича сына.

Тоже въ 3 день: память Маврѣ Ѳеодоровѣ дочери Строганова и Маврѣ, Григорьевѣ женѣ Строганова. Служити соборомъ.

Въ 4 день преставленіе Іоакиму, Яковлеву сыну, Строганову.

Въ 5 день память Иринѣ, Григорьевой дочери Строганова.

Въ 8 день память Іоанну, Лукину сыну, Строганову и Іоанну—Вешняку, Ѳеодорову сыну, Строганову.

7078 (1570) маія въ 11 день: преставленіе Поліевкту-Петру, Андрееву сыну, Бакулеву.

Въ 20 день преставленіе Ѳеодосіѣ, Аникіевѣ дочери Строганова—служити соборомъ.

Въ 21 день память Еленѣ, Аникіевѣ дочери Строганова.

Въ 23 день преставленіе Луки, Козмина сына, Строганова и память Михайлу, Яковлеву сыну, Строганову.

Въ 24 день преставленіе Іоанну, Яковлеву сыну, Строганову. Того жъ дни преставися Михайло Преподобовъ, Максимовъ тесть Строганова, на Москвѣ въ пожарѣ.

7079 (1571) въ 25 день память Іоанну, Яковлеву сыну, Строганову.

---

*) Относительно *Ларіоновыхъ*, *Бакулевыхъ* и *Несвянцовыхъ* изъ синодика и другихъ источниковъ не видно, въ какомъ именно родствѣ были они со Строгановыми въ XVI столѣтіи.

Маія въ 29 день: память Θεодосіи, Аникіевѣ дочери Строганова, да Θεодосіи, Яковлевѣ доч. Строг., да Θεодосіи, Максимовѣ дочери Строган. — служить соборомъ, да Θεодосіи, Максимовѣ жъ другой дочери Строганова.

Въ 31 день преставленіе Михаилу, Яковлеву сыну, Строганову.

Лѣта 7082 (1574) *Іюня* во 2 день, въ 12 часу дни, преставися Мавра, Григорьева жена Аникіевича сына Строганова 36 лѣтъ въ 8 мѣсяцѣ. Служить соборомъ.

Тожъ въ 8 день память Θεодору Кобелеву, Никитину тестю Строганова.

Въ 9 день память Кириллу, Аникіеву сыну, Строганову и Кириллу, Максиму сыну, Строганову.

Въ 15 день преставися Мавра, Ѳедорова дочь, Строганова.

7104 (1596) *іюня* въ 17 день преставися Данило, Григорьевъ сынъ, Строгановъ.

Въ 19 день преставленіе Стефану, Ѳедорову сыну, Строганову.

Въ 21 день преставися Анна — младенецъ, Максимова дочь Яковлевича Строганова.

Въ 23 день память Агрипшинѣ, Максимовѣ тещѣ Строганова.

Мѣсяца *Іюля* въ 1 день: память Козьмѣ, Спиридонову сыну, Строганову, да Козьмѣ Жигулеву, во иноцѣхъ Касьяну — схимнику, да Козьмѣ, Григорьеву сыну, Строганову.

Того жъ дни преставленіе Дементію, Юрьеву сыну; тестю Луки Строганова*).

Въ 5 день память Аѳанасію, Ѳедорову сыну, Строганову, да Аѳанасію, во иноцѣхъ Антонію, Владимірову сыну, Строганову.

Въ 11 день память Евфиміи, Ѳедоровѣ женѣ Строганова и Евфиміи, Семеновѣ дочери Строганова, да Евфиміи, Яковлевской женѣ Аникіева сына Строганова, а Ѳедоровѣ дочери Охлопкава, во иноцѣхъ Евфросиніи. Служити соборомъ.

Въ 12 день преставленіе Марѣ, инокѣ Марѣ-схимницѣ, Лукинѣ тещѣ Строганова.

7108 (1600) *іюля* въ 14 день преставися Василій — младенецъ, Максимовъ сынъ, Строгановъ.

---

*) Подъ 9 ноября упомянута Матрона, во инокиняхъ Марѣ, Иванова жена Юрьева, а подъ 28 числомъ того же мѣсяца Иванъ, Юрьевъ сынъ, во инокахъ Исая-схимникъ. Дементій Юрьевъ былъ его братъ и тестъ Луки Строганова. Родство же со Строгановыми Козьмы Жигулева по синодику опредѣлить нельзя.

Въ 15 день память Владиміру, Ѳедорову сыну, Строганову и Владиміру, Максимову сыну Строганова—младенцу.

Въ 19 день преставися Евфимія—младенець, Семенова дочь Строганова.

Въ 23 день преставися Владимір—младенець, Максимовъ сынъ Строганова.

Въ 24 день преставися Аѳанасій, Ѳедоровъ сынъ, Строгановъ. Того жъ дни память Христинѣ, Аникіевѣ дочери Строганова.

Въ 27 день преставися Ѳеодосія, Максимова дочь Строганова.

Въ 30 день преставленіе Козьмѣ, Григорьеву сыну, Строганову.

Мѣсяца *Аугуста* въ 7 день память Дементію, тестю Луки Строганова.

Въ 15 день память Марьѣ, инокѣ Марѣѣ, Ѳедоровѣ женѣ Охлопкова.

Въ 21 день память Вассѣ, Аникіевѣ дочери Строганова.

Въ 22 день преставленіе Василью, иноку Варлааму-схимнику, Афанасьеву сыну Строганову.

Въ 31 день преставишася: Іоасафъ-схимникъ, игумень Борисоглѣбской у Соли Вычегодской—отець духовный, и Андрей, священникъ Троицкій, во иноцѣхъ Аѳанасій—отець духовный.

Примѣчаніе: Здѣсь сентябрьскій годъ кончается, почему въ синодикѣ прекращается и послѣдовательное перечисленіе именъ по мѣсяцамъ и числамъ. Дальнѣйшія записи носятъ иной характеръ, представляя позднѣйшее дополненіе къ основѣ древняго синодика—полному годовому кругу; ведутся онѣ не по мѣсяцамъ и числамъ, а по годамъ, начиная съ 1601-го и оканчивая 1668-мъ, а это то и имѣетъ важное значеніе для науки. Выписываемъ все дословно изъ нашей рукописи.

„Лѣта 7110 (1601 г.) *) декабря въ 24 день преставися Аѳанасьева жена Строганова Зиновія, во иноцѣхъ Анисія, а память ей 30 октября.

7110 (1602) февраля въ 3 день преставися Борисъ, Несторовъ сынъ, Алачиновъ, а память ему маія во 2 день.

Іюля въ 3 день преставися Евдокія—младенець, Максимова дочь Строганова, а память ей марта въ 1 день.

7109 (1601) іюля въ 23 день преставися Ѳеодосія—младенець, Максимова дочь Строганова, а память ей маія въ 29 день.

7114 (1605) декабря въ 17 день преставися Анна, Ѳедорова жена Кобелева, а Никитина теща Строганова.

*) Въ синодикѣ вездѣ поставлены только годы отъ сотворенія міра. Годы отъ Рож. Христ. мы поставили въ скобкахъ для удобства пользованія данными синодика.

7117 (1608) сентября 14, противъ 15 числа въ пятомъ часу нощи, преставися раба Божія Евпраксія*), во иноцѣхъ Евфімія, Никиты Григорьева сына Строганова жена, а Ѳедорова дочь Кобелева, а жила всего отъ рожденія до преставленія своего 43 лѣта и 7 мѣсяцовъ и 27 дней, а память ей 16 сентября.

7124 (1616) февраля въ 4 день преставися Иванъ—младенецъ, Ивановъ сынъ, Максимова сына Строганова; жилъ 4 мѣсяца и 15 дней, а память ему сентября въ 23 день.

7127 (1618) ноябрю въ 24 день преставися Никита, Григорьевъ сынъ, Строгановъ, жилъ отъ рожденія своего 56 лѣтъ и 2 мѣсяца и 8 дней, а память его бываетъ сентября въ 15 день**).

7132 (1624) апрѣля съ 5 числа противъ 6-го, на память преподобнаго отца нашего Евтихія, съ понедѣльника на вторникъ въ 4 часу нощи, преставися Максимъ, Яковлевъ сынъ, Строгановъ; а жилъ отъ рожденія своего 67 лѣтъ и 2 мѣсяца и 16 дней; а память его января въ 21 день. На память и на преставленіе служити игумену соборомъ.

7135 (1627) апрѣля въ 28 день, въ субботу въ 9 часу дни, на память святыхъ апостолъ Іасона и Сосипатра, преставися Максимъ Максимовичъ Строгановъ, а жилъ отъ рожденія своего 24 лѣта и 3 мѣсяца и 8 дней, а память его генваря въ 21 день. На память и на преставленіе игумену соборомъ служити.

7135 (1627) іюня въ 23 день, въ субботу, во 2 часу дни, на память св. мученицы Агриппины, преставися Варвара, а во инокиняхъ Вѣра, Ивановская жена Чудинова, а дочь Якова Іоанникіевича Строганова, а жила отъ рожденія своего 80 лѣтъ и 6 мѣсяцовъ, 2 недѣли и 5 дней, а память ея декабря въ 4 день.

7139 (1631) іюля въ 31 число и августа на 1 число, въ 5 часу нощи, преставися Максима Яковлевича Строганова жена Марія Михайловна Преподобова, а во иноческомъ чину Марѳа—схимница. Жила отъ рожденія своего до преставленія 66 лѣтъ 8 мѣс. и 10 дней, а память ея ноябрю въ 21 день. На память и на преставленіе игумену служити соборомъ.

7142 (1634) іюня въ 13 день, въ пятокъ, въ 6 часу дни, преставися Ивана Максимовича Строганова жена Евѳимія Савишна Пушкина. Жила отъ рожденія своего 37 лѣтъ 1 мѣсяць и 3 дни,

*) По другимъ источникамъ Евфросинія.

**) Доказательство, что первоначальный синодикъ былъ доведенъ только до наступленія XVII вѣка, а всѣ дальнѣйшія приписки сдѣланы уже въ этомъ вѣкѣ. Имя такого представителя фамиліи непременно было бы занесено въ древній синодикъ.

а память ея іюля въ 11 день. На память и на преставленіе служить соборомъ.

7144 (1636) марта 6, противъ 7 числа Великаго поста сборнаго воскресенія на понедѣльникъ въ ночи въ 5 часу, преставился рабъ Божій Михайло, Ивановъ сынъ, Строгановъ, а жилъ отъ рожденія своего 17 лѣтъ и 5 мѣс. и 16 дней.

7144 (1636) августа въ 14 день, въ часъ 8-й дни, въ исходѣ, преставился раба Божія Марѳа, Иванова дочь, Строганова, а жила отъ рожденія своего 15 лѣтъ 5 недѣль и 5 дней, а память ея іюля въ 5 день*).

7147 (1638) ноября въ 19 день преставился Евдокія, во инокиняхъ Евфросинія, Несторова дочь, Семена Іоанникіевича Строганова жена, а жила 77 лѣтъ и 7 мѣс. и 18 дней и 5 часовъ, а память ея марта въ 1 день.

7147 (1639) марта въ 24 день, въ 3 часъ дни, преставился Петръ Семеновичъ на Москвѣ, а жилъ 56 лѣтъ и 2 мѣс. и 7 дней и 6 часовъ, а память его января въ 16 день; а погребень у Соли Вычегодской того жъ году маія въ 6 день.

7148 (1640) іюня въ 20 день, въ 1 часъ ночи, преставился раба Божія Анна, Стефанова дочь, Ивана Максимовича Строганова жена, а память ея бываетъ въ зачатіе св. Анны**).

7152 (1644) августа въ 21 день, на память св. апостола Фаддея, въ среду, въ вечеру на ношномъ часу, преставился Иванъ Максимовичъ Строгановъ, а жилъ отъ рожденія своего 52 лѣта и 22 дня, а память его іюля въ 30 день.

7157 (1649) іюля въ 17 день, во вторникъ, въ 4 часу дни, преставился Андрей Семеновичъ Строгановъ, а во иноцѣхъ Авраамій, а жилъ отъ рожденія своего 67 лѣтъ и 11 мѣс. и 5 дней, а память ему августа въ 19 день.

7157 (1649) мѣсяца (мѣсто пустое) преставился Θεодора, Ивана Максимовича дочь Строганова, а жила отъ рожденія своего (опять пустое мѣсто), а память ея февраля въ 11 день. Привезена къ Соли и погребена 158 (1650) году марта въ 16 день.

7177 (1668) мѣсяца октября въ 19 день преставился Даниилъ Ивановичъ Строгановъ на Москвѣ, а привезенъ къ Соли и погреб-

---

*) Такія подробности записей показываютъ, что послѣднія вносились въ синодикъ тотчасъ по кончинѣ каждаго лица изъ дома Строгановыхъ.

**) Это была, слѣдовательно, вторая супруга (послѣ Е. С. Пушкиной) Ивана Максимовича, фамилія которой, къ сожалѣнію, не указана. Въ другихъ родословныхъ Строгановыхъ она пропущена.

бенъ у Соли марта въ 8 день, а память его бываетъ декабря въ 17 день. А жилъ отъ рожденія своего 45 лѣтъ и 10 мѣсяцовъ и 2 дни и 3 часа“.

Заключеніе. Приведенныя выписки изъ Сольвычегодскаго синодика Строгановыхъ дѣлаютъ яснымъ составъ этого памятника древней русской письменности, чрезвычайно важнаго для генеалогіи именитыхъ людей. Синодикъ раздѣлялся на двѣ части. Первая обнимала XVI вѣкъ, а вторая—XVII до перехода большей части земель въ руки послѣдняго «именитаго человѣка» Григорія Дмитріевича Строганова, т. е. до оставленія Строгановыми Сольвычегодска, какъ постоянного мѣста жительства этой фамиліи. Съ конца XVII в. весь родъ Строгановыхъ сосредоточивается уже въ Москвѣ, а съ начала XVIII-го—въ Петербургѣ. Такимъ образомъ издаваемый нами синодикъ обнимаетъ самый главный по продолжительности и отдаленности отъ нашего времени Сольвычегодскій періодъ въ исторіи рода Строгановыхъ, давая самыя точныя и достовѣрныя генеалогическія свѣдѣнія о Строгановыхъ за цѣлыя полтора столѣтія. Всѣ ранѣе изданныя нами родословныя ихъ (во II и IV вып. этого изданія и въ III томѣ сборника «Пермскій Край») во многихъ случаяхъ уступаютъ Сольвычегодскому синодику по количеству и точности генеалогическихъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи издаваемый синодикъ составляетъ необходимое къ нимъ дополненіе, котораго не слѣдуетъ забывать всякому, кто изучаетъ исторію именитыхъ людей Строгановыхъ.

Выписка изъ Орловскаго синодика.

Доншиѣ сохраняющійся въ церкви села Орла-городка, что въ Соликамскомъ уѣздѣ, другой Строгановскій синодикъ 1703 г. представляетъ только перечень именъ, не снабженный какими-либо хронологическими данными. Онъ не можетъ поэтому идти въ сравненіе съ своимъ Сольвычегодскимъ предшественникомъ, но мы и ему даемъ здѣсь мѣсто для сравненія съ другими синодиками той же фамиліи. Онъ писанъ уставомъ и украшенъ виньетками подъ золотомъ и красками. Заглавіе имѣетъ такое: «Отъ Рождества Христова 1703 году мѣсяца сентемврія въ 20 день сей синодикъ, сирѣчь помяникъ, именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строганова приложилъ (онъ) въ вотчину свою, на Орель-городокъ, къ соборной церкви Похвалы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи въ душевное свое спасеніе и вѣчное поминовеніе прародителей своихъ. Писано въ лѣто отъ сотворенія міра 7211 мѣсяца сентемврія въ 20 день». Помяникъ раздѣленъ на 15 отдѣловъ или статей.

1 отд. заключаетъ краткую исторію введенія въ Россію Православныя Греческія вѣры и духовенства, съ наставленіемъ о необходимости душеспасительнаго поминовенія усопшихъ и моленія за нихъ въ извѣстные дни.

2 отд. заключаетъ: помяникъ усопшихъ рабовъ, во блаженнѣй памяти преставльшихся святѣйшихъ патріарховъ Московскихъ и всея Россіи.

3 отд. Помяникъ усопшихъ, во блаженнѣй памяти преставльшихся преосвященныхъ митрополитовъ Московскихъ и Кіевскихъ и всея Россіи.

4 отд. Поминаются епископы и архієпископы Вятскіе и Великопермскіе.

5 отд. Поименованы усопшіе Благовѣрные Великіе Князья всея Россіи.

6 отд. Поминаются Благочестивѣйшіе Цари и Великіе Князья Московскіе и всея Россіи.

- 7 отд. Благовѣрныя Великія Княгини.
- 8 отд. Благовѣрныя Царицы и Великія Княгини.
- 9 отд. Благовѣрныя Царевичи и Великіе Князья.
- 10 отд. Благовѣрныя Царевны и Великія Княжны.
- 11 отд. Родъ Строгановыхъ—со Спиридона до Григорія Дмитріевича.
- 12 отд. Дѣти Строгановыхъ, младенцы.
- 13 отд. Отцы духовные Строгановыхъ.
- 14 отд. Люди Строгановыхъ.
- 15 отд. Церковные причетники Орловскіе.

И наконецъ во многихъ мелкихъ статьяхъ роды позднѣйшаго времени священно-церковнослужителей, Усольскихъ приказныхъ и крестьянъ Орловскихъ и другихъ селеній.

„Спиридона, Козмы, Луки, схимонаха Θεодосія, схимонахи Марѳы, схимонаха Іоасафа, Евфиміи, Софіи, Максима, Дементія, схимонахи Марѳы, схимонаха Касіана, схимонахи Акилины, схимонаха Ісаи, схимонахи Марѳы, схимонаха Корнилія, Поліевкта, Симеона, Евдокіи, Михаила, Іоанна, Аѳонасія, Стефана, Іоанна, Іосифа, Владиміра, Іоанна, Мавры, Сүмеона, схимонахи Анастасіи, Θεодосіи, Іакова, Григорія, Сүмеона, Мавры, Евфросиніи, Анастасіи, Стефаниды, Александра, схимонаха Питирима, схимонаха Іоанна, схимонахи Маріи, схимонаха Варлаама, Григорія, Мелетія, Маріи, Василія, Ирины, Ульяніи, Марины, Анастасіи, схимонаха Мисаила, Варвары, Θεодосіи, Евфиміи, Діонисія, Софронія, Мины, Анны, Георгія, схимонаха Касіана, Григорія, Андрея, схимонаха Іліи, Евфиміи, схимонаха Александра, Анастасіи, Агрипины, Сүмеона, схимонахи Елены, Михаила, схимонаха Антонія, схимонаха Спиридона, Алексія, Анагії, Агрипины, Михаила, Василія, Θεодора, Димитрія, Θεодора, Михаила, Нестора, схимонахи Пелагії, Татіаны, Венедикта, схимонахи Евфросиніи, Бориса, схимонаха Іоасафа, Ирины, Даніила, Іосифа, Θεодора, схимонахи Анисіи, Ксеніи, Капитолины, Анны, схимонаха Антонія, Ульяніи, схимонахи Евфиміи, схимонахи Антониды, Капитолины, Мавры, Никиты, Евдокіи, Максима, схимонахи Вѣры, Евфиміи, Михаила, Марѳы, схимонахи Евфросиніи, схимонаха Авраамія, Петра, Татіаны, Анны, Іоанна, схимонахи Маріи, Іоанна, Максима, Димитрія, схимонахи Александры, Θεодора, Даніила, Анны, Агафіи, Михаила, Марѳы, Екатерины, Марѳы, княгини Пелагії, княгини Анпы, Анпы, боярыни княгини Стефаниды, Вассы, Анны, князя Петра, княгини Параскевы, схимонаха Іоны, Феоктиста, Іоанна, боярыня князя Петра, Автонома, Евдокіи, дѣвицы княгини Ксеніи, князя

Аникиты, Тимоѳея, боярина Іоанна 2, Екатерины, Андрея, Ильи, Ксеніи, Пелагіи, Елены, Анны, Маріи, схимонахи Анисіи, княгини Пелагіи, Іоанна, княгини Параскевы, Анны, Василия, Ѳеодора, Вассы, Евфиміи, Григорія, схимонахи Маріи, Неонила, дѣвицы Евдокіи, Іоанна, Григорія 2, Іакова, Аѳанасія, княгини Анны, Марѳы дѣвицы, Іакова, Маріи 2, Петра, Іоанна, Параскевы, Домники, Алексія, Іоны, Іоанна, Сѳмеона, Наталіи, Матвея, Стефаниды, Іоанна, Петра, Ѳеодора, Марѳы, Іоанна, Алексія, Домники, Льва, Ѳеодора, дѣвицы Ксеніи, Григорія*), Маріи**), барона Александра, барона Николая, барона Сергія, баронессы Анны, барона Николая, графа Валентина, графини Елены, графини Маріамны, графа Александра, графа Павла, графа Александра, графини Ольги, графини Софіи***).

Дѣти Строгановыхъ, младенцы, поименованные въ Орловскомъ помянникѣ, усопшіе по 1703 годѣ.

Василій, Патрикій, Сѳмеонъ, Михаилъ, Ѳеодоръ, Михаилъ, Ѳеодоръ, Стефанъ, Кириллъ, Христина, Васса, Елена, Іоакимъ, Дмитрій, Моисей, Іоаннъ, Михаилъ, Матрона, Евфимія, Ульянія, Косма, Іоаннъ, Василій, Ирина, Марѳа, Сѳмеонъ, Сѳмеонъ, Іоаннъ, Евфимія, Борисъ, Кириллъ, Ѳеодосія, Анна, Евдокія, Владиміръ, Михаилъ, Василій, Ѳеодосія, Ирина, Андрей, Анастасія, Іоаннъ, Адрианъ, Василій, Ефросинія, Григорій, Дмитрій, Петръ, Анна, Марія, Дмитрій, Марія, Алексій, Васса, Евдокія, Іоаннъ, Елена, Петръ, Ѳеодоръ, Михаилъ, Агрипина, Василій, Стефанъ, Дмитрій, Петръ, Ксенія, Дарія, Андрей, Татіана, Анна, Ѳеодосія, Мавра, Іоаннъ, Ѳеодоръ, Михаилъ, Ирина“.

КОНЕЦЪ VI ВЫПУСКА.

*) Разумѣется Григорій Дмитріевичъ, скончавшійся 1715 ноября 21.

**) Разумѣется его супруга Марія Яковлевна, урожденная Новосильцева. † 1733 г., ноября 9.

***) Разумѣется гр. Софія Владиміровна Строганова († 1845 г. марта 5-го), супруга гр. Павла Александровича Строганова, урожденная княжна Голицына.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ автора-издателя	Стр. I—II.
Къ исторіи Сибирскаго вопроса	III—XXVII.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Глава I: <i>Участіе Чердыни въ построеніи новыхъ русскихъ городовъ въ Сибири послѣ Тобольска . . . . .</i>	1—29.

Постройка новыхъ русскихъ городовъ на старой дорогѣ изъ Руси въ Сибирь, шедшей чрезъ Чердынь (1—3). Основаніе города Лозвы (3—5). Предположенія объ основаніи города Таборъ на р. Тавдѣ и первый наказъ 1592 г. князю П. И. Горчакову (6—11). Основаніе русскаго Пельма въ 1593 г. и гибель кн. Аблегирима (11—13). Уѣзды Лозвинскій и Пельмскій (13—14). О началѣ города Березова (14—16). Уѣздъ Березовскій (17). О началѣ г. Сургута (18—19). Измѣненіе старой дороги изъ Руси въ Сибирь, какъ причина основанія Верхотурья (19—20). Сибирскій транзитъ того времени (20—22). Особенное участіе Чердыни въ основаніи г. Верхотурья и новый Верхотурскій уѣздъ (22—25). Начало г. Туринска и новый Туринскій уѣздъ (26—29).

Глава II: <i>Послѣдняя борьба Кучума съ Русскими и его гибель . . . . .</i>	30—57.

Основаніе города Тары и наказъ 1594 г. князю Андрею Вас. Елецкому (30—39). Пермичи въ Сургутѣ и потомъ въ Тарѣ (33—34). Жизнь Кучума послѣ потери имъ Искера и отношенія его къ царю Оеодору Иоанновичу (39—41). Походъ кн. А. В. Елецкаго противъ Кучума (42—44). Другой походъ русскихъ въ области Кучума (44—45). Увольненіе князя Андрея Елецкаго и назначеніе въ Тару кн. Оеодора Борис. Елецкаго (45—48). Новый наказъ послѣднему 1595 года (тамъ же и 49). Третій походъ изъ Тары противъ Кучума (49). Назначеніе въ Тару воеводъ Кузьмина и Андрея Воейкова (50). Переходъ Кучума съ Иртыша на р. Обь и четвертый походъ русскихъ противъ него (50—51). Роковая для него битва съ русскими на р. Оби 20 августа 1598 г. (51—52). Плѣнь его семейства и дальнѣйшія скитанія Кучума (52—54). Вопросъ о мѣстѣ смерти Кучума (54—56). Конецъ прежней исторической роли города Чердыни (56—57).

Глава III: *Отношеніе преемниковъ Иоанна Грознаго къ Строгановымъ* . . . . . 57—69.

Отношеніе къ Строгановымъ царя Феодора Иоанновича въ первые годы и въ концѣ его царствованія (58—64). Поѣздки Строгановыхъ въ Москву и царское благоволеніе къ Никитѣ Григ. Строганову (тамъ же). Жалованная ему грамота отъ 7 апрѣля 1597 г. (тамъ же). Дѣятельность Строгановыхъ на пользу отечества въ Смутное время (64—69). Отношеніе къ нимъ царя Василія Шуйскаго и князя Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго (тамъ же).

Глава IV: *Пермскій край въ Смутное время* . . . . . 70—123.

Отзывы С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова о Пермичахъ того времени (стр. 70). Великопермскіе воеводы Смутнаго времени (71—73). Воеводство князя Семена Юрьевича *Вяземскаго* (73—82). Неудача перваго Пермскаго ополченія (74). Тягость Сибирскихъ отпусковъ и другихъ поборовъ (75—80). Дѣло о Соликамскомъ ямѣ (75—76, 81—82). Воеводство Феодора *Акинѣова* (82—109). Злоупотребленія въ Сибирскихъ отпускахъ (83—84). Сборъ второго Пермскаго ополченія и его неудачи (84—93). Сношенія съ Вяткой, Сольвычегодскомъ и другими городами (тамъ же). Упреки Пермичамъ отъ Устюжанъ (95—96). Пассивное отношеніе Акинѣова къ дѣламъ управленія съ весны 1609 года (97—100). Жалобы Сибирскихъ служилыхъ людей на него (100—102). Жалобы Вятскаго воеводы кн. Ухтомскаго (103—107). Заслуги Соликамцевъ въ 1609 г. (108—109). Воеводство Ивана *Чемоданова* (110—118) и начало междуцарствія въ Русской землѣ. Сборъ третьяго Пермскаго ополченія и его отправка подъ Москву въ мартъ 1611 г. (111—114). Новыя отписки въ Пермь Великую изъ разныхъ городовъ о положеніи дѣлъ въ Россіи (114—118) и вопросъ о всенародномъ избраніи новаго царя (тамъ же). Временное воеводство Матвѣя Мих. *Годунова* въ Перми Великой (118) и назначеніе слѣдующаго воеводы Петра *Нашокина*. Тайный заговоръ противъ Перми среди сосѣднихъ съ нею инородцевъ (119—121). Общее заключеніе о дѣятельности Великопермскихъ воеводъ Смутнаго времени (121—123).

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Библиографическія замѣчанія о первой жалованной Строгановымъ грамотѣ 1558 г. на земли въ Перми Великой . . . . . 125—128.
 Строгановскія грамоты, въ числѣ 21, XVI—XVII в.в. 129—174.
 Выписка изъ Сольвычегодскаго синодика Строгановыхъ. 175—184.
 Выписка изъ Орловскаго синодика . . . . . 184—186.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. „ПЕРМСКАЯ СТАРИНА“,

выпускъ I, „Древности бывшей Перми Великой“ (до XVII вѣка). Пермь. 1889 г. Цѣна 1 рубль.

выпускъ II, „Пермь Великая въ XVII вѣкѣ“. Пермь. 1890 г. Цѣна 1 рубль.

выпускъ III, „Экономическіе очерки Перми Великой“. Пермь. 1891 г. Цѣна 1 рубль.

выпускъ IV, „Строгановы и Ермакъ“. Пермь. 1892 г. Цѣна 1 рубль.

выпускъ V, „Покореніе Угорскихъ земель и Сибири“. Пермь. 1894 г. Цѣна 1 рубль.

2. „Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми“.

Пермь. 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЦѢНА VI ВЫПУСКА 1 РУБЛЬ.

Изданія продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, у Петровскаго—въ Перми и у Дубровина—въ Казани (Гостинный дворъ № 1-й).